

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Немой
свидетель

Annotation

Убита молоденькая воспитанница недавно скончавшейся богатой пожилой дамы. Все улики указывают на другую наследницу состояния, причем обвиняемая даже умудряется сознаться в содеянном. Но Эркюль Пуаро подозревает, что все не так уж просто. Такова завязка романа «Печальный кипарис».

- [Агата Кристи](#)
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)

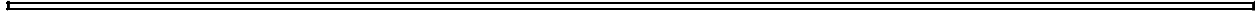
- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Агата Кристи

Печальный кипарис

Питеру и Пегги Маклеод посвящаю

*Уходи, улетай, смерть!
Где печальный стоит кипарис,
Дай мне в землю спокойно лечь!
И тогда, о мой дух, испарись!
Пусть ветки тиса обовьют
Мой саван.
С любимой смерть я разделю
Как славу.*[\[1\]](#)

*В. Шекспир. «Двенадцатая ночь»,
акт II, сц. 4*

Пролог

– Элино́р Кэ́трин Карлайл, вам предъявляется обвинение в убийстве Мэри Джерард, совершенном двадцать седьмого июля сего года. Признаете ли вы себя виновной?

Элино́р Карлайл стояла, гордо подняв изящную темноволосую голову, бесстрашно глядя на судью бездонными синими глазами.

В зале повисла тишина – напряженная, многозначительная тишина.

Сэра Эдвина Балмера, защитника, охватило тревожное предчувствие.

«Боже мой, – подумал он, – она готова признать себя виновной... У нее сдали нервы...»

Элино́р Карлайл чуть сдвинула тонкие брови и разжала губы:

– Я не виновна.

Защитник с облегчением вытер платком лоб.

Обвинитель сэра Самьюэл Аттенбери стоя излагал суть дела, обращаясь к суду:

– Позвольте, ваша светлость и господа присяжные, сообщить, что двадцать седьмого в три тридцать пополудни Мэри Джерард скончалась в Хантербери, Мейденсфорд...

Его голос, звучный и приятный, лился и лился, обволакивая сознание. Элино́р почти ничего не воспринимала. Лишь отдельные случайные фразы:

– ...Дело до чрезвычайности простое... Обязанность обвинения подтвердить мотивы и благоприятствующие обстоятельства...

...Ни у кого, кроме обвиняемой, насколько можно судить, не было никаких мотивов убивать эту несчастную девушку – Мэри Джерард. Юное существо с чудесным характером, всеми любимое, не имевшее ни единого, можно сказать, врага...

«Мэри, Мэри Джерард! Каким далеким все это сейчас кажется... и каким нереальным...»

– ...Особое внимание прошу уделить выяснению следующих обстоятельств.

Первое. Какими возможностями и средствами располагала обвиняемая для того, чтобы дать жертве яд?

Второе. Что именно послужило мотивом преступления? Я обязан представить свидетелей, которые помогут вам установить истину в этом деле...

...Что касается отравления Мэри Джерард, я приложу все усилия,

чтобы доказать, что ни у кого, кроме обвиняемой, не было возможности совершить это преступление.

Элинора казалось, что ее окутал плотный туман, сквозь который до нее долетали лишь отдельные слова.

– ...Сандвичи... Рыбный паштет... Пустой дом...

Будто через тяжелое толстое покрывало слова булавками вонзались в ее сознание.

Зал суда. Лица. Целые ряды лиц! Среди них выделяется одно – с большими черными усами и пронизательными глазами. Эркюль Пуаро, слегка склонив набок голову, задумчиво следит за ней.

«Ну ясно: старается понять, почему я это сделала... Пытается проникнуть в мои мысли, чтобы узнать, о чем я тогда думала, что чувствовала...» – подумала она.

«Что чувствовала?... Какое-то затмение – затем чуть болезненное ощущение от шока...»

Она увидела лицо Родди... родное, милое лицо... длинноватый нос, выразительный рот...

«Родди! Всегда Родди – всегда, с тех самых пор, как себя помню... да-да, с тех самых дней в Хантербери – среди кустов малины, наверху, где водились кролики, и внизу – у ручья. Родди – Родди – Родди...»

Есть и другие знакомые лица! Свежая веснушчатая физиономия сестры-сиделки О'Брайен: рот слегка приоткрыт, шея вытянута вперед. У сестры Хопкинс очень чопорный вид – чопорный и неумолимый. Лицо Питера Лорда... Питер Лорд, такой добрый, такой благоразумный, такой... успокаивающий! Но сегодня он выглядит... как бы это выразить... потерянным? Да – именно потерянным! Как он глубоко все это переживает! А ей, главному действующему лицу, абсолютно все равно!

Она совершенно спокойна и холодна, хотя и находится на скамье подсудимых и ее обвиняют в убийстве.

Но вот в ней словно что-то шевельнулось: мгла, окутавшая ее сознание, стала рассеиваться. Она на скамье подсудимых!.. И люди, люди...

Люди... Их горящие глаза пожирают ее, Элинора, их рты приоткрыты. Они с затаенной жестокой радостью слушают, что говорит о ней этот высокий человек с иудейским носом. Да, да, для них это всего лишь щекочущее нервы развлечение.

– Факты в этом деле абсолютно ясны и не вызывают сомнений, – говорил этот человек, – я кратко изложу их вам.

С самого начала Элинора стала вспоминать: «Начало... Начало? Тот день, когда пришло это ужасное анонимное письмо. Это и было

началом...»

Часть первая

Глава 1

1

Анонимное письмо!

Элинор Карлайл стояла, держа в руке распечатанное письмо. Она никогда еще не сталкивалась с подобными вещами. Оно было написано на дешевой розовой бумаге, почерк корявый, куча ошибок.

Какая гадость!

«Это – чтобы предупредить вас. Я не называю имен, но существует Кое-кто присосавшийся к вашей Тетушке, и если вы не позаботитесь, Лишится Всего. Девушки очень Хитры и старые леди размякают, когда они к ним подлизываются и льстят им. Что я говорю – это вы лучше приезжайте и увидите сами, что кое-кто собирается обогреть вас... и молодого джентльмена... зацапать то, что Ваше по праву – и Она Очень Хитрая и Старая Леди может Загнуться в любую минуту.

Доброжелатель».

Элинор продолжала с гримасой отвращения вчитываться в корявые строчки, но тут открылась дверь, и горничная объявила: «Мистер Уэлман». Вошел Родди.

Родди! Как всегда, когда она его видела, ее охватывал легкий трепет, внезапное ощущение блаженства, но она знала, что не должна выдавать себя и что ей обязательно нужно сохранять равнодушно-бесстрастный вид. Ведь совершенно ясно, что, хотя Родди и любит ее, его чувство к ней совсем не такое, какое испытывает она. От одного лишь взгляда на его лицо все в ней переворачивалось, и сердце начинало бешено колотиться, почти болело от счастья. Ей и самой было странно и непонятно, что этот совершенно обыкновенный молодой человек так на нее действовал. При его появлении оживал мир, а звук его голоса вызывал желание... чуть ли не плакать... Но ведь любовь, кажется, должна приносить радость, а вовсе не боль, даже если это такая вот сумасшедшая любовь...

Ясно одно: нужно очень, очень постараться показать свое безразличие или даже пренебрежение. Мужчинам не нравится преданность и обожание. И Родди уж точно этого не любит.

– Привет, Родди! – небрежно бросила она.

– Привет, дорогая! У тебя такой несчастный вид. Счет пришел?

Элинон покачала головой.

– А я думал, это счет, – сказал Родди. – Все-таки середина лета, когда танцуют феи и как из рога изобилия сыплются счета.

– Вообще-то я получила нечто не менее противное, чем счет, – сказала Элинон. – Анонимное письмо.

Родди вскинул брови. Его живое лицо застыло.

– Нет! – воскликнул он с отвращением.

– Да, очень противное... – повторила она и шагнула к стулу. – Пожалуй, лучше его порвать.

Она могла бы сделать это – и почти сделала, – ибо появление Родди не должно быть осквернено этим мерзким письмом. Она могла бы выбросить его и больше о нем не думать. И Родди не стал бы ее останавливать. Его природная деликатность была куда сильнее любопытства. Однако она, сама не зная почему, решила иначе.

– Может, все-таки прочтешь? – предложила она. – Там насчет тети Лоры.

Родди опять удивленно поднял брови.

– Насчет тети Лоры?

Он взял письмо, прочитал и, брезгливо поморщившись, вернул его Элинон.

– Да, – сказал он. – Немедленно его сожги! Ну и ну! Чего только не напишут...

– Как по-твоему, это кто-нибудь из слуг? – спросила Элинон.

– А кто же еще? – Помешкав, он добавил: – Интересно, кого они имеют в виду?

– Скорее всего, Мэри Джерард. Да, наверное, ее, – задумчиво произнесла Элинон.

Родди нахмурился, силясь вспомнить.

– Мэри Джерард? Кто это?

– Это дочь тех людей, что жили в сторожке. Ты мог видеть ее, когда она была еще ребенком. Тетя Лора всегда очень любила эту девочку и всячески ее опекала. Она платила за ее обучение в школе и, мало того, оплачивала уроки музыки, французского языка и чего-то там еще.

– Ах да, – сказал Родди, – теперь я ее припоминаю, худышка,

сплошные руки и ноги, копна растрепанных белесых волос.

Элинон кивнула.

– Ты, наверное, не видел ее после того лета, когда мама и папа уезжали за границу. Ну конечно, ведь ты бывал в Хантербери не так часто, как я, а она в последнее время жила в Германии – нанялась к кому-то в компаньонки. Но в детстве мы часто играли вместе.

– А какая она сейчас? – поинтересовался Родди.

– Она стала очень привлекательной, – ответила Элинон. – Хорошие манеры, и одевается со вкусом. Она ведь получила образование, и ты ни за что бы не признал в ней дочку старого Джерарда.

– Совсем как настоящая леди, а?

– Да. И я думаю, что именно поэтому ей не очень-то уютно теперь в сторожке. Видишь ли, миссис Джерард несколько лет назад умерла, а с отцом Мэри не ладит. Он насмехается над ее образованностью и «господскими выкрутасами», как он это называет.

– Люди и не подозревают, какой вред можно причинить этим самым «образованием»! Их доброта часто оборачивается жестокостью! – в сердцах сказал Родди.

– Да, но, по-моему, она почти все время проводит в хозяйском доме. После того как у тети Лоры был удар, Мэри читает ей вслух, – возразила Элинон.

– А почему ей не может читать сиделка? – спросил Родди.

– У сестры О'Брайен ужасный ирландский акцент, это кого угодно выведет из себя, – улыбнулась Элинон. – Неудивительно, что тетя Лора предпочитает Мэри.

Родди нервно прошелся по комнате и вдруг сказал:

– Знаешь, Элинон, я думаю, нам следует туда поехать.

– Из-за этого письма?.. – снова скорчив брезгливую гримаску, спросила Элинон.

– Нет-нет, вовсе нет. А впрочем, черт возьми, нужно быть честным: да! Оно, бесспорно, мерзкое, однако в нем может быть доля истины. Старушка действительно крепко больна...

– Да, Родди.

Он подкупающе улыбнулся, как бы сожалея о несовершенстве человеческой натуры, и закончил фразу:

– ...и деньги для нас действительно важны – и для тебя, и для меня, Элинон.

– Да-да, конечно, – поспешно согласилась она.

– Ты не подумай, что я такой уж алчный, – продолжил Родди. – Но, в

конце концов, тетя Лора сама много раз говорила, что мы с тобой ее единственные близкие родственники. Ты – ее родная племянница, а я – племянник ее мужа. Она всегда давала нам понять, что после ее смерти все ее состояние должно перейти к одному из нас, а скорее всего – к нам обоим. И это порядочная сумма, Элино́р!

– Да, – задумчиво произнесла она. – Наверное, немалая.

– Содержать Хантерберы – дело нешуточное. Дядя Генри, как говорится, совсем не бедствовал, когда встретился с твоей тетей Лорой. Да и она была богатой наследницей. Ей и твоему отцу досталось приличное состояние. Жаль, что он так неудачно играл на бирже и растерял большую часть своего наследства.

Элино́р вздохнула.

– У бедного отца никогда не было делового чутья. Незадолго до смерти он был очень удручен состоянием своих дел.

– Да, у твоей тети оказалось гораздо больше сметки. Как только она вышла за дядю Генри, они купили Хантерберы. Она мне однажды сказала, что ей всегда везло: она удачно помещала акции и практически никогда не терпела убытков.

– Дядя Генри все завещал ей, да?

Родди кивнул:

– Да. Как жаль, что он так рано умер. А она так больше и не вышла замуж. Сохранила верность дяде. И так всегда нас с тобой баловала. А ко мне относилась так, будто я ее родной племянник. Стоило мне попасть в какую-нибудь неприятную историю, как она сразу же меня выручала. К счастью, таких историй было не слишком много!

– И мне она тоже очень помогала, не жалела денег, – благодарно промолвила Элино́р.

– Тетя Лора молодчина, – кивнул Родди. – А знаешь, Элино́р, ведь если вдуматься, мы с тобой позволяем себе слишком много дорогих удовольствий – при наших-то весьма скромных доходах!

– Пожалуй, ты прав... – с грустью согласилась Элино́р. – Все так дорого стоит – и одежда, и косметика, и всякие глупости вроде кино и вечеринок, и даже граммофонные пластинки!

– Дорогая, ты совсем как одна из тех полевых лилий! Не трудишься, не прядешь!^[2]

– А ты считаешь, я должна это делать? – спросила Элино́р.

Он покачал головой.

– Я люблю тебя такой, какая ты есть: изящная, сдержанная, ироничная. Я бы совсем не хотел, чтобы ты стала чересчур серьезной. Я просто имел в

виду, что, если бы не тетя Лора, тебе, возможно, пришлось бы заниматься какой-нибудь неприятной работой. – Помолчав, он добавил: – То же самое относится и ко мне. Да, у меня вроде бы есть работа. Служу у «Льюиса и Юма». Там не надорвешься, и это меня устраивает. Работаю просто ради уважения к самому себе; но – заметь! – я не беспокоюсь за свое будущее, поскольку возлагаю надежды на наследство от тети Лоры.

– Послушать нас, так мы здорово смахиваем на пиявок, – проговорила Элино́р.

– Чепуха! Нам всегда давали понять, что со временем и у нас будут деньги – только и всего. Естественно, это не могло не отразиться на нашем отношении к жизни.

– Но тетя Лора никогда нам не говорила, как именно она распорядится своими деньгами, – задумчиво сказала Элино́р.

– Какое это имеет значение! – воскликнул Родди. – Скорее всего, она поделит их между нами; а если она оставит большую часть – или даже все – тебе, как кровной родственнице, – я так или иначе получу свою долю, ибо собираюсь жениться на тебе, моя радость; если же наша дорогая старушка решит отдать большую часть мне, как представителю Уэлманов по линии мужа, то и в этом случае у нас не будет никаких проблем, поскольку ты выходишь замуж за меня. – Он нежно ей улыбнулся и добавил: – Нам здорово повезло, что мы любим друг друга. Ведь ты меня любишь, Элино́р, не так ли?

– Да, – прозвучал холодный, почти официальный ответ.

– «Да»! – передразнил ее Родди. – Ты великолепна, Элино́р. Эта твоя манера важничать, эта отчужденность и неприступность... Настоящая принцесса-недотрога. По-моему, именно за это я тебя и люблю.

– За это? – коротко спросила Элино́р, едва сдержав предательский вздох.

– Конечно. – Он поморщился. – Некоторые женщины такие... Не знаю, как сказать... такие собственницы... преданы ну просто по-собачьи – готовы утопить в своем обожании и любви. Терпеть этого не могу. А с тобой я никогда не знаю, чего ждать в следующую минуту, никогда ни в чем не уверен, мгновение – и ты можешь стать холодной и высокомерной, того и гляди скажешь, что передумала, что не хочешь выходить за меня, вот как сейчас, даже не моргнув глазом. Ты изумительное создание, Элино́р, – настоящее произведение искусства... такая... Такая безупречная! Знаешь, по-моему, наш брак должен быть счастливым, – продолжил он. – Мы любим друг друга, не слишком сильно, но достаточно. Мы хорошие друзья. Наши вкусы во многом совпадают. Мы знаем друг друга вдоль и поперек.

На нашей стороне все выгоды родства без недостатков родства кровного. Ты мне никогда не надоешь, ты ведь такая непредсказуемая. Скорее уж я надоем тебе. Я ведь, в сущности, самый обыкновенный малый...

Элино́р покачала головой.

– Ты никогда не наскучишь мне, Родди, никогда!

– Радость моя! – воскликнул Родди и поцеловал ее. – Тетя Лора прекрасно знает о наших отношениях, хотя мы не были у нее после того, как все окончательно для себя решили. Не правда ли, это подходящий предлог, чтобы съездить к ней?

– Да, я на днях как раз думала...

– ...что мы навещаем ее не так часто, как могли бы, – закончил за нее Родди. – Я тоже об этом думал. Когда у нее только-только случился удар, мы посещали ее почти каждую неделю. А теперь... мы не были у нее уже почти два месяца.

– Если бы она нас позвала, мы бы тут же приехали, – заметила Элино́р.

– Да, конечно! Разумеется, мы знаем, что сестра О'Брайен очень ей нравится и что за ней хороший уход. И все же мы, наверное, были недостаточно внимательны. Я так говорю вовсе не из меркантильных соображений, а чисто по-человечески.

– Я знаю, – кивнула Элино́р.

– Так что это мерзкое письмо в конечном счете принесло определенную пользу. Мы отправимся туда, чтобы защитить наши интересы... ну а главное, мы же любим нашу старушку и хотим ее проводить.

Он зажег спичку и, взяв из рук Элино́р письмо, поднес к нему язычок пламени.

– Интересно, кто его написал? Впрочем, какая разница... Наверное, кто-то из тех, кто, так сказать, «за нас», как мы обычно говорили, когда были детьми. Может, этот чудака сделал для нас доброе дело. Ведь чего только на свете не бывает! Мать Джима Партингтона отправилась на Ривьеру^[3]. Там ее лечил молодой очаровательный врач-итальянец. В конце концов она по уши в него влюбилась и оставила ему все свое состояние – до последнего пенни. Джим и его сестры пытались опротестовать завещание, но не тут-то было.

– Тете Лоре тоже нравится новый доктор, который взял себе пациентов доктора Рэнсома. Но все-таки не до такой степени! К тому же в этом отвратительном письме речь идет о девушке. Должно быть, о Мэри.

– Вот поедem туда и сами все увидим, – сказал Родди.

Сестра О'Брайен, шурша юбками, проследовала из спальни миссис Уэлман в ванную. Обернувшись, она сказала:

– Сейчас поставлю чайник. Уверена, сестрица, вы не откажетесь от чашечки чаю на дорогу.

– Чашечка чаю, дорогая, никогда не помешает, – удовлетворенно заметила сестра Хопкинс. – Я всегда говорю: нет ничего лучше хорошего, крепкого чая!

Сестра О'Брайен, наполняя чайник и зажигая газ, говорила:

– У меня в этом шкафу есть все, что надо: чайник для заварки, чашки, сахар, а Эдна приносит мне два раза в день свежее молоко. Нет нужды без конца звонить прислуге. А плита здесь просто замечательная – вода закипает мгновенно!

Сестра О'Брайен была высокой рыжеволосой женщиной лет тридцати с ослепительно-белыми зубами, веснушчатым лицом и обаятельной улыбкой. Пациенты любили ее за бодрость и жизнерадостность. Хопкинс, районная медицинская сестра, простоватая, уже не очень молодая, приходила каждое утро, чтобы помочь ей перестелить постель и совершить туалет пожилой леди, которая была довольно грузной. Надо сказать, помощницей она была неоценимой – ловкой и быстрой.

– В этом доме все сделано на совесть, – одобрительно заметила Хопкинс.

– Что верно, то верно, – кивнула ее коллега. – Правда, кое-что здесь устарело и нет центрального отопления, но зато много каминов и служанки внимательные. Миссис Бишоп спуска им не дает.

– Эти нынешние служанки, – подхватила сестра Хопкинс, – терпенья на них не хватает... Сами не знают, чего хотят. А прилично прибраться в доме не могут.

– Мэри Джерард – очень славная девушка, – возразила сестра О'Брайен. – Просто не представляю, как бы миссис Уэлман обходилась без нее. Вы видели, она и сейчас ее вызвала к себе? Ну конечно же, такое милое создание и знает, как ей угодить.

– Мне жаль Мэри, – сказала сестра Хопкинс. – Этот старик, ее папаша, делает все ей назло.

– Ни одного доброго слова от этого скряги не дождешься, – согласилась сестра О'Брайен. – А чайник-то уже шумит. Как закипит, сразу заварю.

Чай вскоре уже был налит в чашки – горячий и крепкий. Чаепитие происходило в комнате сестры О'Брайен, расположенной рядом со спальней миссис Уэлман.

– Приезжают мистер Уэлман и мисс Карлайл, – сказала сестра О'Брайен. – Утром пришла телеграмма.

– Вот оно что, – проговорила сестра Хопкинс. – А я никак не пойму, что это старая леди так взволнована. Они ведь давненько ее не навещали, да?

– Месяца два, если не больше. Мистер Уэлман приятный молодой джентльмен. Только очень уж гордый.

Сестра Хопкинс сказала:

– А я на днях видела фотографию мисс Карлайл в «Тэтлере»^[4]. Они с подругой на ипподроме в Ньюмаркете^[5].

– Она ведь очень известна в обществе, а? И всегда так чудесно одевается. Как по-вашему, сестрица, она на самом деле красивая?

Сестра Хопкинс ответила:

– Сегодняшних девушек не очень-то и разглядишь под пудрой да румянами. По мне, так ей очень далеко до Мэри Джерард!

Сестра О'Брайен поджала губы и склонила голову набок.

– Возможно, вы и правы. Но у Мэри нет стиля!

– Что и говорить, птичку красят перышки, – назидательно заметила сестра Хопкинс.

– Еще чашечку, сестрица?

– Спасибо, сестрица. С удовольствием.

Женщины ближе придвинулись друг к другу.

– А знаете, нынче ночью такое случилось... Не знаю, что и думать, – доверительным тоном сказала сестра О'Брайен. – Около двух часов я, как всегда, вошла в спальню, чтобы поудобнее устроить нашу голубку, а она вовсе и не спит, видать, думает о чем-то о своем, потому, как только я вошла, тут же говорит: «Фотография. Дайте мне фотографию». Я, само собой, ей в ответ: «Конечно, миссис Уэлман. Но не лучше ли подождать до утра». А она: «Нет, я хочу взглянуть на него сейчас». Тогда я спросила: «Где эта фотография? Вам нужна одна из фотографий мистера Родерика?»

А она мне: «Родерика? Нет, Льюиса». И смотрю, старается приподняться, ну я к ней подошла, чтобы помочь. Она достала ключи из маленькой шкатулки, стоявшей рядом с постелью, и попросила отпереть второй ящик секретера. И там, точно, оказалась большая фотография в серебряной рамке. А на ней такой красавец! А в углу наискосок написано:

«Льюис». Старинная фотография, должно быть, сделана много лет назад. Ну подала я ей ее, а она долго всматривалась, и шептала, и шептала: «Льюис... Льюис». Потом вздохнула, протягивает эту фотографию мне и просит положить обратно. И, поверите ли, когда я обернулась, она уже спала – сладко, как дитя.

– Думаете, это ее муж? – заинтересовалась сестра Хопкинс.

– Ничего подобного! Наутро я как бы между прочим спросила миссис Бишоп, как звали покойного мистера Уэлмана. И она сказала: Генри!

Женщины обменялись красноречивыми взглядами. Кончик длинного носа сестры Хопкинс подрагивал от приятного возбуждения.

– Льюис... Льюис, – задумчиво проговорила она. – Любопытно... У нас тут вроде бы никого нет с таким именем.

– Ну это, видимо, очень давняя история, дорогуша, – предположила О'Брайен.

– Ну конечно. Я ведь здесь всего два года. Интересно, интересно...

– Очень красивый мужчина, – снова повторила сестра О'Брайен, – похож на кавалерийского офицера!

Сестра Хопкинс, прихлебывая чай, произнесла:

– Это очень любопытно.

– Может, они в юности любили друг друга, а жестокий отец их разлучил... – с надеждой произнесла склонная к романтизму сестра О'Брайен.

– А может быть, его убили на войне... – глубоко вздохнув, предположила сестра Хопкинс.

3

Только сестра Хопкинс, приятно взбудораженная романтическими догадками О'Брайен, наконец покинула дом, как ее нагнала выбежавшая вслед за ней Мэри Джерард.

– Можно мне прогуляться вместе с вами до деревни, сестрица?

– Конечно, моя дорогая.

– Мне нужно поговорить с вами, – чуть задыхаясь, произнесла Мэри. – Меня так все беспокоит.

Женщина участливо на нее взглянула.

Мэри Джерард исполнился двадцать один год, и она была очаровательным созданием, напоминавшим своим хрупким обликом дикуую розу: длинная нежная шея, бледно-золотистые волосы, мягкими волнами

лежавшие на точеной головке, и ясные небесно-голубые глаза.

– А что случилось? – спросила сестра Хопкинс.

– Понимаете, время идет, а я до сих пор ничего не делаю!

– Ну это вы всегда успеете, – сухо проговорила сестра Хопкинс.

– Да, но это меня так... так огорчает. Миссис Уэлман была удивительно добра ко мне, оплатив такое дорогое обучение. Я чувствую, что теперь должна сама зарабатывать себе на жизнь. Мне необходимо получить какую-нибудь профессию.

Сестра Хопкинс сочувственно кивнула.

– Мне нужно работать, иначе зачем было столько учиться, – продолжала Мэри. – Я старалась... старалась объяснить, что я чувствую, миссис Уэлман, но... это так трудно... она, по-моему, не понимает меня. Она постоянно говорит, что у меня впереди еще много времени.

– Не забывай, что она очень больна, – сказала сестра Хопкинс.

Мэри залилась краской.

– Да, конечно. Мне не нужно было ее беспокоить. Но это постоянно меня тревожит... а тут еще отец... Он так на меня из-за этого злится. Ворчит, что я строю из себя настоящую леди! Но я ведь на самом деле не хочу сидеть сложа руки!

– Я знаю.

– Беда в том, что обучение любой профессии тоже всегда стоит больших денег. Почти всегда. Вообще-то я неплохо знаю немецкий и могла бы как-то это использовать. Но мне очень бы хотелось стать медсестрой. Мне нравится ухаживать за больными.

– Запомни, для этого нужно быть сильной, как лошадь! – скептически изрекла сестра Хопкинс.

– Я сильная! И мне действительно нравится ухаживать за больными! Мамина сестра, та, что в Новой Зеландии, была медсестрой. Как видите, это у меня в крови.

– А как насчет массажа? – предложила сестра Хопкинс. – Или Норлендского медицинского училища?^[6] Ведь ты любишь детей. Но вообще-то массаж более денежное дело.

Мэри засомневалась:

– Но выучиться на массажистку дорого стоит, не так ли? Я надеялась... но, конечно же, это я уж слишком... она и так много для меня сделала.

– Ты имеешь в виду миссис Уэлман? Чепуха! По-моему, она просто обязана тебе в этом помочь. Она дала тебе шикарное образование, но от него мало толку. А ты не хочешь стать учительницей?

– Я не слишком умна для этого.

– Ум уму рознь. Послушайся моего совета, Мэри, потерпи еще немного. По-моему, миссис Уэлман обязана тебе помочь встать на ноги. И, я не сомневаюсь, она собирается это сделать. Но она так тебя любит, что не хочет с тобой расставаться.

– Ох! – У Мэри на мгновение перехватило дыхание. – Вы действительно так думаете?

– Ни капельки не сомневаюсь! Ну сама посуди: несчастная старая леди, наполовину парализованная, а значит, почти беспомощная. Заперта в четырех стенах. И ей, конечно, приятно видеть рядом такое молодое, пригожее существо, как ты. Ты замечательно умеешь обращаться с больными.

– Если вы и вправду считаете, что она... ценит меня, – тихо проговорила Мэри, – это меня успокаивает... Милая миссис Уэлман! Я очень ее люблю, очень! Она всегда так хорошо ко мне относилась. Я готова сделать для нее все, что угодно!

– Лучшее, что ты можешь для нее сделать, – это оставаться при ней и не морочить себе голову заботами о будущем, – сухо сказала сестра Хопкинс. – Это долго не протянется.

– Вы имеете в виду... – Глаза Мэри округлились от испуга.

Районная сестра кивнула.

– Она держится замечательно, но хватит ее ненадолго. Будет второй удар, затем третий. Уж я-то знаю, как это бывает. Потерпи, душенька. Если ты скрасишь последние дни старой леди, то тем самым сделаешь благое дело. А все остальное еще успеется.

– Вы очень добры, – промолвила Мэри.

– Вон твой папаша решил выбраться на улицу, и наверняка не для того, чтобы мирно побалагурить, – проворчала сестра Хопкинс, когда они приблизились к массивным чугунным воротам.

Сгорбленный старик, прихрамывая, спускался по ступенькам с крыльца сторожки.

– Доброе утро, мистер Джерард, – весело поздоровалась сестра Хопкинс.

– А-а! – раздраженно проскрипел Эфраим Джерард.

– Прекрасная погода, – сказала сестра Хопкинс.

– Для вас может быть. А по мне, так ничего прекрасного, – проворчал старый Джерард. – Разыгралось мое люмбаго^[7].

– Видимо, это из-за дождей на прошлой неделе. А сейчас сухо и тепло, и скоро боль у вас как рукой снимет, – пообещала сестра Хопкинс. Ее

профессионально-бодрый тон лишь сильнее озлобил старика.

– Сестры... сестры, все вы на один лад, – огрызнулся он. – Люди страдают, а вы веселитесь да радуетесь. Вам на них наплевать. И Мэри вот тоже знай талдычит: буду, мол, медсестрой. Не могла выбрать что-нибудь получше! Все-таки и по-немецки, и по-французски болтает, и на пианино играет, да и в школе своей шикарной всяким штукам научилась, и за границей...

– Меня бы вполне устроило быть больничной сестрой, – резко перебила его Мэри.

– Ага, а еще лучше вообще ничего не делать, верно? Изображать из себя этакую леди-белоручку! Да ты попросту лентяйка, дорогая моя доченька!

– Это неправда, папа! – выкрикнула Мэри, и на глазах у нее выступили слезы. – Как ты можешь так говорить!

Сестра Хопкинс вмешалась в разговор, попытавшись несколько неловкой шуткой разрядить атмосферу:

– Теперь я вижу, что вам и впрямь с утра неможется, небось вы и сами не верите в то, что говорите! Мэри – хорошая девушка и хорошая дочь.

Джерард посмотрел на дочь с почти откровенной враждебностью.

– Какая она мне теперь дочь – со своим французским языком и жеманными разговорами. Тьфу!

Он повернулся и заковылял обратно в сторожку.

В глазах Мэри все еще стояли слезы.

– Вы видите, сестрица, как мне с ним трудно? Он никогда по-настоящему не любил меня, даже когда я была маленькой. Маме всегда приходилось за меня заступаться.

– Ну-ну, не расстраивайся, – ласково сказала сестра Хопкинс. – Тяготы посланы нам, дабы испытать нас. О боже, мне нужно поспешить. У меня сегодня обход.

Глядя вслед быстро удаляющейся фигуре, Мэри с горечью думала, что по-настоящему добрых людей не бывает и ей не от кого ждать помощи. Сестра Хопкинс, при всем ее сочувствии, отделалась несколькими прописными истинами, преподнеся их как откровение.

«Что же мне делать?» – в отчаянии думала Мэри.

Глава 2

1

Миссис Уэлман лежала на высоко взбитых подушках. Дыхание ее было чуть затруднено, и она не спала. Ее глаза, все еще темно-синие, как у племянницы Элинора, были устремлены в потолок. Это была крупная, грузная женщина с красивым орлиным профилем. Гордость и твердость отражались на ее лице.

Ее взгляд заскользил по комнате и остановился на хрупкой фигурке у окна. В синих глазах мелькнула нежность и легкая тревога. Наконец она позвала:

– Мэри...

Девушка живо обернулась.

– О, вы проснулись, миссис Уэлман.

– Да, я давно уже не сплю...

– Ах, миссис Уэлман, я не знала. Я бы...

– Ничего, все хорошо, – успокоила ее старая леди. – Я думала... много о чем думала...

– И о чем же, миссис Уэлман?

Участливый взгляд и искренний интерес, звучавший в голосе девушки, смягчили выражение тревоги на старом, изнуренном болезнью лице. Лора Уэлман ласково сказала:

– Я очень тебя люблю, дорогая. Ты очень добра ко мне.

– Ах, миссис Уэлман, это вы так добры ко мне. Не знаю, что бы я делала, не будь вас! Вы дали мне буквально все.

– Не знаю... не знаю... я не уверена, что... – Больная беспокойно зашевелилась, ее правая рука дернулась, левая оставалась неподвижной и безжизненной. – Стараешься сделать как лучше, но так трудно разобраться, что же на самом деле лучше, что правильнее. Я всегда была слишком самоуверенна...

– О нет, – возразила Мэри Джерард. – Я убеждена, что вы всегда точно знаете, как лучше и правильнее поступить.

Но Лора Уэлман лишь покачала головой.

– Нет-нет. И это не дает мне покоя. У меня всегда был неискоренимый недостаток, Мэри: гордость. Гордость может обернуться злом. А она у

нашей семьи в крови. У Элинон тоже.

– Чудесно, что они с мистером Родериком надумали приехать, – с воодушевлением сказала Мэри. – Вам будет повеселее. Они уже давно вас не навещали.

– Они хорошие, очень хорошие дети, – мягко проговорила миссис Уэлман. – И оба любят меня. Я знаю – стоит мне их позвать, они тут же примчатся. Но не хочется слишком часто их беспокоить. Они молоды и счастливы – перед ними весь мир. Им пока вовсе ни к чему видеть разрушение и страдание.

– Уверена, что они ни о чем таком не думают, – возразила Мэри.

Но миссис Уэлман продолжала говорить, вероятно, больше для себя, чем для девушки:

– Я всегда надеялась, что они поженятся. Но чтобы намекнуть им на это – боже упаси! У молодых так развит дух противоречия! Это лишь отпугнуло бы их друг от друга. Давным-давно, когда они были еще детьми, мне показалось, что сердце Элинон отдано Родди. Но в отношении его я не вполне уверена. Он человек непростой. Генри был похож на него – очень сдержанный и разборчивый... Да, Генри... – Она задумалась, вспоминая покойного мужа. Потом прошептала: – Как давно... как давно это было... Мы были женаты всего пять лет. Он умер от двустороннего воспаления легких... Мы были счастливы – да, очень счастливы, но мне почему-то оно кажется каким-то ненастоящим, это наше счастье. Я была довольно эксцентричной и не очень развитой девушкой – всерьез бредила всякими идеалами и героями. Витала в облаках...

– Вы, должно быть, чувствовали себя очень одинокой – потом? – тихо спросила Мэри.

– Потом? О да – ужасно одинокой. Мне было двадцать шесть лет... а теперь перевалило за шестьдесят. Сколько времени прошло, дорогая... сколько лет... – Внезапно она резко добавила: – А теперь еще вот это!

– Ваша болезнь?

– Ну да. Именно удара я всегда боялась. Это так унижительно! Купают, одевают – словно младенца! Абсолютная беспомощность. Это меня бесит. О'Брайен – женщина очень добродушная, ничего не скажешь. Она не сердится, когда я на нее покрикиваю, и не глупее большинства сиделок. Но когда рядом со мной ты, Мэри, – совсем другое дело!

– Правда? – Щеки девушки зарделись. – Я... я так рада, миссис Уэлман.

Лора Уэлман пристально на нее посмотрела:

– Ты ведь беспокоишься о своем будущем, верно? Предоставь это мне,

дорогая. Я позабочусь о том, чтобы ты могла встать на ноги и получить профессию. Но чуточку еще потерпи – для меня так много значит твое участие.

– О, миссис Уэлман, конечно, конечно! Я не оставлю вас ни за что! Если только вы хотите, чтобы я была с вами...

– Очень хочу... – Голос больной стал необыкновенно глубоким и проникновенным. – Ты... ты для меня все равно что дочь, Мэри. На моих глазах ты выросла и превратилась из крохотной малышки в красивую девушку. Я горжусь тобой, дитя мое. И надеюсь, что то, что я для тебя сделала, действительно поможет тебе в жизни.

– Если вы думаете, что ваша доброта и... и моя учеба... ну, не для таких, как я... – сбивчиво заговорила Мэри, – если вы думаете, что я недовольна или... или... из-за этого у меня появились замашки избалованной барышни – это так папа говорит... то это неправда. Я так вам благодарна за все. А то, что я хочу скорее начать зарабатывать на жизнь... просто я и так слишком многим вам обязана. И мне не хочется, чтобы кто-либо думал, будто я приживалка.

– Так вот что Джерард вколачивает тебе в голову? – внезапно перебила девушку Лора Уэлман, и в голосе ее послышались резкие нотки. – Не обращай внимания на своего отца, Мэри. Никто никогда не смел и впредь не посмеет упрекнуть тебя в том, что ты живешь за мой счет! Это я сама прошу тебя еще ненадолго здесь остаться. Скоро все кончится... Будь моя воля, моя жизнь закончилась бы хоть сию минуту, и никакой тебе мороки с сиделками и докторами.

– О нет, миссис Уэлман! Доктор Лорд говорит, что вы можете прожить еще не один год.

– Вот уж спасибо, обрадовал! Я на днях сказала ему, что в порядочном цивилизованном государстве достаточно было бы только намекнуть врачу, и он прикончил бы меня с помощью какого-нибудь лекарства – совершенно безболезненно. «Будь у вас хоть капля смелости, – сказала я ему, – вы бы уж как-нибудь сделали это!»

– О! И что же он ответил? – испуганно спросила Мэри.

– Этот молодой человек весьма непочтительно усмехнулся и заявил, что не желает болтаться на виселице. И при этом добавил: «Вот если бы вы мне завещали все свои деньги, тогда я, возможно, и рискнул бы». Каков нахал! И все же этот юнец мне нравится. Его визиты помогают мне больше, чем все его лекарства.

– Да, он очень симпатичный, – согласилась Мэри. – Сестра О'Брайен чуть ли не влюблена в него, да и сестра Хопкинс тоже.

– Хопкинс в ее возрасте пора бы быть поумнее, – заметила миссис Уэлман. – Ну а сестра О'Брайен только и может, что глупо улыбаться и бормотать: «О, доктор!» – стоит ему к ней приблизиться. Ну просто вся млеет.

– Бедная сестра О'Брайен!

– Она, в общем-то, женщина неплохая, – снисходительно признала миссис Уэлман, – просто меня раздражают все сиделки. Они почему-то всегда уверены, что вы мечтаете о «чашечке чаю», причем в пять утра! – Она замолчала, прислушиваясь. – Что там? Кажется, машина подъехала?

Мэри выглянула в окно:

– Да, это машина. Приехали мисс Элино́р и мистер Родерик.

2

– Я страшно рада, Элино́р, – сказала миссис Уэлман, – за вас с Родди.

– Я так и знала, тетя Лора, что ты обрадуешься, – улыбнулась Элино́р.

Однако ее старая тетушка, чуть помедлив, спросила:

– Ты и в самом деле любишь его, Элино́р?

Элино́р вскинула тонкие брови:

– Конечно.

– Ты уж прости меня, милая, – поспешно добавила миссис Уэлман. – Ведь ты очень сдержанная. Поди разбери, что у тебя на уме и на душе. Когда вы были совсем еще юными, мне казалось, что ты начинаешь привязываться к Родди... слишком сильно...

Тонкие брови Элино́р опять поднялись.

– Слишком сильно?

Старая леди кивнула.

– Да. А слишком сильно любить неразумно. Порой молодые девушки просто теряют голову... Я обрадовалась, когда ты уехала доучиваться в Германию. А потом, когда ты вернулась, мне показалось, что ты совсем к нему остыла, я так была разочарована! Видишь, как трудно угодить привередливой старухе! Я ведь думала, что ты окажешься довольно страстной по натуре – темпераментные женщины не редкость в нашем роду... И они бывали не очень счастливы... И тем не менее, увидев, что ты совершенно к Родди равнодушна, я очень расстроилась, потому что всегда надеялась, что вы будете вместе. Ну а теперь – теперь все так и получилось – я очень довольна! Значит, ты и в самом деле любишь его?

– Люблю. Не слишком сильно, но – достаточно, – уточнила Элино́р.

Миссис Уэлман с одобрением кивнула.

– Тогда, я думаю, ты будешь счастлива. Родди нуждается в любви, но не переносит бурных страстей. Собственнический инстинкт, присущий нам, женщинам, может его отпугнуть.

– Ты так хорошо знаешь Родди! – пылко воскликнула Элинон.

– Ну а если Родди любит тебя чуточку больше, чем ты его, – тогда совсем замечательно, – заметила миссис Уэлман.

– Газетная колонка «Советы тетушки Агаты»: «Держите своего друга в постоянном напряжении. Не позволяйте ему быть слишком уверенным в вас», – быстро среагировала Элинон.

– Ты несчастлива, моя девочка? Что-нибудь не так? – встревожилась миссис Уэлман.

– Нет-нет, ничего.

– Ты, верно, подумала, что я говорю довольно банальные вещи? Дорогая моя, ты молода и слишком чувствительна. А жизнь, боюсь, вообще довольно банальна по своей сути...

– Думаю, так оно и есть, – с легкой горечью согласилась Элинон.

– Дитя мое, ты несчастлива? – снова спросила Лора Уэлман. – Что-нибудь случилось?

– Ничего, все в порядке. – Она встала, подошла к окну и, чуть обернувшись, сказала: – Тетя Лора, скажи мне, только честно, всегда ли любовь – это счастье?

Лицо миссис Уэлман помрачнело.

– В том смысле, какой имеешь в виду ты, Элинон, возможно, и нет... Сильное чувство к другому человеку всегда приносит больше печали, чем радости. Но все равно, Элинон, это нужно испытать. Тот, кто никогда по-настоящему не любил, считай, по-настоящему и не жил...

Девушка кивнула:

– Да, ты понимаешь, ты... знаешь, что это такое... – Она внезапно повернулась и посмотрела в глаза Лоры Уэлман вопрошающим взглядом. – Тетя Лора...

Но тут открылась дверь, и рыжеволосая О'Брайен бодрым голосом объявила:

– Миссис Уэлман, к вам пришел доктор.

Доктору Лорду было тридцать два года. Он обладал приятным, хотя и

некрасивым веснушчатым лицом, песочного цвета волосами, совершенно квадратным подбородком и пытливыми светло-голубыми глазами.

– Доброе утро, миссис Уэлман, – поздоровался он.

– Доброе утро, доктор Лорд. Это моя племянница, мисс Карлайл.

На лице доктора Лорда отразилось откровенное восхищение.

– Здравствуйте, – сказал он, пожимая руку Элиноর так осторожно, будто боялся ее сломать.

– Элинор и мой племянник приехали немного меня подбодрить, – продолжала миссис Уэлман.

– Замечательно! – воскликнул доктор Лорд. – Как раз это вам и нужно. Положительные эмоции – отличное лекарство, миссис Уэлман.

Он никак не мог оторвать восхищенный взгляд от Элинор.

– Возможно, мы еще увидимся с вами перед вашим уходом, – сказала Элинор и двинулась к двери.

– О да... конечно.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Доктор Лорд приблизился к постели, сестра О'Брайен засемила следом за ним.

– Собираетесь проделать со мной обычный набор трюков, доктор: пульс, дыхание, температура? – усмехнулась миссис Уэлман. – Что за мошенники эти доктора!

Сестра О'Брайен со вздохом пролепетала:

– Ох, миссис Уэлман! Ну разве можно так разговаривать с доктором!

Доктор Лорд озорно блеснул глазами:

– Миссис Уэлман видит меня насквозь, сестра! Но войдите в мое положение, миссис Уэлман: я же должен выполнять свои обязанности. Каюсь: никак не научусь более тактично вести себя с больными.

– Вам не в чем каяться. Вы можете просто гордиться своей тактичностью.

– Это вы так считаете, – усмехнулся Питер Лорд.

Задав несколько обычных своих вопросов и получив на них ответы, доктор Лорд откинулся на спинку стула и улыбнулся:

– Отлично! Все идет превосходно.

– Так что через недельку-другую я поднимусь и смогу ходить по дому? – чуть насмешливо спросила миссис Уэлман.

– Ну, конечно, не так скоро.

– Нет, все-таки я была права. Вы – обманщик! Ну что хорошего в такой вот жизни – валяешься в постели, и с тобой возятся, как с младенцем!

– А что вообще хорошего в жизни? Вот в чем вопрос, – проговорил доктор Лорд. – Вам не доводилось читать об одном симпатичном

средневековом изобретении? Называлось оно «Исполнение желаний». В этой штуковине было невозможно ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Казалось бы, в такой тесноте человек не протянет и месяца. Ничего подобного! Один осужденный провел в этой железной клетке шестнадцать лет, а когда его отпустили, дожил до глубокой старости.

– Ну и каков же смысл этой вашей истории? – поинтересовалась Лора Уэлман.

– А смысл ее в том, что человек наделен тягой к жизни. Это на уровне инстинкта. Человек живет вовсе не потому, что у него есть какие-то разумные стимулы. Сплошь и рядом люди, которым, по нашему мнению, «лучше бы умереть», не хотят умирать. Те же, у кого вроде бы есть все, ради чего стоит жить, подчас не могут преодолеть недуг – у них нет сил бороться за жизнь.

– Ну-ну, я вас слушаю.

– Собственно, я все сказал. Вы из тех, кто хочет жить, что бы вы там ни говорили! И если ваше тело хочет жить, не обременяйте свой мозг всякими мрачными помыслами.

Миссис Уэлман резко прервала доктора, решив переменить тему:

– Как вам наши края?

Питер Лорд улыбнулся:

– Мне здесь очень нравится.

– Не скучновато ли для такого молодого человека, как вы? Наверное, хотите специализироваться? Ведь у деревенского врача работа довольно нудная?

Лорд решительно покачал своей рыжеватой головой.

– Нет, я свою работу люблю. Понимаете, я люблю людей, и мне нравится лечить самые рядовые болезни. Меня действительно не тянет гоняться за какой-нибудь редкой бациллой, вызывающей таинственный недуг. То ли дело корь, ветрянка и прочие всем знакомые хвори. Ведь каждый организм реагирует на них по-разному, и мне хотелось бы внести свою лепту в методы их лечения. Видите ли, я абсолютно лишен амбиций. Я останусь здесь. Со временем отращу себе солидные бакенбарды, и люди, возможно, будут говорить: «Конечно, мы всегда обращаемся к доктору Лорду, но его методы давно устарели, не пригласить ли нам доктора такого-то, он молодой и идет в ногу со временем...»

– Гм, – сказала миссис Уэлман. – Вы уже и об этом думаете...

Питер Лорд поднялся.

– Ну а теперь я должен вас покинуть.

– По-моему, моя племянница собиралась с вами поговорить. Кстати,

что вы о ней думаете? Ведь вы раньше с ней не встречались.

Краска залила лицо доктора Лорда до самых корней волос.

– Я... ну... она очень красивая. И вроде... неглупа и... не только... ну в общем... – залепетал он.

Миссис Уэлман позабавило смущение доктора. «Как же он еще молод!..» – подумала она про себя, а вслух сказала:

– Вам следует жениться.

4

Родди забрел в сад. Он пересек просторную лужайку и, пройдя по мощеной дорожке, вошел в обнесенный оградой, хорошо ухоженный огород. Интересно, они с Элино́р когда-нибудь тоже будут жить здесь, в Хантерберри? Наверное, так оно и будет. Что ж, он совсем не против. Он вообще предпочитал жить в провинции. А Элино́р? Возможно, ей больше по вкусу Лондон...

Не так-то просто понять, чего хочет Элино́р. Она довольно скрытный человек. Впрочем, это ее качество ему скорее нравилось... Он не выносил болтунов, которые выкладывали все от и до, полагая, что вы горите желанием залезть к ним в душу. Недосказанность всегда более привлекательна и интересна.

Элино́р – само совершенство. Ни единой черты, которая бы отталкивала или раздражала. Смотреть на нее одно удовольствие, а какая она остроумная! В общем, лучшей жены ему не найти.

«Мне чертовски повезло, что я заполучил ее! – самодовольно думал он. – И что она во мне нашла...»

Несмотря на всю свою утонченность, Родерик Уэлман не страдал излишним тщеславием. И его действительно поразило согласие Элино́р выйти за него замуж.

Грядущее представлялось ему весьма заманчивым. Главное, уметь трезво оценить ситуацию, это всегда благо. Он полагал, что им с Элино́р не надо тянуть со свадьбой – разумеется, если Элино́р не будет против. Но, возможно, она предпочтет немного подождать. Он не должен ее торопить. Поначалу у них будут некоторые трудности. Но об этом не стоит беспокоиться. Что же касается тети Лоры... Он искренне надеялся, что она проживет еще долго. Она такая милая и так хорошо всегда к нему относилась, приглашала к себе на каникулы, интересовалась его делами.

Родди отогнал мысли о неизбежной смерти тети. Он вообще

предпочитал избегать размышлений о неприятных вещах. И даже в мыслях старался не... конкретизировать... не называть вещи своими именами... Но... когда-нибудь потом... Наверное, приятно будет жить здесь, особенно если у него будет достаточно денег, чтобы содержать поместье как положено. И все-таки интересно, кому тетя все завещала... Впрочем, какая разница? Для некоторых женщин, безусловно, очень важно, кому принадлежат деньги – мужу или жене. Элинора не такая. У нее уйма такта, и вообще деньги мало ее волнуют.

«Что будет, то и будет, беспокоиться не о чем», – думал он.

Через дальнюю калитку он вышел в небольшую рожицу, где весной обычно распускались желтые нарциссы. Сейчас они, конечно, уже отцвели, но солнечные блики, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, приятно золотили зелень, и эта картина радовала глаз.

На мгновение его охватило странное, беспричинное беспокойство, нарушив его благодушную умиротворенность – всего на мгновение... «Чего же мне не хватает?.. – гадал он. – Так бы хотелось, чтобы... Чтобы что?»

Золотисто-зеленый свет, ласкающий воздух – вся эта благодать заставляла его сердце биться сильнее, кровь быстрее побежала по жилам... им вдруг овладело странное нетерпение...

И тут из-за деревьев вышла девушка – ее светлые волосы отливали золотом, лицо нежно румянилось.

«Какая красота, просто потрясающая...» – пронеслось у него в голове.

Им овладело неведомое чувство, он застыл, боясь пошевелиться. Весь мир закружился в красочном, невероятном, безумном хороводе!

Девушка вдруг остановилась, потом приблизилась к нему, а он не мог вымолвить ни слова, только нелепо разинул рот, словно рыба, выброшенная на берег.

– Вы не помните меня, мистер Родерик? – робко заговорила девушка. – Конечно, ведь прошло столько времени. Я Мэри Джерард – из сторожки.

– О, так вы Мэри Джерард?

– Да, – сказала она и немного застенчиво продолжила: – Я, конечно, изменилась с тех пор, как вы меня видели.

– Очень изменились. Я... я бы ни за что не узнал вас.

Он не мог оторвать от нее глаз и даже не слышал шагов позади себя. А Мэри услышала и обернулась.

На мгновение остановившись, Элинора воскликнула:

– Привет, Мэри!

– Здравствуйте, мисс Линор. Рада вас видеть. Миссис Уэлман очень

ждала вас.

– Да... мы давно тут не были, – сказала Элино́р. – Я... Сестра О'Брайен просила отыскать вас. Она хочет приподнять миссис Уэлман и говорит, что вы обычно делаете это вместе.

– Иду, иду. – Мэри ускорила шаг, потом побежала. Элино́р смотрела ей вслед. Бежала Мэри легко и грациозно.

– Аталанта^[8], – тихо промолвил Родди.

Элино́р ничего на это не ответила. А потом, после долгой паузы, сказала:

– Скоро ленч. Нам пора возвращаться.

И они направились к дому.

5

– Ну, пойдем, Мэри. Там играет Гарбо^[9], и вообще отличный фильм – сплошной Париж. По книжке одного классного писателя. По ней даже опера какая-то есть^[10].

– Ужасно мило с твоей стороны пригласить меня, но я правда не могу.

– Теперь тебя не вытащишь, – сердито сказал Тэд Бигланд. – Ты стала какая-то не такая – совсем на себя не похожа.

– Вовсе нет, Тэд.

– А вот и да. А все эта твоя шикарная школа, да потом еще и в Германию съездила... Ну, конечно, теперь ты для нас слишком хороша.

– Неправда, Тэд. Я такая же, какой всегда была, – пылко возразила девушка.

Тэд, типичный деревенский крепыш, несмотря на весь свой гнев, смотрел на девушку с восторгом.

– Нет, ты очень изменилась. Ты стала почти как леди, Мэри.

– Почти – это не считается, верно? – с внезапной горечью проговорила Мэри.

– Ну не скажи, – вдруг поняв, что она чувствует, тут же возразил Тэд.

– И вообще, кого это в наше время волнует? Леди, джентльмены и прочая чепуха! – воскликнула Мэри.

– Да, это, конечно, не имеет значения, – согласился Тэд, но не очень уверенно. – И все-таки это всегда чувствуется! Господи, Мэри, ты выглядишь как герцогиня или графиня, не меньше!

– Это еще ни о чем не говорит. Я видела графинь, которые выглядели

как старьевщицы! – сказала Мэри.

– Но ты же понимаешь, что я имею в виду.

Неожиданно перед ними возникла величавая и весьма внушительных размеров фигура в великолепном черном платье. Отступив в сторону, Тэд поздоровался:

– Добрый день, миссис Бишоп.

Миссис Бишоп бросила на них пристальный взгляд и милостиво кивнула.

– Добрый день, Тэд Бигланд. Добрый день, Мэри. – И проплыла мимо – точно корабль на всех парусах.

Тэд почтительно проследил за ней взглядом.

– Вот она в самом деле похожа на герцогиню, – вполголоса проговорила Мэри.

– Да, держаться она умеет. При ней меня всегда в пот бросает.

– Она меня не любит, – тихо сказала Мэри.

– Чепуха, моя милая!

– Нет, правда. Не любит. Она всегда говорит мне гадости.

– Ревность, – кивнул Тэд с видом умудренного жизнью человека. – В этом вся закавыка.

– Возможно, ты и прав... – с некоторым сомнением согласилась Мэри.

– Тут нечего и гадать. Она здесь уже столько лет в экономках, привыкла всеми командовать и делать все по-своему, а теперь старая миссис Уэлман привязалась к тебе... Это ее просто доконало! Вот и все!

Тень беспокойства пробежала по лицу Мэри:

– Глупо, конечно... но я не выношу, когда кто-нибудь меня не любит.

– Среди женщин всегда найдутся такие, которые будут тебя недолюбливать. Всякие завистливые ведьмы, которые пережить не смогут, что ты такая красивая!

– По-моему, зависть – ужасная вещь, – сказала Мэри.

– Может быть... и тем не менее она существует. Послушай, я на прошлой неделе видел в «Алледоре» отличный фильм. С Кларком Гейблом^[11]. Про одного миллионера, который не обращал внимания на свою жену. Ну тогда она прикинулась, что закрутила с другим. Там был еще один парень...

Мэри отошла от Тэда:

– Извини, но мне пора идти. Я опаздываю.

– Куда ты так спешишь?

– К сестре Хопкинс на чашку чаю.

Тэд вытаращил на нее глаза.

– Странные у тебя друзья. Это же самая большая сплетница во всей деревне! Всюду сует свой длинный нос.

– Ко мне она всегда добра, – кротко возразила Мэри.

– А я что? Я не говорю, что она плохая. Просто больно уж болтливая.

– До свидания, Тэд.

Она поспешила прочь, а Тэд обиженно смотрел ей вслед.

6

Сестра Хопкинс занимала маленький коттедж на окраине деревни. Она только что вернулась и развязывала ленты чепца, когда пришла Мэри.

– Ага, вот и ты! Я немного припозднилась. Старой миссис Калдекотт стало опять плохо. Из-за этого на перевязки ушло больше времени, чем обычно. Я видела тебя с Тэдом Бигландом.

– Да... – как-то удрученно сказала Мэри.

Сестра Хопкинс настороженно на нее взглянула и, чиркнув спичкой, стала зажигать конфорку под чайником.

– Он сказал тебе что-нибудь особенное, моя дорогая? – Ее длинный нос чуть дрогнул.

– Нет, просто пригласил в кино.

– Понятно, – бодрым голосом произнесла сестра Хопкинс. – Он, безусловно, приятный молодой человек и неплохо устроен – все-таки механик в гараже, а отец его один из лучших фермеров в округе. И все же, сдастся мне, ты могла бы найти кого-нибудь получше, чем Тэд Бигланд. С твоим-то образованием и воспитанием! Вот я и говорю: надо тебе выучиться на массажистку. Дело хорошее, будешь встречаться с разными людьми, да и времени свободного много.

– Я подумаю, – сказала Мэри. – Миссис Уэлман вчера со мной говорила. Она все понимает. Вы правы – она действительно не хочет, чтобы я ее сейчас покинула. Она сказала, чтоб я не беспокоилась – она позаботится о моем будущем.

Сестра Хопкинс с сомнением проговорила:

– Будем надеяться, что она запишет это, как положено, на бумаге, черным по белому! А то больные люди, они со странностями.

– А как вы считаете, миссис Бишоп действительно не любит меня или это просто моя мнительность?

– Она вечно чем-нибудь недовольна. Она из тех, кого раздражают молодые, особенно когда им весело или когда о них кто-то заботится.

Возможно, она и впрямь считает, что миссис Уэлман слишком уж тебя любит, ну и ее это злит. – Она рассмеялась. – На твоём месте, дорогая моя, я не обращала бы на эту ведьму внимания. А теперь открой-ка этот пакет. Там парочка сдобных пончиков.

Глава 3

1

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ ВАШЕЙ ТЕТИ СЛУЧИЛСЯ ВТОРОЙ
УДАР. ПРИЧИН ТРЕВОГИ ПОКА НЕТ, ЛУЧШЕ ВАМ
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЕХАТЬ

ЛОРД

2

Получив телеграмму, Элинор тут же позвонила Родди, и вскоре они уже ехали на поезде в Хантербери.

Прошла всего неделя после их поездки к тете, и за это время Элинор почти не виделась с Родди. Они встречались всего два раза и очень ненадолго, причем Элинор уловила в нем какую-то странную натянутость и неестественность. Чего стоил хотя бы этот огромный букет роз! Раньше Родди не присылал ей цветов. А когда они вместе обедали, он был так непривычно внимателен – советовал, какие блюда и напитки выбрать... с таким усердием помогал ей надевать и снимать пальто. Как будто играл роль в какой-нибудь пьесе – роль влюбленного жениха...

«Не будь душой... – мысленно оборвала она себя. – Ничего не случилось... Хватит придумывать всякие глупости! Это все твои противные собственнические замашки».

Сама же она стала обращаться с Родди чуточку холоднее... еще холоднее, чем обычно.

Но сейчас, в этих чрезвычайных обстоятельствах, от натянутости не осталось и следа, они общались с прежней непринужденностью.

– Бедная старушка, – сказал Родди. – Она ведь держалась молодцом, когда мы ее видели.

– Я так за нее волнуюсь, – сказала Элинор. – Знал бы ты, каково ей быть прикованной к постели! А теперь она, вероятно, станет еще более беспомощной, и это просто взбесит ее! В таких случаях начинаешь понимать, что людей нужно избавлять от страданий, если они сами того

желают.

– Ты права, – согласился Родди. – Это единственно разумное и цивилизованное решение. Ведь усыпляют же животных, чтобы они не мучились. По-моему, с людьми не поступают так просто потому, что может появиться слишком много желающих избавиться от своих милых родственников – ради их денег, даже от тех, кто совсем не так уж и сильно болен...

– Ну это, конечно же, должны решать врачи, – сказала Элино́р.

– Доктора можно и подкупить.

– Такому человеку, как доктор Лорд, можно доверять.

– Да, на мошенника он не похож, – небрежно проронил Родди. – Приятный малый.

3

Доктор Лорд склонился над постелью. Позади него крутилась сестра О'Брайен. Нахмурившись от напряжения, он силился разобрать нечленораздельные звуки, слетавшие с губ больной.

– Да-да. Не надо волноваться. Не спешите. Я буду вас спрашивать, а вы, когда захотите сказать «да», слегка приподнимите правую руку. Итак, вас сейчас что-нибудь беспокоит?

В ответ тут же последовал утвердительный знак.

– Что-нибудь неотложное? Да? Что-то нужно сделать? За кем-нибудь послать? За мисс Карлайл? И за мистером Уэлманом? Они уже в пути.

Миссис Уэлман снова попыталась что-то произнести, и опять невнятно. Доктор Лорд внимательно вслушивался.

– Вы хотите сказать, чтобы они приехали, но это еще не все? Чтобы приехал кто-то еще? Родственник? Нет? Речь о каком-то деле? Понимаю. Что-то связанное с деньгами? Вам нужен юрист? Не так ли? Вы хотите видеть своего адвоката? Хотите дать ему какие-то распоряжения?

Ну-ну, все в порядке. Успокойтесь. Не торопитесь. Что вы сказали? Элино́р? – Он с трудом разобрал исковерканное имя. – Она знакома с вашим юристом? И она договорится с ним? Отлично. Она будет здесь примерно через полчаса. Я сообщу ей о вашем желании, приведу ее к вам, и мы тут же все уладим. Так что больше ни о чем не беспокойтесь. Предоставьте это мне. Я присмотрю за тем, чтобы все ваши желания были исполнены.

Он некоторое время постоял, наблюдая, как она понемногу

успокаивается, затем тихо вышел из комнаты на лестничную площадку. Сестра О'Брайен последовала за ним. Сестра Хопкинс только что пришла и поднималась по лестнице.

– Добрый вечер, доктор! – переведя дух, поздоровалась она.

– Добрый вечер, сестра.

Он прошел с обеими сестрами в комнату О'Брайен и отдал им распоряжения. Сестра Хопкинс должна была остаться на ночь – помогать О'Брайен.

– А завтра я попробую договориться с еще одной сиделкой. Не знаю, выйдет ли, ведь в Стэмфорде эпидемия дифтерии. В лечебницах не хватает персонала.

Повторив свои распоряжения, которые были выслушаны с благоговейным вниманием (что здорово иногда его веселило), доктор Лорд спустился по лестнице, чтобы встретить племянницу и племянника миссис Уэлман, которые должны были появиться с минуты на минуту.

В холле он столкнулся с Мэри Джерард. Она была бледна и очень встревожена.

– Ей не лучше? – спросила девушка.

– Я могу гарантировать ей спокойную ночь, – это практически все, что я могу сделать.

– Как это все жестоко, как несправедливо... – проговорила Мэри дрожащим голосом.

– Да, – сочувственно кивнул доктор. – Иногда именно так и бывает! Я думаю... – Он оборвал фразу. – Да, вот и машина.

Он пошел навстречу прибывшим, а Мэри взбежала по лестнице. Войдя в гостиную, Элинора спросила:

– Ей очень плохо?

Родди был бледен и выглядел очень подавленным.

– Мужайтесь, – тихо сказал доктор. – У нее обширный паралич. Ее речь почти невозможно разобрать. Между прочим, она явно чем-то обеспокоена. И хочет, чтобы вызвали ее адвоката. Вы его знаете, мисс Карлайл?

– Это мистер Седдон с Блумсбери-сквер, – тут же ответила Элинора. – Но вряд ли он сейчас в конторе, ведь уже вечер, а его домашнего адреса я не знаю.

– Этим можно заняться и завтра, – заверил ее доктор Лорд. – Сейчас самое главное – как можно скорее успокоить нашу больную. Давайте к ней поднимемся, мисс Карлайл. Я думаю, нам удастся ее подбодрить.

– Да-да. Пойдемте.

– А мне? Мне не нужно с вами идти? – с надеждой спросил Родди.

Он слегка стыдился своего поведения, но при одной мысли о том, что он увидит тетю Лору неподвижной, лишившейся речи, он испытывал панический страх.

– Нет никакой необходимости, мистер Уэлман, – поспешил успокоить его доктор Лорд. – Лучше, чтобы в комнате больной не собиралось много людей.

У Родди отлегло от сердца.

Доктор Лорд и Элино́р поднялись в комнату миссис Уэлман. У постели сидела сестра О'Брайен.

Лора Уэлман хрипло, с трудом дышала и была почти без сознания. Потрясенная Элино́р с ужасом вглядывалась в ее искаженное, осунувшееся лицо.

Правое веко миссис Уэлман вдруг дрогнуло и приподнялось. Она увидела мисс Карлайл, и лицо ее едва заметно оживилось.

Она сделала попытку заговорить.

– Э...лино... – Это единственное слово, которое ей удалось хоть как-то произнести, едва ли могло что-то сказать человеку постороннему, но Элино́р среагировала мгновенно:

– Я здесь, тетя Лора. Тебя что-то беспокоит? Ты хочешь послать за мистером Седдоном?

Послышалось еще несколько хриплых звуков, Элино́р ловила их смысл:

– Мэри Джерард?

Правая рука слегка шевельнулась в ответ.

Протяжный булькающий звук слетел с губ больной, доктор Лорд и Элино́р беспомощно переглянулись. Этот звук повторялся снова и снова. Наконец Элино́р догадалась:

– Позаботиться? Ты хочешь *позаботиться* о ней в своем завещании? Ты хочешь ей оставить какие-то деньги? Понимаю, дорогая тетя Лора. Это очень просто. Завтра придет мистер Седдон, и все будет сделано именно так, как ты хочешь.

Страдание, казалось, отпустило больную. Отчаянная мольба, отражавшаяся в приоткрытом глазу, исчезла. Элино́р взяла ее руку и почувствовала слабоежатие пальцев.

С невероятным усилием миссис Уэлман проговорила:

– Ты... все... ты...

– Да-да, не беспокойся, – отозвалась Элино́р. – Я сделаю все, как ты хочешь!

Она снова почувствовала пожатие. Потом оно ослабло. Веки больной дрогнули и закрылись. Доктор Лорд прикоснулся к руке девушки и осторожно вывел ее из комнаты. Сестра О'Брайен заняла свое место у постели.

На площадке лестницы стояла Мэри Джерард и разговаривала с сестрой Хопкинс. Она подалась вперед.

– О, доктор Лорд, пожалуйста, разрешите мне пройти к ней.

Доктор кивнул.

– Только потише и не беспокойте ее.

Мэри вошла в комнату.

Доктор Лорд обратился к Элино:

– Ваш поезд опоздал. Вы... – Он осекся, увидев, что Элино пристально смотрит вслед Мэри. Внезапно наступившее молчание заставило Элино обернуться. Она вопросительно взглянула на доктора и увидела в его глазах явное недоумение. Щеки Элино вспыхнули.

– Извините меня, – поспешно проговорила она. – Что вы сказали?

– Что я сказал? – медленно переспросил Питер Лорд. – Я не помню. Мисс Карлайл, вы держались великолепно. – Его голос потеплел. – Так быстро все поняли и сумели ее успокоить, в общем, сделали все как надо.

Сестра Хопкинс чуть слышно фыркнула.

– Бедная тетя, – продолжала Элино. – Меня просто потрясло ее состояние.

– Могу себе представить. Но вы этого не показали. У вас, вероятно, огромное самообладание.

– О, я научилась... научилась скрывать свои чувства, – проговорила Элино, едва разжимая губы.

– Но все равно время от времени маска соскальзывает... – тихо сказал доктор Лорд.

Сестра Хопкинс торопливо удалилась в ванную.

– Маска? – Элино вскинула тонкие брови и пытливо посмотрела ему в глаза.

– Ведь человеческое лицо не что иное, как маска, – пояснил доктор Лорд.

– А под ней?

– А под ней просто мужчина или женщина.

Элино отвернулась и стала поспешно спускаться по лестнице. Озадаченный доктор последовал за ней.

В холле их встретил Родди.

– Как там? – встревоженно спросил он.

– Бедная тетя, – сказала Элино́р, – просто сердце разрывается... Я бы на твоём месте не ходила к ней... пока... пока она сама не позовет.

– Она хотела сообщить что-нибудь... срочное? – поинтересовался Родди.

Питер Лорд обратился к Элино́р:

– Я должен вас покинуть. В данный момент я больше ничем не могу быть полезен. Загляну к вам завтра рано утром. До свидания, мисс Карлайл. Не стоит... не стоит слишком волноваться.

Он на несколько мгновений задержал её руку в своей. Его рукопожатие удивительно успокаивало и утешало. Он посмотрел на Элино́р, и что-то странное было в его взгляде – как будто он жалел её.

Едва за доктором захлопнулась дверь, Родди повторил свой вопрос.

– Тетю Лору волнуют... некоторые финансовые вопросы, – ответила Элино́р. – Я постаралась успокоить её и пообещала, что мистер Седдон обязательно завтра приедет. Первым делом нам нужно ему позвонить.

– Она хочет составить новое завещание? – спросил Родди.

– Она этого не говорила, – сказала Элино́р.

– А что она... – Он замолчал, не закончив фразы: по лестнице сбегала Мэри Джерард. Она пересекла холл и исчезла за дверью в кухню.

– Да? Что ты хотел спросить? – Голос Элино́р вдруг стал немного охрипшим.

– Я что? Я забыл... – рассеянно пробормотал Родди, продолжая смотреть на дверь, за которой скрылась Мэри Джерард.

Элино́р стиснула кулаки, чувствуя, как её длинные острые ногти впиваются в ладони.

«Нет, это невыносимо... невыносимо... значит, мне не показалось, значит, это правда... Родди, Родди, я не могу тебя потерять...

А этот доктор – что он мог прочитать на моём лице там, наверху? – вдруг мелькнуло в голове Элино́р. – Он что-то увидел... О боже, как это ужасно... чувствовать то, что чувствую я сейчас. Ну скажи что-нибудь, не молчи, как идиотка. Возьми себя в руки!»

Вслух же очень спокойно произнесла:

– Что-то насчет обеда, Родди. Лично я не очень голодна. Пойду посижу с тетей Лорой, а обе сестры могут спуститься вниз.

– Они будут обедать вместе со мной? – сразу встревожился Родди.

– Они тебя не укусят! – холодно проговорила Элино́р.

– А как же ты? Ты же должна поесть. Почему бы сначала не пообедать нам с тобой, а они – потом?

– Нет, мое предложение лучше, – возразила она и в сердцах добавила:

– Они такие обидчивые, ты же знаешь.

«Только не оставаться с ним наедине... ведь за столом надо будет о чем-то говорить и вести себя так, будто ничего не происходит...» – думала она.

– Позволь мне поступать так, как я считаю нужным! – нетерпеливо сказала она.

Глава 4

1

На следующее утро Элинор разбудила не служанка, а миссис Бишоп собственной персоной, в своем старомодном шуршащем черном платье. Экономка обливалась слезами.

– О, мисс Элинор, она нас покинула...

– Что?

Элинор села в постели.

– Ваша дорогая тетя. Миссис Уэлман. Моя дорогая госпожа. Тихо отошла во сне.

– Тетя Лора? Умерла?

Элинор смотрела на нее удивленным взглядом и, казалось, не понимала, о чем она говорит. Миссис Бишоп разрыдалась еще горше.

– Подумать только, – всхлипывала она. – Столько лет! Ведь я здесь прослужила восемнадцать лет. О нет, в это просто невозможно поверить...

– Значит, тетя Лора умерла во сне... – с трудом выговорила Элинор, – не мучилась... Какое благо для нее!

Миссис Бишоп рыдала.

– Так внезапно. Доктор говорил, что снова зайдет утром и что все вроде бы относительно спокойно...

Элинор довольно резко возразила:

– Это вовсе не было такой уж неожиданностью. Ведь она так долго уже болела. Одно меня утешает: по крайней мере, судьба избавила ее от дальнейших страданий.

Миссис Бишоп пролепетала сквозь слезы, что это и на самом деле немного утешает.

– А кто сообщит мистеру Родерику? – спросила она.

– Я, – сказала Элинор.

Набросив халат, она направилась к его комнате и постучала в дверь.

– Войдите, – слышался его голос.

Она вошла.

– Тетя Лора умерла, Родди. Умерла во сне.

Родди приподнялся в постели и глубоко вздохнул.

– Бедная тетя Лора! Слава богу, что ей выпала легкая смерть. Видеть

ее в таком состоянии, в каком она была вчера, – это слишком тяжело.

– А я и не знала, что ты ее вчера видел, – непроизвольно вырвалось у Элинора.

Родди, слегка смутившись, кивнул.

– Понимаешь, Элинора, мне стало так стыдно своей слабости. И вечером я все-таки туда пошел. Толстуха-сиделка куда-то вышла, по-моему, чтобы наполнить грелку, и я незаметно проскользнул в комнату. Она и не знает, что я был у тети. Я лишь немного постоял и посмотрел на нее. Потом слышу, миссис Гэмп топает обратно по лестнице, и тихонько ушел. Но это было ужасное зрелище!

– Да, ужасное.

– А уж каково ей самой было бы находиться в таком состоянии! Просто невыносимо! – сказал Родди.

– Я знаю.

– Просто удивительно, как мы с тобой одинаково все воспринимаем.

– В самом деле, – тихо сказала Элинора.

– Вот и сейчас тоже... и ты и я благодарны судьбе за то, что ее страдания кончились...

2

– В чем дело, сестрица, вы что-нибудь потеряли? – спросила сестра О'Брайен.

Сестра Хопкинс с несколько покрасневшимся лицом рылась в чемоданчике, который оставила накануне вечером в холле.

– Вот напасть! – проворчала она. – И как это я так оплошала!

– А что такое?

Сестра Хопкинс отвечала не совсем вразумительно:

– Эта Элиза Райкен – у нее саркома^[12], вы знаете. Ей прописаны инъекции морфина^[13] два раза в день – вечером и утром. Прошлым вечером я использовала последнюю таблетку из старой упаковки и точно помню, что тут была еще одна – непочатая, ну вы знаете, морфин расфасован обычно в такие стеклянные трубочки.

– Поищите еще. Эти трубочки такие маленькие.

Сестра Хопкинс еще раз перетрясла содержимое чемоданчика.

– Нет, точно нету! Наверное, я оставила ее в своем шкафчике! Надо же, память еще никогда меня не подводила. Я готова поклясться, что взяла

ее с собой!

– А вы по дороге сюда нигде не оставляли свой саквояж?

– Разумеется, нет! – обиженно воскликнула сестра Хопкинс.

– Ну если так, то волноваться не о чем, – успокоила ее сестра О'Брайен.

– Надеюсь. Единственное место, где я оставляла свой чемоданчик, – это здесь, в холле, но уж тут-то точно никто ее взять не мог! Так что, видно, я действительно просто запамятовала. Но вы понимаете, сестра, почему это так меня беспокоит... И к тому же теперь мне придется тащиться домой – а это ведь другой конец деревни, а потом снова возвращаться.

– Надеюсь, дорогая, день для вас будет все же не таким утомительным, как прошлая ночь. Бедная старая леди! Впрочем, я и не думала, что она долго протянет, – сказала сестра О'Брайен.

– Да и я тоже. А вот доктор, думаю, удивится! – заметила сестра Хопкинс.

– Он всегда немножко переоценивает возможности пациента, – с легким укором добавила сестра О'Брайен.

– Ах, он так юн! У него нет нашего опыта, – изрекла сестра Хопкинс уже на пороге. И с мрачным видом удалилась.

3

Доктор Лорд приподнялся на носках. Его рыжеватые брови вздернулись чуть ли не до самых волос. Он был поражен:

– Значит, умерла.

– Да, доктор. – Сестра О'Брайен горела желанием сообщить подробности, но, будучи чрезвычайно дисциплинированной, ждала указаний.

– Умерла? – задумчиво повторил Питер Лорд. Мгновение он что-то обдумывал, а потом отрывисто приказал: – Дайте мне горячей воды.

Сестра О'Брайен была заинтригована, но, воспитанная в строгих больничных правилах, вопросов задавать не стала. Прикажи ей доктор пойти и принести шкуру аллигатора, она автоматически пробормотала бы: «Да, доктор» – и отправилась бы выполнять его поручение.

4

– Вы хотите сказать, что моя тетя умерла, не оставив завещания, что она вообще никогда его не делала? – изумился Родерик Уэлман.

Мистер Седдон протер стекла очков и сказал:

– Похоже, так и есть.

– Просто невероятно! – воскликнул Родди.

Мистер Седдон откашлялся.

– Не так невероятно, как вы думаете. Такое случается довольно часто. Своего рода суеверие. Люди предпочитают думать, что у них впереди еще уйма времени. И им кажется, что самым фактом составления завещания они приближают свою смерть. Странная причуда, но это так!

– И вы никогда не... э... обсуждали эту тему? – спросил Родди.

– Постоянно, – сухо ответил мистер Седдон.

– И что же она говорила?

Мистер Седдон вздохнул.

– Обычные вещи. Что еще полно времени! Что она еще не собирается умирать! Что она еще не совсем решила, как распорядиться своими деньгами!

– Но, наверное, после первого удара... – начала Элинора.

Мистер Седдон покачал головой.

– О нет. Еще сильнее стала упираться. Даже слышать ничего не хотела по этому поводу!

– Но ведь это... нелогично, – снова вступил в разговор Родди.

Мистер Седдон снова возразил:

– О, ничего подобного. Ведь из-за болезни ее нервозность возросла.

– Но она хотела умереть... – проговорила озадаченная Элинора.

Еще раз старательно протерев стекла очков, мистер Седдон сказал:

– Ах, дорогая моя мисс Элинора, человеческий разум устроен весьма любопытно. Возможно, миссис Уэлман хотелось иногда умереть, но, несмотря на эти мысли, в ее душе жила и надежда на полное выздоровление. И ей казалось, что, составив завещание, она как бы будет искушать судьбу. Этот ее страх вовсе не означал, что она не хотела его составить, просто постоянно откладывала этот момент. Ведь вы знаете, – продолжал мистер Седдон, внезапно обратившись к Родди и доверительно понизив голос, – как люди оттягивают какое-нибудь неприятное дело, стараются подольше им не заниматься?

– Да, я... я... да, конечно, – пробормотал Родди, вспыхнув. – Понимаю, что вы имеете в виду.

– Вот-вот, – сказал мистер Седдон. – Миссис Уэлман, безусловно, собиралась сделать завещание, но всякий раз откладывала это на завтра,

уговаривала себя, что впереди еще масса времени.

Элино́р задумчиво произнесла:

– Так вот почему она была такой подавленной прошлой ночью... и так торопилась вызвать вас...

– Вне всяких сомнений! – ответил мистер Седдон.

– Но что же теперь будет? – пробормотал в замешательстве Родди.

– С наследством миссис Уэлман? – Поверенный откашлялся. – Поскольку миссис Уэлман умерла, не оставив завещания, вся ее собственность переходит к ближайшей кровной родственнице, то есть к мисс Элино́р Карлайл.

– Все мне? – недоверчиво спросила Элино́р.

– Определенный процент пойдет в пользу Короны, – объяснил мистер Седдон и углубился в детали. В заключение он сказал: – Никаких долгов или заложенной недвижимости нет. Все деньги миссис Уэлман принадлежали ей одной. Следовательно, все они переходят к мисс Карлайл. Налоги на наследство... э... боюсь, будут несколько велики, но даже после всех выплат состояние все еще будет весьма значительным, к тому же капитал помещен в надежные ценные бумаги.

– Но Родерик... – начала Элино́р.

Мистер Седдон произнес, смущенно кашлянув:

– Мистер Уэлман – всего лишь племянник ее мужа. Здесь нет кровного родства.

– Абсолютно никакого, – подтвердил Родди.

– Но, разумеется, для нас не имеет существенного значения, кто именно получит деньги, – уверенно проговорила Элино́р, – ведь мы собираемся пожениться.

При этом она не взглянула на Родди. Теперь уже мистер Седдон сказал:

– Абсолютно никакого. – И тут же ушел.

5

– Но ведь это и правда не имеет значения, – сказала Элино́р, как бы оправдываясь.

Лицо Родди нервно передернулось.

– Деньги должны принадлежать тебе, – сказал он. – Это совершенно справедливо. Ради бога, Элино́р, только не думай, что я тебе завидую. Не нужны мне эти проклятые деньги!

– Мы ведь говорили об этом, Родди, еще в Лондоне, что не важно, кто из нас окажется наследником, поскольку... поскольку мы решили пожениться... – нерешительно закончила Элинон. – Он молчал. Она продолжала настаивать: – Неужели ты не помнишь, что сам это говорил, Родди?

– Помню, – сказал Родди, упорно глядя себе под ноги. Лицо его было бледным и угрюмым, выразительные губы были горько сжаты.

Внезапно вскинув голову, Элинон храбро произнесла:

– Ведь это несущественно... если мы собираемся пожениться... Но так ли это, Родди?

– Что – так ли? – спросил Родди.

– Собираемся ли мы пожениться?

– Помню, была такая идея, – равнодушно сказал он, вернее, с некоторой долей раздражения. – Разумеется, Элинон, если у тебя теперь другие планы...

– О Родди! – воскликнула Элинон. – Неужели ты не можешь быть честным!

Он вздрогнул. Потом, смутившись, выдавил:

– Не знаю, что со мной такое...

– А я знаю... – проговорила Элинон сдавленным голосом.

– Возможно, дело в том, – заторопился Родди, – что мне не по душе мысль жить на средства жены...

Элинон побледнела:

– Дело не в этом... Здесь кое-что другое... – Она перевела дух и воскликнула: – Это из-за Мэри, не правда ли?!

– Наверное, – с несчастным видом пробормотал Родди. – Но как ты догадалась?

– Это было не так уж трудно... – Элинон криво усмехнулась. – Любой мог прочесть это на твоём лице, когда ты на неё смотрел...

Внезапно Родди перестал себя сдерживать:

– О, Элинон, я не знаю, в чем дело! По-моему, я схожу с ума! Это случилось, когда я увидел её – в тот первый день – в лесу... только её лицо – и вдруг все перевернулось. Ты не можешь этого понять...

– Очень даже могу. Продолжай.

– Я совсем не хотел в неё влюбиться... – произнес Родди беспомощно. – Я был совершенно счастлив с тобой. О Элинон, какой же я подлец, что все тебе выкладываю, все как есть...

– Ерунда. Продолжай. Скажи мне...

– Ты такая удивительная... – продолжил он прерывающимся

голосом. – Говорю с тобой, и становится легче. Я ужасно тебя люблю, Элино́р. Ты должна мне верить. А это просто наваждение. Оно все перевернуло: мое восприятие жизни, отношение ко многим вещам и вообще весь мой привычно-благопристойный разумный уклад...

– Любовь вообще чувство не слишком разумное, – мягко заметила Элино́р.

– Это точно... – печально согласился Родди.

– Ты что-нибудь ей говорил? – чуть дрогнувшим голосом спросила Элино́р.

– Сегодня утром... как дурак... я совсем потерял голову...

– И что же? – допытывалась Элино́р.

– Разумеется, она тут же оборвала меня! Она была шокирована. Из-за тети Лоры и... из-за тебя...

Элино́р сняла со своего пальца кольцо с бриллиантом и протянула Родди:

– Тебе лучше взять его обратно, Родди.

Взяв кольцо, он пробормотал, не глядя ей в глаза:

– Элино́р, ты даже не представляешь, каким негодяем я себя чувствую.

– Ты думаешь, она выйдет за тебя замуж? – спросила она, и голос ее был уже как обычно спокойным и ровным.

Он покачал головой.

– Не знаю. Нет... по крайней мере в ближайшее время. Не думаю, что я ее сейчас интересую... может, когда-нибудь после... может, она еще меня полюбит.

– Наверное, ты прав, – сказала Элино́р. – Ей нужно дать время. Пока с ней не встречайся, а потом... попробуй еще раз объясниться.

– Элино́р, дорогая, ты мой лучший друг, таких друзей больше ни у кого нет. – Он вдруг взял ее руку и поцеловал. – Ты знаешь, Элино́р, я люблю тебя по-прежнему! Иногда мне кажется, что Мэри – это просто сон, греза. Что я вот-вот проснусь... и окажется, что ее вовсе и не было...

– Если бы Мэри не было... – начала Элино́р.

Родди взволнованно прервал ее:

– Иногда мне даже хочется, чтобы ее не было... Ты и я... мы принадлежим друг другу. Мы созданы друг для друга, не так ли?

Она медленно наклонила голову:

– Да, мы созданы друг для друга. – И подумала: *«Если бы Мэри не было...»*

Глава 5

1

– Это были прекрасные похороны! – с чувством сказала сестра Хопкинс.

Сестра О'Брайен согласилась:

– О да! А сколько цветов! Вы когда-нибудь видели такие чудесные цветы? Эта арфа из белых лилий и крест из желтых роз! Такая красота!

Сестра Хопкинс вздохнула и положила себе на тарелку булочку с кремом. Разговор происходил в кафе «Голубая синица».

– Мисс Карлайл – щедрая девушка, – продолжала восхищаться сестра Хопкинс. – Она сделала мне милый подарок. Хотя вовсе не была обязана так поступать.

– Да, щедрая и очень славная, – горячо подхватила сестра О'Брайен. – Я вообще не выношу скряг.

– Она, между прочим, унаследовала огромное состояние, – не преминула заметить сестра Хопкинс.

– Это удивительно... – начала сестра О'Брайен и запнулась.

– Что именно? – подбодрила ее Хопкинс.

– Меня удивляет, что старая леди не оставила завещания.

– Вот это очень плохо, – раздраженно сказала сестра Хопкинс. – Людей следует заставлять делать завещания! Иначе потом не оберешься неприятностей.

– Интересно, – сказала сестра О'Брайен, – если бы она сделала завещание, кому бы она оставила свои деньги?

– Одно я знаю точно, – твердо заявила сестра Хопкинс.

– Что именно?

– Что она оставила бы некоторую сумму Мэри – Мэри Джерард.

– Да, пожалуй, – согласилась О'Брайен и возбужденно добавила: – Я вам не рассказывала, в каком состоянии была наша страдальца той ночью и как доктор ее успокаивал? Мисс Элинора держала руку своей тетушки и клялась самым Всемогущим, – тут ее ирландское воображение не на шутку разыгралось, – что пошлет за поверенным и все сделает как следует. «Мэри, Мэри!» – воскликнула бедная старая леди. «Ты имеешь в виду Мэри Джерард?» – спросила мисс Карлайл и тут же поклялась, что Мэри

внакладе не останется!

– Прямо-таки поклялась? – В голосе Хопкинс звучало очевидное сомнение.

– Именно так все и было, – торжественно заверила ее О'Брайен. – И вот что я еще скажу, сестрица: если бы миссис Уэлман успела составить завещание, еще неизвестно, что бы в нем было написано, да-да! А ну как она бы оставила все Мэри Джерард!

– Ну не думаю, – возразила сестра Хопкинс. – Я лично против того, чтобы лишать свою родню денег.

– Родня родне – рознь! – с видом оракула изрекла сестра О'Брайен.

– Что вы хотите этим сказать? – Сестра Хопкинс мгновенно навестила уши.

– Я не сплетница! И не желаю чернить имя покойной, – с достоинством проговорила сестра О'Брайен.

– Верно, так оно будет лучше, – подумав, согласилась сестра Хопкинс. – Чем меньше разговоров, тем спокойнее, – добавила она, наполняя заварочный чайник.

– Кстати, – сказала сестра О'Брайен, – вы тогда нашли трубочку с морфином, когда вернулись домой?

Сестра Хопкинс нахмурилась.

– Нет. Ума не приложу, куда она могла подеваться. Разве что я положила ее на край каминной доски. Я часто так делаю, когда запираю шкаф, и она могла скатиться и упасть в корзину для мусора, а корзину потом, когда я ушла, вытряхнули в мусорный ящик. – Она задумалась. – Вероятно, так все и было, ибо другого объяснения я придумать не могу.

– Понятно, – сказала сестра О'Брайен. – Да, дорогая, больше трубочке было некуда деться. Ведь вы нигде не оставляли свой саквояж – только в холле в Хантербери, – значит, трубочка действительно угодила в мусорный ящик.

– Вот-вот, – обрадовалась поддержке сестра Хопкинс. – Ведь по-другому и быть не могло, не так ли? – Она положила себе на тарелку песочное пирожное с розовой глазурью. – Конечно, не могла ведь я... – Она не договорила.

Ее собеседница торопливо, может быть, даже слишком торопливо с ней согласилась и сказала:

– На вашем месте я бы перестала беспокоиться из-за этого.

– А я и не беспокоюсь... – ответила сестра Хопкинс.

Выглядевшая в своем черном траурном платье очень юной и очень строгой, Элинор сидела в библиотеке за массивным письменным столом миссис Уэлман. Перед ней были разложены различные документы. Она только что закончила разговор с прислугой и с миссис Бишоп. Теперь, чуть помедлив у дверей, в комнату вошла Мэри Джерард.

– Вы хотели меня видеть, мисс Элинор?

Элинор подняла на нее глаза.

– Да, Мэри. Проходи и садись.

Мэри послушно уселась в указанное ей кресло. Оно было слегка развернуто в сторону окна, и свет падал на лицо девушки, подчеркивая ослепительную белизну кожи и бледное золото волос.

Одной рукой Элинор слегка прикрывала свое лицо и могла тайком следить за выражением лица Мэри.

«Я так ее ненавижу... разве мне удастся это скрыть?» – мелькнула предательская мысль.

Однако ей удалось выдержать любезный и деловой тон:

– Тетя относилась к тебе с большим участием, Мэри. Я думаю, ты и сама знаешь, что ее очень волновало твое будущее.

– Миссис Уэлман всегда была очень добра ко мне, – тихо произнесла Мэри своим нежным голосом.

Элинор холодно и бесстрастно продолжала:

– Моя тетя, будь у нее время составить завещание, наверняка сделала бы несколько дарственных распоряжений. Я в этом абсолютно уверена. Поскольку она умерла не написав завещания, ответственность за выполнение ее воли ложится на меня. Я проконсультировалась с мистером Седдоном, и по его совету мы составили список сумм для выплаты слугам в соответствии с продолжительностью их службы и прочего. – Она помедлила. – Ты, конечно, не совсем из этой категории.

Элинор почти надеялась, что эти слова заденут самолюбие Мэри, однако лицо девушки даже не дрогнуло. Мэри приняла эту колкость за чистую монету и ожидала, что Элинор скажет дальше.

– Хотя тете очень трудно было говорить в последний вечер, но она все же сумела выразить свое желание, и я поняла его. Она, безусловно, хотела позаботиться о твоём будущем.

– Это очень великодушно с ее стороны, – тихо сказала Мэри.

Элинор резко продолжила:

– Как только меня введут в права наследства, я переведу на твое имя две тысячи фунтов.

– Две тысячи фунтов? – Щеки Мэри чуть порозовели. – О, мисс Элино́р, вы так добры! И не знаю, как вас благодарить!

– Я вовсе не такая добрая, – жестко оборвала ее Элино́р, – и, пожалуйста, не надо меня благодарить.

Мэри вспыхнула.

– Вы просто не представляете, как это изменит мою жизнь, – почти прошептала она.

– Я рада за тебя, – сказала Элино́р. Отведя взгляд в сторону, она с легким усилием спросила: – У тебя есть уже определенные планы?

– О да, – с жаром отозвалась Мэри. – Я хочу приобрести какую-нибудь профессию. Скорее всего, массажистки. По совету сестры Хопкинс.

– Очень хорошая мысль, – одобрила Элино́р. – Я постараюсь договориться с мистером Седдоном, чтобы часть денег ты смогла получить как можно быстрее – насколько это возможно.

– Вы очень, очень добры, мисс Элино́р, – сказала Мэри с благодарностью.

– Я выполняю волю моей тети, – отрезала Элино́р. – Ну, по-моему, у меня к тебе все.

На этот раз явное желание Элино́р поскорее ее выставить задело чувствительную душу Мэри. Она поднялась и, отчеканив вежливым голосом: «Большое спасибо, мисс Элино́р», вышла из комнаты.

Элино́р не пошевелинулась, тупо глядя перед собой. По ее лицу невозможно было догадаться, какие мысли роятся у нее в голове. Она еще долго так сидела – в полном оцепенении...

Наконец Элино́р пошла искать Родди. Он был в гостиной – стоял и смотрел в окно. Когда она вошла, он резко обернулся.

– Со слугами я, слава богу, разобралась! – сказала она. – Пятьсот фунтов миссис Бишоп – она ведь прослужила здесь столько лет. Сто фунтов повару и по пятьдесят – Милли и Олив. По пять фунтов всем остальным. Двадцать пять фунтов Стивенсу, главному садовнику. Правда, я пока ничего не сделала для старого Джерарда из сторожки. Это, конечно, ужасно. Может, назначить ему пенсию? – Она замолчала, потом несколько торопливо сказала: – Я выделила две тысячи фунтов Мэри Джерард. Как ты

думаешь, я выполнила волю тети Лоры? Мне кажется, что сумма вполне приличная.

– Вполне. Ты всегда поступаешь по справедливости, – сказал Родди, не глядя на нее.

Он снова уставился в окно.

Элинора на мгновение задержала дыхание, а затем, от волнения запинаясь и путаясь в словах, продолжила:

– Знаешь... я хочу, чтобы – и это тоже будет справедливо – я... я считаю, ты должен получить свою часть наследства, Родди.

Он резко повернулся к ней – на лице его были обида и гнев. Но она все-таки договорила:

– Послушай, Родди. Я хочу, чтобы все было честно! Деньги, которые принадлежали твоему дяде и... и... которые он оставил своей жене... он ведь, естественно, считал, что они перейдут к тебе. И тетя Лора так считала. Мы с ней не раз говорили об этом. Если я получаю ее деньги, то ты должен унаследовать деньги, принадлежавшие ему. Это единственно правильное решение. Иначе ведь получается, что я ограбила тебя... и все из-за того, что тетя Лора не оставила завещания! Ты должен, ты обязан разумно к этому отнестись!

Узкое подвижное лицо Родди сделалось смертельно бледным.

– Боже мой, Элинора! – воскликнул он. – Неужели тебе хочется, чтобы я чувствовал себя последним подонком? И ты могла подумать, что я соглашусь взять у тебя эти деньги?

– Но я ведь не дарю их тебе! Это всего лишь элементарная справедливость.

– Мне не нужны твои деньги! – крикнул Родди.

– Они не мои!

– По закону они твои – в этом все дело! Ради бога, Элинора, давай без сантиментов. Я не возьму у тебя ни пенни. И нечего строить из себя благотельницу!

– Родди! – не выдержав, воскликнула Элинора.

Тот резко потрянул головой.

– О, прости, дорогая. Я сам не знаю, что несу. Все так перепуталось... Я в полной растерянности...

– Бедняжка Родди... – мягко проговорила Элинора.

Он снова отвернулся и стал теребить пальцами кисточку шторы и уже совсем другим, нарочито равнодушным тоном спросил:

– Тебе известно, что Мэри Джерард намерена делать дальше?

– Собирается учиться на массажистку. Так она, по крайней мере,

говорит.

– Ясно.

Наступило неловкое молчание. Элино́р выпрямилась и решительно вскинула подбородок. Теперь ее голос звучал властно:

– Родди, я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушал.

Он чуть удивленно посмотрел на нее.

– Хорошо, Элино́р.

– Я хочу – если ты, конечно, согласишься, – чтобы ты послушался моего совета.

– И что это за совет?

– Ты ведь на работе не слишком занят? И можешь в любой момент получить отпуск, да?

– Ну, конечно...

– Тогда сделай вот что: поезжай куда-нибудь за границу, месяца на три. Один. Заведи новых друзей, посмотри новые места. Давай поговорим начистоту. Сейчас ты считаешь, что влюблен в Мэри Джерард. Возможно, это так и есть. Но в данный момент тебе бесполезно говорить с ней о своих чувствах – ты и сам прекрасно это понимаешь.

Наша помолвка расторгнута, и... и ты поедешь за границу как человек свободный от обязательств... А месяца через три пусть этот свободный человек примет решение... К тому времени ты поймешь – любовь это или же просто увлечение. И если ты будешь совершенно уверен в своей любви, тогда... возвращайся и снова иди к Мэри и расскажи о своем чувстве. И на этот раз, очень может быть, она выслушает тебя.

– Элино́р, ты чудо! – Он подошел к ней и порывисто сжал ее руку. – Ты у меня такая мудрая! Такая самоотверженная! И ни капельки мелочности! Как ты великодушна! Я восхищен тобой – даже еще больше, чем раньше! Я так и сделаю: уеду, поменяю обстановку – и проверю, действительно ли моя любовь столь велика или же я просто внушил себе это... О, Элино́р, моя дорогая, ты даже не представляешь, как я тебя люблю! Ты всегда была в тысячу раз благороднее, чем я. Благослови тебя господь за всю твою доброту.

Он поцеловал ее в щеку и вышел из комнаты. И даже не обернулся... Возможно, и к лучшему, потому что он не увидел ее лица.

Спустя несколько дней Мэри поведала сестре Хопкинс об

открывшихся перед ней перспективах. Эта на редкость практичная женщина горячо ее поздравила:

– Тебе улыбнулось счастье, Мэри. Возможно, старушка и хотела сделать для тебя что-нибудь хорошее, но добрые намерения, не оформленные официально, ничегошеньки не стоят. Ты запросто могла остаться на бобах.

– Мисс Элинор сказала, что в тот вечер, незадолго до смерти, миссис Уэлман просила ее позаботиться обо мне.

Сестра Хопкинс хмыкнула.

– Может, и так. Но о таких просьбах предпочитают потом не вспоминать. Я имею в виду родственников. Я всякого навидалась в жизни, уж поверь. Сколько людей на моей памяти умирали в полной уверенности, что их дорогой сынок или дорогая дочка выполнят их последнюю волю. Куда там! В девяти случаях из десяти дорогой сынок или дорогая дочка находили вполне веские основания, чтобы не уважить желание покойного. Такова уж человеческая натура: никому неохота делиться своими денежками, если закон не заставляет. Так что, девочка моя, тебе здорово повезло. Мисс Карлайл почестнее многих других.

– И все же она меня не любит, я это чувствую, – тихо сказала Мэри.

– И у нее есть на это причины, – резанула сестра Хопкинс. – Да-да. Не прикидывайся невинной овечкой, Мэри! Мистер Родерик давно на тебя глаз положил.

Мэри покраснела.

Сестра Хопкинс продолжила:

– По-моему, он здорово втюрился. С первого взгляда. А тебе он как, тебе он тоже приглянулся?

– Я... я не знаю, – запинаясь, пролепетала Мэри. – Мне в общем все равно. Но он, конечно, очень симпатичный.

– Гм. Не в моем вкусе. Видать, очень уж привередливый, такой замучает своими капризами, да и нервный, видать, очень. Такие и в еде чересчур разборчивы. Нормальные мужчины вообще большая редкость. Так что ты не слишком торопись, моя дорогая. С твоей внешностью ты можешь себе выбрать и получше. Сестра О'Брайен на днях говорила, что тебе следовало бы попробоваться в кино. Там любят снимать блондинок, так все говорят...

– Сестрица, как вы думаете, – тут легкая морщинка пересекла лоб Мэри, – что я должна сделать для отца? Он считает, что я должна отдать ему часть этих денег.

– Ни в коем случае! – рассердилась сестра Хопкинс. – Миссис Уэлман

вполне определенно имела в виду тебя, только тебя. По-моему, твоего папашу давным-давно выгнали бы с работы, если бы не ты. Подобного лентяя свет еще не видывал!

– Странно, что она, имея такое большое состояние, так и не сделала завещания. Тогда бы каждый знал, сколько кому причитается.

Сестра Хопкинс покачала головой.

– Так уж устроены люди. Завещание всегда откладывают на потом. Странно, да?

– И, по-моему, довольно глупо, – сказала Мэри.

В глазах сестры Хопкинс зажглись веселые искорки.

– Ну а ты-то сама уже написала завещание, Мэри?

Мэри удивленно на нее уставилась:

– Я? Нет...

– А ведь ты уже совершеннолетняя, тебе исполнился двадцать один год.

– Но мне... Мне нечего завещать... хотя сейчас вроде бы и есть.

– Вот именно. И довольно кругленькая сумма, – с легкой ехидцей заметила сестра Хопкинс.

– Ну да, но куда спешить... – сразу начала оправдываться Мэри.

– Вот видишь? И ты не лучше всех остальных, – назидательно изрекла сестра Хопкинс. – То, что ты молода и здорова, отнюдь не избавляет тебя от непредвиденной случайности – любой из нас может попасть под какой-нибудь шарaban^[14] или под машину.

Мэри рассмеялась.

– Я даже не представляю, как пишутся завещания.

– Да проще простого. Бланк можно взять на почте. Пойдем прямо сейчас и возьмем.

Вернувшись в коттедж сестры Хопкинс, они развернули бланк и приступили к обсуждению предстоящей процедуры. Сестра Хопкинс наслаждалась значимостью момента. Составление завещания, с ее точки зрения, было важнейшим в жизни человека событием. Важнее этого могла быть разве что сама смерть.

– А кто получит деньги, если я не напишу завещания? – поинтересовалась Мэри.

– Я полагаю, твой отец.

– Он их не получит, – решительно сказала Мэри. – Лучше я уж завещаю их своей тете, живущей в Новой Зеландии.

Сестра Хопкинс с готовностью подхватила:

– Вот и умница. Совсем незачем оставлять их твоему отцу – все равно

он долго не протянет, точно тебе говорю.

Такие предсказания Мэри слышала от сестры Хопкинс довольно часто и поэтому восприняла ее пророчество очень спокойно.

– Не могу вспомнить тетин адрес. Мы давно от нее ничего не получали.

– По-моему, это не имеет значения. Ты ведь знаешь ее имя?

– Мэри. Мэри Райли.

– Вот и хорошо. Напиши, что ты оставляешь все Мэри Райли, сестре покойной Элизы Джерард из Хантербери, Мейденсфорд.

Мэри склонилась над бланком. Как только она поставила точку, какая-то тень вдруг заслонила от нее свет солнца... Девушку вдруг охватила дрожь. Она подняла глаза и увидела Элинора Карлайл, которая снаружи заглядывала в окно.

– Чем это ты так старательно занимаешься? – спросила она.

– Пишет завещание, вот чем, – усмехнувшись, объяснила сестра Хопкинс.

– Пишет завещание? – Элинора вдруг засмеялась странным, почти истерическим смехом. – Так ты пишешь завещание, Мэри? Но это просто смешно. Да, да, очень смешно!..

Продолжая хохотать, она повернулась и быстро пошла по улице.

Глаза сестры стали круглыми от изумления:

– Видала, а? Интересно, что это на нее нашло?

5

Элинора не успела пройти и полдюжины шагов, как чья-то рука опустилась сзади на ее плечо. Она резко остановилась и обернулась.

Нахмутив брови, прямо в лицо ей смотрел доктор Лорд.

– Над чем это вы смеялись? – властно спросил он.

– Сама не знаю.

– Могли бы изобрести что-нибудь поумнее! – заметил Питер Лорд.

Элинора покраснела.

– Наверное, это нервы... или сказывается переутомление. Я заглянула в коттедж районной сестры, а там, там... Мэри Джерард писала завещание. Это очень меня рассмешило. Сама не знаю почему!

– Так-таки не знаете? – с нажимом спросил доктор.

– Глупо, конечно, но я же вам сказала: нервы. Поэтому и такая реакция.

– Я выпишу вам что-нибудь тонизирующее.

– Вот-вот, оно мне будет очень кстати! – съязвила Элино́р.

Он обезоруживающе усмехнулся:

– Совершенно некстати, согласен. Но что еще прикажете делать, если человек не желает говорить, что с ним происходит!

– Со мной ничего не происходит, – ответила Элино́р.

– Еще как происходит, – со спокойной уверенностью возразил доктор Лорд.

– Ну да, я действительно несколько возбуждена. Ведь столько пришлось пережить...

– О да, более чем достаточно. Но я, собственно, хотел поговорить не об этом. – Он помолчал. – Вы здесь еще побудете?

– Я уезжаю завтра.

– А вы не хотели бы сюда переехать? Насовсем?

Она покачала головой.

– Нет. Никогда. Я думаю... думаю... я продам имение, если за него предложат хорошую цену.

– Понимаю... – как-то уж слишком равнодушно отозвался доктор Лорд.

– Мне пора домой. – Элино́р решительно протянула Питеру Лорду руку. Тот задержал ее в своей.

– Мисс Карлайл, пожалуйста, скажите мне, о чем вы думали, когда только что смеялись? – В его голосе была тревога.

Она быстро отдернула свою руку.

– А о чем я должна была думать?

– Это как раз то, что я хотел бы знать!

Его лицо помрачнело, и сейчас он выглядел довольно несчастным.

– Просто мне это показалось смешным, вот и все, – раздраженно сказала Элино́р.

– Что Мэри Джерард пишет завещание? Почему? Очень разумный с ее стороны шаг. Такая предусмотрительность избавляет от многих неприятностей... Впрочем, иногда и, наоборот, приводит к ним!

– Разумеется, каждый должен сделать завещание. – Элино́р уже теряла терпение. – Я не это имела в виду.

– Миссис Уэлман, безусловно, следовало бы его составить, – заметил доктор Лорд.

– Да, конечно, – согласилась Элино́р, и щеки ее вдруг порозовели.

– А вы? – внезапно спросил доктор Лорд.

– Я?

– Ну да. Вы ведь только что сказали, что каждый должен сделать завещание. Вы написали завещание?

Элино́р пристально на него посмотрела – и расхохоталась.

– Поразительно! Нет, я не написала. Я не думала об этом! Совсем как тетя Лора. Знаете что, доктор Лорд, я сейчас же напишу мистеру Седдону.

– Весьма разумно, – похвалил Питер Лорд.

6

Пройдя в библиотеку, Элино́р быстро написала:

*«Дорогой мистер Седдон!
Прошу вас составить для меня текст завещания. Он очень
простой. Все свое состояние я хочу оставить Родерику Уэлману.
Искренне ваша*

Элино́р Карлайл».

Она взглянула на часы. Почту должны отправлять через несколько минут.

Элино́р выдвинула ящик письменного стола, потом вспомнила, что утром использовала последнюю марку.

В спальне у нее вроде бы лежало еще несколько штук. Она поднялась по лестнице, а когда вернулась в библиотеку, держа в руке марку, увидела, что у окна стоит Родди.

– Значит, завтра уезжаем. Добрый старый Хантербери. Здесь у нас было столько славных дней, – вздохнул Родди.

– Ты против его продажи?

– Нет-нет! Что ты! Это самое разумное решение.

Наступило неловкое молчание. Элино́р взяла письмо и, еще раз его просмотрев, вложила в конверт, запечатала и наклеила марку.

Глава 6

Письмо сестры О'Брайен сестре Хопкинс от четырнадцатого июля:

*«Лейборо-Корт
Дорогая Хопкинс!*

Вот уже несколько дней собираюсь вам написать. Дом здесь симпатичный и картины, по-моему, известных мастеров. И тем не менее здесь не так уютно, как в Хантербери. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. В этой глуши трудно найти служанок, и девушки, которые здесь работают, плохо обучены, к тому же некоторые из них очень нерасторопны. И хотя я совсем не привередлива, полагаю, что еда, которую они приносят мне на подносе, по крайней мере, должна быть горячей; чайник вскипятить негде, а они заваривают чай не совсем крутым кипятком! В общем, тут не так уж плохо, но и не ахти как хорошо. Мой пациент – спокойный симпатичный джентльмен, у него двустороннее воспаление легких, но кризис уже миновал, и доктор говорит, что дело пошло на поправку.

То, что я вам расскажу, наверняка вас очень заинтересует: это удивительное совпадение, в которое даже трудно поверить. В гостиной, на рояле, стоит фотография в солидной серебряной рамке, и представьте, точь-в-точь такая же – помните, я вам рассказывала, – как та, которую просила меня подать старая миссис Уэлман, с подписью „Льюис“, помните? Ну, я, конечно же, была заинтригована: кто бы это мог быть? Ну и спросила дворецкого, кто это такой, а он сразу же ответил, что это брат леди Рэттери, сэр Льюис Райкрофт. Он, кажется, жил неподалеку отсюда и был убит на войне. Очень печально, верно? Я мимоходом спросила, был ли он женат, и дворецкий ответил – да, но леди Райкрофт, бедняжка, вскоре после свадьбы попала в лечебницу для душевнобольных. Она еще жива, сказал он. Не правда ли, интересная история? И как видите, мы с вами были совершенно не правы в наших домыслах. Они, должно быть, очень любили друг друга, он и миссис У., но не могли пожениться, потому что его жена была в клинике. Ну просто как в кино, правда? А она помнила о нем все эти годы и даже перед смертью

захотела взглянуть на его фотографию. По словам дворецкого, его убили в 1917 году. По-моему, на редкость романтическая история.

Смотрели вы новый фильм с Мирной Лой?^[15] На этой неделе он шел в Мейденсфорде. А здесь поблизости ни одного кинотеатра! Как это ужасно – прозябать в деревенской глуши. Ничего удивительного, что им здесь так трудно найти приличных служанок!

Ну, пока до свидания, дорогая. Пишите – я хочу знать все-все новости.

Искренне ваша

Эйлин О'Брайен».

Письмо сестры Хопкинс сестре О'Брайен от четырнадцатого июля:

«Роуз-коттедж

Дорогая О'Брайен!

Дела здесь идут ни шатко ни валко. Какие у нас новости? Хантербери опустел – все слуги уволены, а на воротах прибита доска с надписью: „Продается“. Я видела на днях миссис Бишоп, она сейчас у своей сестры, которая живет примерно в миле отсюда. Сами понимаете, она очень удручена тем, что усадьба продается. Кажется, она была уверена, что мисс Карлайл и мистер Уэлман пожениятся и будут жить здесь. Миссис Б. говорит, что помолвка расторгнута! Мисс Карлайл уехала в Лондон вскоре после вас. Несколько раз я замечала некоторые странности в ее поведении. Я просто не знала, что и думать! Мэри Джерард отправилась в Лондон – учиться там на массажистку. По-моему, очень правильный шаг. Мисс Карлайл собирается выделить ей две тысячи фунтов, и я считаю, с ее стороны это большая щедрость, не многие поступили бы столь благородно. Кстати, иногда совершенно случайно можно узнать много интересного. Это просто удивительно. Помните, вы мне рассказывали о фотографии, подписанной „Льюис“, которую вам показывала миссис Уэлман? На днях мы болтали с миссис Слаттери (она служила экономкой у старого доктора Рэнсома, который практиковал здесь до доктора Лорда), и, поскольку она прожила здесь всю жизнь, ей много чего известно о местной

знати. Я как бы между прочим завела речь об именах и заметила, что имя Льюис встречается довольно редко, а она тут же назвала несколько людей с таким именем, и в том числе сэра Льюиса Райкрофта из Форбс-парка! Он служил в семнадцатом уланском полку и был убит в конце войны. Тогда я возьми да и скажи: „Он был большим другом миссис Уэлман из Хантербери, так ведь?“ А она на меня так посмотрела... и говорит: да, они были очень близкими друзьями, и некоторые считают – больше чем друзьями, но она, дескать, не любит сплетничать. А потом с таким невинным видом спросила: „А почему бы им не быть друзьями?“ Тогда я стала дальше выведывать: верно ли, говорю, что миссис Уэлман была в то время вдовой, и она отвечает: „О да, уже была вдовой“. Итак, дорогая, я сразу поняла, что она кое-что знает, ну и спрашиваю: почему, мол, они не поженились, а она сразу в ответ: „Они не могли пожениться. Его жена была в клинике для душевнобольных“. Вот видите, теперь мы знаем, в чем там было дело! Любопытные вещи происходят в мире, правда? Это нынче развестись ничего не стоит! А совсем недавно даже безумие не считалось достаточным основанием для развода. Теперь стыдно и вспоминать.

Помните симпатичного парня Тэда Бигланда, который ухлестывал за Мэри Джерард? Он заходил ко мне и просил сообщить лондонский адрес Мэри, но я не дала. По-моему, Мэри заслуживает кого-нибудь получше. Не знаю, заметили ли вы или нет, дорогая коллега, но мистер Р.У. втюрился в нее по уши. Очень жаль, потому что из-за этого все и пошло наперекосяк. Помяните мое слово: не иначе как из-за Мэри расстроилась его помолвка с мисс Карлайл. И, если хотите знать мое мнение, это здорово ее подкосило. Не знаю, что мисс Карлайл в нем нашла, он совсем не в моем вкусе. Но, как стало мне известно из надежных источников, она безумно влюблена в него. Да, вот ведь как все перепуталось!

А теперь еще и денежки все она одна заполучила. Он-то наверняка был уверен, что тетушка и ему оставит кругленькую сумму.

Старый Джерард из сторожки здорово сдал в последнее время – несколько раз даже падал в обморок. Но по-прежнему груб и сварлив. А на днях он взял и заявил мне, что Мэри не его

дочь. „На вашем месте, – ответила я ему, – я бы постыдилась говорить такие вещи о своей жене“. А он взглянул на меня и говорит: „А чего еще ждать от такой дуры. Много вы понимаете“. Вежливо, нечего сказать. Ну, тут уж я его отбрила, чтобы не забывался. Его жена, до того как вышла замуж, служила, по-моему, горничной у миссис Уэлман.

На прошлой неделе я смотрела „Добрую землю“^[16]. Это прекрасно! Женщины в Китае, кажется, способны вынести любые муки!

Всегда ваша

Джесси Хопкинс».

Открытка от сестры Хопкинс сестре О'Брайен:

«Прямо чудеса – я ведь тоже вам про того человека написала! Ужасная стоит погода, не правда ли?»

Открытка от сестры О'Брайен сестре Хопкинс:

«Получила ваше письмо сегодня утром. Вот так совпадение!»

Письмо от Родерика Уэлмана Элино́р Карлайл от пятнадцатого июля:

«Дорогая Элино́р!

Только что получил твое письмо. Я действительно не сожалею по поводу продажи Хантербери. Приятно, что ты советуешься со мной. Полагаю, что это самое мудрое решение, раз уж ты не захотела там жить. Впрочем, с его продажей могут возникнуть известные трудности. По нынешним меркам оно великовато, хотя, конечно, вполне соответствует современным стандартам: удобные помещения для слуг, газ, электричество, ну и все прочее. Как бы то ни было, надеюсь, что тебе повезет!

Жара здесь ужасающая. Почти не вылезаю из моря. Есть довольно забавные экземпляры, но я почти ни с кем не общаюсь. Ты как-то мне сказала, что я нелегко схожусь с людьми. Боюсь, ты права. Большинство представителей рода человеческого

кажутся мне омерзительными. Вероятно, они отвечают мне взаимностью. Я давно считал тебя одной из наиболее достойных в этом мире. Через неделю-другую собираюсь побродить по побережью Далмации. Мой адрес: Томас Кук (указать, что для меня), Дубровник, там я буду начиная с двадцать второго числа. Если потребуется моя помощь, дай знать.

С восхищением и благодарностью

твой Родди».

Письмо от мистера Седдона (Седдон, Блэтеруик и Седдон) мисс Элино́р Карлайл от двадцатого июля:

«Блумсбери-сквер, 104

Дорогая мисс Карлайл!

Я убежден, что вам следует согласиться на предлагаемые майором Сомервелом 12 500 (двенадцать тысяч пятьсот) фунтов за Хантербери. Крупную недвижимость в настоящее время продать чрезвычайно трудно, и эта цена вполне приличная. Но он ставит условие, чтобы его права на владение были оформлены безотлагательно. Поскольку мне известно, что майор Сомервел интересовался также и другими усадьбами в округе, я советую немедленно принять его предложение.

К тому же майор Сомервел согласен в течение трех месяцев пользоваться той мебелью, которая имеется в поместье, – пока не будут завершены все юридические формальности с продажей.

Что же касается привратника Джерарда и его пенсионного содержания, то я слышал от доктора Лорда, что он серьезно болен и жить ему осталось недолго.

Завещание еще не утверждено, но я в соответствии с вашим распоряжением передал Мэри Джерард сто фунтов.

Искренне ваш

Эдмунд Седдон».

Письмо от доктора Лорда мисс Элино́р Карлайл от двадцать четвертого июля:

«Дорогая мисс Карлайл!

Старый Джерард сегодня скончался. Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезным? Слышал, что вы продали дом нашему новому члену парламента майору Сомервелу.

Искренне ваш

Питер Лорд».

Письмо от Элинон Карлайл Мэри Джерард от двадцать пятого июля:

«Дорогая Мэри!

Очень опечалена вестью о смерти твоего отца.

Я продаю Хантербери майору Сомервелу. Он хочет перебраться туда как можно скорее, поэтому я собираюсь приехать, чтобы разобраться в бумагах тети и привести все в порядок. Не могла бы ты побыстрее забрать вещи отца из сторожки? Надеюсь, у тебя все хорошо и учеба на курсах не слишком утомительна.

Искренне твоя

Элинон Карлайл».

Письмо от Мэри Джерард сестре Хопкинс от двадцать пятого июля:

«Дорогая сестра Хопкинс!

Очень признательна, что Вы написали мне об отце. Рада, что он не страдал. Мисс Элинон пишет мне, что дом продан, и просит как можно скорее освободить сторожку. Не могли бы Вы приютить меня? Я приеду завтра на похороны. Если Вы согласны, можете не отвечать.

Преданная Вам

Мэри Джерард».

Глава 7

1

Утром в четверг, двадцать седьмого июля, Элино́р Карлайл вышла из дверей гостиницы «Королевский герб» и в раздумье остановилась на пороге, поглядывая то влево, то вправо.

Внезапно она с радостным возгласом бросилась на другую сторону главной улицы Мейденсфорда.

Эта величественная фигура, с достоинством проплывающая по городу подобно древнему галеону^[17] под надутыми парусами... Нет, ошибиться было невозможно!

– Миссис Бишоп!

– Кого я вижу! Мисс Элино́р! Вот так сюрприз! Вы, оказывается, в наших краях! Знай я, что вы приедете в Хантербери, я бы немедленно туда примчалась! Кто же вам прислуживает? Привезли кого-нибудь с собой из Лондона?

Элино́р покачала головой.

– Я остановилась не в усадьбе, а в «Королевском гербе».

Миссис Бишоп бросила взгляд на другую сторону улицы и скептически хмыкнула.

– Говорят, там жить можно, – проговорила она. – Чисто. И кухня вроде бы неплохая, но это совсем не то, к чему вы привыкли, мисс Элино́р.

Элино́р улыбнулась:

– Там достаточно удобно. Ведь я всего на пару дней. Мне нужно разобрать вещи в доме. Личные вещи тети. И еще я хочу забрать с собою в Лондон кое-что из мебели.

– Значит, вы действительно продали дом?

– Да. Майору Сомервелу. Нашему новому члену парламента. Сэр Джордж Керр, как вам известно, умер, и состоялись дополнительные выборы.

– Избрали единогласно, – с важностью заметила миссис Бишоп. – Мы никого, кроме консерваторов, от Мейденсфорда не выбирали.

– Я рада, что дом попал в руки человека, который собирается там жить. Было бы жаль, если бы его перестроили или превратили в отель.

Миссис Бишоп закрыла глаза и содрогнулась от ужаса: для ее

аристократической природы сама мысль о подобном варварстве была непереносима.

– Да, это было бы чудовищно. Откровенно говоря, очень печально и то, что дом переходит в чужие руки.

– Но вы сами понимаете, – сказала Элинон, – что он слишком велик для меня одной.

Миссис Бишоп снова хмыкнула, и Элинон поспешила продолжить:

– Все собиралась вас спросить: не хотите ли взять себе на память что-нибудь из мебели? Я была бы рада сделать вам приятное.

Миссис Бишоп просияла и милостиво произнесла:

– Вы так добры, мисс Элинон, так великодушны. И если не сочтете некоторой смелостью с моей стороны...

Она замолчала, и Элинон подбодрила ее:

– Да, да, я вас слушаю.

– Я всегда любовалась секретером в гостиной... Прелестная вещь.

Элинон помнила его: довольно безвкусный, сплошь в ярких инкрустациях.

– Конечно, берите. Что-нибудь еще, миссис Бишоп?

– Что вы, мисс Элинон! Вы и так чрезвычайно щедры!

– Там еще есть несколько стульев в том же стиле, что и секретер, – заметила Элинон. – Не хотите ли взять и их?

Миссис Бишоп рассыпалась в благодарностях, соизволив принять и стулья.

– Я сейчас гощу у своей сестры. Может, вам требуется помощь, мисс Элинон? Если хотите, я могла бы пойти с вами.

Элинон решительно воспротивилась.

– Уверяю вас, мне бы это не составило труда, – не отставала миссис Бишоп. – Я с удовольствием бы помогла. Ведь вам будет так грустно перебирать вещи дорогой миссис Уэлман.

– Благодарю вас, миссис Бишоп, но я предпочла бы заняться этим одна. Такого рода дела лучше делать... одной.

– Как вам будет угодно, – холодно сказала бывшая экономка. Потом продолжила: – Дочь Джерарда сейчас здесь. Похороны были вчера. Она живет у сестры Хопкинс. Я слышала, сегодня утром они собирались пойти в сторожку.

– Да, я просила Мэри приехать, – кивнула Элинон. – Майор Сомервел хотел бы как можно скорее перебраться сюда.

– Понятно.

– Ну, мне пора, – сказала Элинон. – Рада была повидать вас, миссис

Бишоп. Значит, секретер и стулья.

Она пожала ей руку и пошла в сторону булочной. Купив хлеба, она заглянула в молочную лавку, где купила полфунта масла и немного молока. Затем зашла к бакалейщику.

– Я хотела бы паштета для сэндвичей.

– К вашим услугам, мисс Карлайл. – Локтем оттолкнув приказчика, к ней поспешил сам хозяин, мистер Эббот. – Какой вам угодно? Паштет из лосося с креветками? Или из индейки с языком? Из лосося с сардинами? Или из окорока с языком?

Одну за другой он выставлял на прилавки банки с паштетом.

– Хотя названия у них разные, на вкус, по-моему, они все одинаковы, – с легкой улыбкой заметила Элино́р.

Мистер Эббот спорить не стал:

– Возможно, вы и правы. Отчасти. Но главное, что они очень вкусные, да-да, отменные.

– Некоторые побаиваются рыбных паштетов, – сказала Элино́р. – Ведь бывали случаи отравления, да? Видимо, иногда готовят из несвежей рыбы.

Мистер Эббот изобразил на лице ужас:

– Уверяю вас, это высший сорт... Мы никогда не получали ни единой жалобы.

– Ну, тогда я, пожалуй, возьму одну баночку лосося с креветками и одну лосося с анчоусами. Благодарю вас.

2

Элино́р Карлайл вступила на землю своих бывших владений через заднюю калитку.

Был жаркий, ясный летний день. Благоухал душистый горошек. Она прошла мимо разноцветной гряды и увидела младшего садовника Хорлика, который оставался здесь, чтобы содержать в приличном виде сад.

– Доброе утро, мисс, – с почтением приветствовал он Элино́р. – Я получил ваше письмо. Боковая дверь открыта, мисс. Я открыл ставни и большую часть окон.

– Благодарю вас, Хорлик.

Она хотела пойти дальше, но молодой человек, судорожно дернув кадыком, застенчиво пробормотал:

– Извините, мисс...

– Да, – повернулась к нему Элино́р.

– Правда, что дом продан? Я имею в виду, соглашение уже подписано?

– Да.

– Хотел бы вас попросить, – робко заговорил Хорлик, – не могли бы вы замолвить за меня словечко майору Сомервелу... Ему ведь нужны будут садовники. Может, он решит, что я слишком молод для должности главного садовника, но я четыре года работал под началом мистера Стивенса и много чему научился. Ну и когда один тут остался, тоже все здесь поддерживал в полном порядке, даже без помощников.

– Конечно, Хорлик, я сделаю для вас все, что смогу, – заверила его Элино́р. – Я и сама собиралась порекомендовать вас майору Сомервелу и сказать ему, какой вы замечательный садовник.

Лицо Хорлика стало пунцовым.

– Спасибо, мисс. Вы очень добры. Вы понимаете, столько сразу всего на нас обрушилось, ну... смерть миссис Уэлман, и потом эта быстрая продажа усадьбы... а я... я собираюсь осенью жениться, ну и хочется быть уверенным...

Он замолчал.

– Надеюсь, майор Сомервел вас возьмет. Можете на меня рассчитывать – я сделаю все, что смогу, – снова пообещала Элино́р.

– Благодарю вас, мисс. Вообще-то мы все надеялись, что усадьба останется у вашей семьи. Благодарю вас, мисс.

Элино́р пошла дальше.

Внезапно, как поток, прорвавший дамбу, ее захлестнула волна ярости, дикого негодования.

«Мы все надеялись, что усадьба останется у вашей семьи...»

Они с Родди могли здесь жить! Она и Родди! Родди, наверное, хотел этого. Да и она сама – тоже. Они ведь так всегда любили Хантербери. Милый Хантербери... Задолго до того, как ее родители умерли... на чужбине... в Индии... она приезжала сюда на каникулы. Она играла в лесу, гуляла у ручья, собирала целые охапки душистого горошка, лакомясь огромными зелеными ягодами крыжовника и темно-красной сочной малиной. А позже созревали яблоки... Здесь столько укромных местечек, где можно было свернуться калачиком и часами читать какую-нибудь книжку.

Она любила Хантербери. Где-то в глубине ее сознания всегда таилась уверенность, что когда-нибудь она будет здесь жить постоянно. Тетя Лора все время поддерживала эту уверенность. Отдельными словами и фразами.

«Когда-нибудь, Элино́р, тебе, возможно, захочется спилить эти тисовые деревья. Они немного мрачноваты, ты не находишь?»

Или:

«Здесь можно было бы устроить водоем. Когда-нибудь ты это сделаешь!»

А Родди? Родди тоже видел в Хантербери свой будущий дом. Может, эта подспудная мысль и лежала в основе его чувства к ней, к Элинон. Именно: ему была удобна эта любовь. Она давала возможность и ей и ему жить в Хантербери. Как все удачно складывалось.

Они жили бы здесь вместе. И сейчас они тоже были бы здесь вместе – и совсем не для того, чтобы готовить поместье к продаже, а для того, чтобы устроить по своему вкусу дом и сад. Бродили бы тут рука об руку, наслаждаясь теперь уже своей собственностью, счастливые – да, счастливые оттого, что они вместе... Если бы не роковая случайная встреча с этой девушкой – прекрасной, как дикая роза...

Что знал Родди о Мэри Джерард? Ничего – меньше чем ничего! Как он мог полюбить Мэри... реальную Мэри, а не тот образ, который он себе выдумал? Возможно, у нее действительно много привлекательных качеств, но что Родди мог о них знать? Все это старо как мир – злая шутка природы, непредсказуемое влечение.

Недаром ведь и сам Родди назвал это «наваждением»?

Кто знает, может, он даже хотел бы избавиться от этого наваждения...

Если бы Мэри, например, умерла, то, возможно, какое-то время спустя он сказал бы: «Это даже к лучшему. Теперь я это понимаю. У нас ведь не было ничего общего...»

И добавил бы, возможно с мягкой грустью:

«Она была прелестным созданием...»

Пусть бы она навсегда и оставалась для него просто... ну да... восхитительным воспоминанием... воплощением вечно юной красоты и счастья^[18].

Если бы с Мэри Джерард что-нибудь случилось, Родди снова вернулся бы к ней... Элинон была совершенно уверена в этом!

Если бы с Мэри Джерард что-нибудь случилось...

Элинон повернула ручку боковой двери. Из солнечного теплого дня она шагнула в прохладный сумрак дома. Ее охватила дрожь.

Этот холод и мрак были так зловещи... Будто здесь ее поджидало нечто ужасное...

Она прошла через холл и толкнула обитую сукном дверь буфетной.

Повеяло запахом плесени. Она широко распахнула окно. Выложив свои покупки – масло, батон, небольшую бутылку молока, – Элинон вдруг подумала: «Вот бестолковая! Я же забыла купить кофе!»

Она заглянула в банки, стоявшие на полке. В одной из них оказалось немного чая, но кофе не было.

«А, да ладно, – подумала она, – какая разница».

Она распаковала баночки с рыбным паштетом и долго их разглядывала. Потом, выйдя из буфетной, поднялась по лестнице и направилась прямо в комнату миссис Уэлман. Она начала с массивного комода: вытаскивала вещи из выдвинутых ящиков и складывала их в отдельные кучки...

3

В сторожке Мэри Джерард беспомощно огляделась.

Она и забыла уже, как здесь тесно и убого.

На нее нахлынули воспоминания. Мама, склонившаяся с иголкой над платицей для куклы. Злое лицо отца, вечно чем-то недовольного. Не любил он ее. Нет, не любил.

Она внезапно обернулась к сестре Хопкинс:

– Отец перед смертью ничего не просил мне передать?

– Нет, дорогая, ничего, – бодрым и веселым голосом отозвалась та. – Он ведь умер, не приходя в сознание.

– Я должна была приехать сюда и ухаживать за ним, – тихо проговорила Мэри. – Ведь все-таки он был моим отцом.

После некоторого замешательства сестра Хопкинс сказала:

– Послушай-ка меня, Мэри: отцом не отцом – не в этом дело. В наши дни дети не слишком-то заботятся о своих родителях. Да и многие родители тоже не очень-то пекутся о своих чадах. Мисс Ламбер из средней школы считает, что так и должно быть. По ее мнению, отношения в семье настолько далеки от совершенства, что дети должны воспитываться государством. По мне, так это глупость: плодить сирот при живых-то родителях. Так о чем я говорила-то? Ах да! Нечего тебе себя изводить. Было – и прошло. Теперь нужно жить дальше. Пусть даже наша жизнь совсем не сахар.

– Наверное, вы правы... Но... но, может быть, я сама виновата в том, что у нас с отцом были неважные отношения.

– Чушь! – решительно возразила сестра Хопкинс. Это коротенькое слово прозвучало, как взрыв бомбы. Мэри почему-то сразу успокоилась. А сестра Хопкинс перевела разговор на более конкретные проблемы: – Что ты собираешься делать с мебелью? Сохранишь? Или продашь?

– Даже не знаю. А вы как считаете?

Окинув обстановку наметанным глазом, сестра Хопкинс сказала:

– Некоторые вещи вполне добротные и хорошие. Ты можешь отдать их на хранение и когда-нибудь обставить свою квартирку в Лондоне. Старье выброси. Стулья еще крепкие. И стол тоже неплох. И эта милая конторка – такие, правда, сейчас не в моде, но она из красного дерева, а, говорят, викторианский стиль ^[19] скоро снова будет в чести. На твоём месте я бы избавилась от гардероба. Слишком уж он громоздкий. Занимает половину спальни.

Они составили список вещей, какие следовало оставить, а какие продать.

– Поверенный, мистер Седдон, был ко мне очень добр, – сказала Мэри. – Он дал мне в качестве аванса немного денег. Так что я смогла частично оплатить свои занятия и кое-что купить. Он сказал, что через месяц-другой я смогу получить всю сумму.

– А как тебе твоя работа? – поинтересовалась сестра Хопкинс.

– Думаю, со временем она очень мне понравится. Поначалу было тяжело. Так уставала, что едва хватало сил добраться до дому.

– Я тоже уставала до смерти, когда проходила практику в больнице Святого Луки, – хмуро проговорила сестра Хопкинс, – думала, и трех лет не выдержу. Однако ничего – выдержала...

Они разбирали вещи старика. Дошла очередь до металлической шкатулки, полной бумаг.

– По-моему, мы должны их просмотреть, – решила Мэри.

Они сели за стол друг против друга.

– Ну ты подумай, какой хлам хранят люди! – проворчала сестра Хопкинс. – Газетные вырезки! Старые письма, какие-то ненужные квитанции!

Разворачивая очередной документ, Мэри сказала:

– А вот свидетельство о браке отца с матерью. Из церкви Сент-Олбанс, тысяча девятьсот девятнадцатый год.

– Брачная запись, это более старое название. Многие в деревне и по сей день говорят именно так, – заметила сестра Хопкинс.

– Но, сестра... – сдавленным голосом проговорила Мэри.

Собеседница резко вскинула на нее взгляд. И увидела в глазах девушки отчаяние.

– В чем дело? – быстро спросила она.

– Вы не видите? Сейчас тысяча девятьсот тридцать девятый год. Мне двадцать один год. В тысяча девятьсот девятнадцатом мне уже исполнился

один год. А это означает... означает, что мой отец и мать поженились только... только... потом, – с дрожью в голосе проговорила Мэри.

– Ну, даже если и так, что с того? Стоит ли в наше время из-за этого переживать! – грубовато утешила ее сестра Хопкинс.

– Но, сестрица, как же это...

– Многие парочки отправляются в церковь, когда им уже некуда деваться, – авторитетно заявила сестра Хопкинс. – Главное – обвенчаться. А когда – какое это имеет значение?

– Может, поэтому отец никогда меня не любил? Как вы думаете? – тихо спросила Мэри. – Потому что мать вынудила его жениться на ней?

Сестра Хопкинс прикусила губу, явно не решаясь что-то сказать. Потом все-таки решилась:

– Мне кажется, было не совсем так. – Она сделала паузу. – Ну да ладно... если тебя это очень беспокоит, то лучше, наверное, тебе знать правду: ты вовсе не дочь Джерарда.

– Значит, вот почему!

– Возможно.

На щеках Мэри вспыхнули красные пятна.

– Понимаю, что это дурно с моей стороны, но я рада! Мне всегда было как-то не по себе оттого, что я не любила отца... А раз он не был моим отцом, тогда это вполне нормально! Но как вы узнали?

– Джерард до того, как впал в беспамятство, не раз заговаривал об этом, – сказала сестра Хопкинс. – Я довольно резко его обрывала, но он все не унимался. Естественно, я не стала бы рассказывать тебе об этом, не подвернись эта бумажка.

– Интересно, кто был моим настоящим отцом... – тихо произнесла Мэри.

Сестра Хопкинс открыла было рот, потом снова его закрыла. Казалось, ей трудно принять некое решение.

Внезапно какая-то тень упала на пол комнаты, и обе женщины обернулись. За окном стояла Элинон Карлайл.

– Доброе утро, – произнесла она.

– Доброе утро, мисс Карлайл, – отозвалась сестра Хопкинс. – Денек сегодня действительно приятный!

– Доброе утро, мисс Элинон! – поздоровалась Мэри.

– Я приготовила сандвичи, – сказала Элинон. – Не хотите ли зайти ко мне и перекусить? Теперь как раз час, а возвращаться на ленч в гостиницу было бы глупо. Я специально приготовила столько, чтобы хватило на троих.

Сестра Хопкинс была приятно удивлена:

– Ах, мисс Карлайл, до чего же вы заботливы! И в самом деле, очень не хотелось бы прерывать работу, а потом снова тащиться сюда из деревни. Я-то надеялась, мы управимся здесь за утро. И даже пораньше сделала обход своих больных. Но, похоже, тут хватит хлопот на целый день.

– Спасибо, мисс Элино́р, вы очень добры! – тепло поблагодарила ее Мэри.

Они втроем пошли к дому.

Элино́р оставила парадную дверь открытой. Они вошли в прохладный холл. Мэри слегка вздрогнула. Элино́р бросила на нее быстрый взгляд.

– Что случилось?

– О, ничего... просто почему-то стало не по себе. Этот мрак... после яркого солнца.

– Странно, – тихо сказала Элино́р. – Именно это ощущение я испытала сегодня утром.

Сестра Хопкинс рассмеялась и сказала громким, бодрым голосом:

– Давайте, давайте, расскажите еще, что в доме водятся привидения. Я, например, ничего такого не чувствую!

Элино́р, улыбнувшись, повела их в гостиную, расположенную справа от входной двери. Там были подняты шторы и распахнуты окна, поэтому комната выглядела очень уютной.

Элино́р прошла через холл в буфетную и вернулась с большим блюдом с сэндвичами. Она протянула блюдо Мэри:

– Прошу.

Мэри взяла один сэндвич. Элино́р стояла и смотрела, как ровные белые зубы девушки погружаются в хлебную мякоть.

Элино́р на мгновение задержала дыхание, потом чуть слышно выдохнула.

Она так и стояла, прижимая блюдо к груди, но затем, поймав голодный взгляд сестры Хопкинс и увидев ее полуоткрытый рот, торопливо протянула блюдо ей.

Сама Элино́р тоже взяла сэндвич и сказала, как бы оправдываясь:

– Собралась приготовить кофе, но забыла купить. Правда, если хотите, есть пиво.

– Знала бы, принесла бы с собой чаю, – огорченно заметила сестра Хопкинс.

– В буфетной есть немного чая в банке, – рассеянно отозвалась Элино́р.

Сестра Хопкинс оживилась:

– Тогда я пойду поставлю чайник. Молока, наверное, нет?

– Я немного купила, – сказала Элино́р.

– Ну, значит, полный порядок, – подытожила сестра Хопкинс и поспешно вышла.

Элино́р и Мэ́ри остались одни.

И тут же возникла странная напряженность. Проведя языком по пересохшим губам, Элино́р деревянным голосом спросила, чтобы как-то начать разговор:

– Тебе... нравится тебе работа?

– Да, спасибо. Я... я очень вам благодарна...

Внезапно с губ Элино́р сорвался хриплый смешок. Этот смех так не вязался с ее обликом, что Мэ́ри уставилась на нее в изумлении.

– Тебе вовсе не стоит так пылко меня благодарить, – сказала Элино́р.

– Я не думала... то есть... – смущенно пробормотала Мэ́ри. И замолчала.

Элино́р смотрела на нее таким пытливым и таким странным взглядом, что Мэ́ри вся съежилась.

– Что-нибудь... что-нибудь не то? – осмелилась спросить она.

Элино́р быстро встала и, не глядя на девушку, спросила:

– А что может быть не то?

– Вы... так смотрели... – прошептала Мэ́ри.

– Я? Смотрела? – усмехнулась Элино́р. – Прости, пожалуйста. Такое со мной иногда случается... когда о чем-нибудь задумаюсь.

В дверь заглянула сестра Хопкинс, радостно сообщила: «Ставлю чайник» – и снова исчезла. На Элино́р вдруг напал приступ смеха.

– «Полли поставила чайник, Полли поставила чайник, Полли поставила чайник – скоро все будем пить чай!» Помнишь, как мы играли, когда были детьми?

– Конечно, помню.

– Когда мы были детьми... Как жаль, что невозможно вернуться в то время... Правда, Мэ́ри?

– А вам хотелось бы? – спросила Мэ́ри.

– Да... да... – страстно произнесла Элино́р.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Мисс Элино́р, вы не должны думать... – вдруг вспыхнув, сказала Мэ́ри и замолчала, увидев, как напряглась Элино́р, как гордо вскинула она подбородок.

– Что я не должна думать? – холодно спросила она.

– Я... я забыла, что собиралась сказать, – забормотала Мэ́ри.

Тело Элинон расслабилось, как если бы опасность миновала.

Вошла сестра Хопкинс с подносом, на котором стоял коричневый заварной чайник, три чашки и молоко.

– А вот и чай! – объявила она и тем самым, сама того не подозревая, разрядила напряженную атмосферу.

Она поставила поднос перед Элинон. Та покачала головой.

– Я не хочу. – И передвинула поднос к Мэри. Мэри наполнила две чашки.

– Чудесный крепкий чай! – удовлетворенно вздохнула сестра Хопкинс.

Элинон встала и подошла к окну.

– Вы уверены, что не хотите выпить чашечку чаю, мисс Карлайл? – настаивала сестра Хопкинс. – Это пойдет вам на пользу.

– Нет, благодарю вас, – тихо ответила та.

Сестра Хопкинс осушила свою чашку, поставила ее на блюдце и пробормотала:

– Пойду-ка выключу чайник. Я ведь снова его поставила – на случай, если мы не напьемся.

Она выскочила из комнаты. Элинон отвернулась от окна.

– Мэри... – проговорила она, и в ее изменившемся голосе прозвучала отчаянная мольба.

– Да? – быстро отозвалась Мэри.

Лицо Элинон помрачнело. Губы сжались. Выражение отчаяния стерлось, и осталась лишь маска холодного спокойствия.

– Нет, ничего, – сказала она. Тяжелая тишина повисла в комнате.

«Как все странно сегодня, – подумала Мэри. – Как будто... как будто мы чего-то ждем».

Элинон отошла от окна, взяла поднос и поставила на него пустое блюдо из-под сэндвичей.

Мэри вскочила:

– О, мисс Элинон, позвольте мне.

– Нет, не надо. Я все сделаю сама, – резко возразила Элинон.

Она вышла с подносом из комнаты. Оглянувшись через плечо, она увидела у окна Мэри Джерард, юную, полную жизни и красоты...

Сестра Хопкинс была в буфетной. Она вытирала лицо носовым платком. Услышав шаги Элинон, она резко обернулась и воскликнула:

– Какая же здесь жара!

– Да, окно выходит на юг, – машинально ответила Элинора.

Сестра Хопкинс взяла у нее поднос.

– Позвольте, я вымою, мисс Карлайл. Что-то вы не очень хорошо выглядите.

– О, со мной все в порядке, – сказала Элинора.

Она взяла кухонное полотенце.

– Я буду вытирать.

Сестра Хопкинс сняла нарукавники и наполнила тазик горячей водой из чайника.

Взглянув на ее запястье, Элинора рассеянно сказала:

– Вы укололи руку.

Сестра Хопкинс рассмеялась.

– Это о розу возле сторожки. Сейчас вытащу шип.

Роза у сторожки... Воспоминания волнами накатывали на Элинора.

Ссоры между ней и Родди – войны Алой и Белой розы^[20]. Ссоры между ней и Родди – и заключение мира. Милые, полные веселья, счастливые дни. Волна отворачивания к самой себе вдруг захлестнула ее. До чего же она теперь дошла! Эта черная бездна ненависти... зла... Она стояла, чуть покачиваясь, и думала: «Я сошла с ума, я совершенно сошла с ума».

Сестра Хопкинс смотрела на нее с любопытством. «Вид у нее был очень странный, – будет впоследствии вспоминать сестра Хопкинс. – Говорила, как если бы не понимала, что говорит, и глаза у нее были такие блестящие и... тоже странные».

Чашки и блюдца гремели в тазике. Элинора взяла со стола пустую баночку из-под паштета и положила в воду. Когда она заговорила, то сама поразилась твердости своего голоса:

– Я Наверху отложила некоторые вещи тети Лоры. Вы, наверное, сможете посоветовать, кому они могут пригодиться в деревне.

– Конечно же, – оживленно отозвалась сестра Хопкинс. – Это и миссис Паркинсон, и старая Нелли, и бедняжка, у которой не все дома, из Айви-коттеджа. Это же будет для них просто дар божий!

Они с Элинорой прибрали в буфетной. Потом вместе поднялись по лестнице.

В спальне миссис Уэлман одежда была разложена аккуратными стопками: нижнее белье, платья, несколько выходных платьев, бархатное вечернее платье, шубка из ондатры. Шубку, объяснила Элинора, она думает подарить миссис Бишоп. Сестра Хопкинс с одобрением кивнула.

Она заметила, что соболя сложены в комод.

«Собирается переделать для себя», – подумала сестра Хопкинс. Потом еще раз посмотрела на комод. Ей было интересно, нашла ли Элино́р фотографию, подписанную «Льюис», и как с ней поступила, если нашла.

«Забавно, – продолжала она размышлять, – что мы с сестрой О'Брайен, не сговариваясь, написали друг другу об одном и том же. Никогда бы не подумала, что такое может случиться. Она наткнулась на фотографию именно в тот день, когда я написала ей о миссис Слэттери».

Она помогла Элино́р рассортировать вещи, вызвалась связать их в отдельные узлы и потом проследить за их раздачей семьям нуждающихся.

– Я бы помогла вам здесь управиться, – сказала сестра Хопкинс, – а Мэри тем временем могла бы вернуться к себе и закончить с делами там. Ей осталось просмотреть бумаги в шкапулке. Кстати, а где она? Может, уже ушла в сторожку?

– Она оставалась в гостиной... – сказала Элино́р.

– Не может быть, чтобы она просидела там все это время. – Она бросила взгляд на часы. – Ого! Мы здесь, оказывается, почти целый час.

Она поспешила вниз по лестнице. Элино́р проследовала за ней.

Они вошли в гостиную.

– Ну и ну! – воскликнула сестра Хопкинс. – Да она заснула.

Мэри Джерард сидела в большом кресле у окна, чуть соскользнув с него. Станные хлюпающие звуки доносились оттуда: они срывались с губ девушки, которая еле-еле дышала.

Сестра Хопкинс подошла к ней и потрясла за плечо:

– Проснись, дорогая... – Она поспешно наклонилась и оттянула вниз веко девушки. Потом с помрачневшим лицом стала встряхивать ее за плечи.

Она повернулась к Элино́р. Что-то угрожающее прозвучало в ее голосе, когда она сказала:

– Что все это значит?

– Не понимаю, что вы имеете в виду? Она заболела? – удивилась Элино́р.

– Где телефон? Скорее вызовите сюда доктора Лорда! – потребовала сестра Хопкинс.

– Что случилось?

– Что случилось? Девочке плохо. Она умирает.

Элино́р отпрянула.

– Умирает?!

– Она отравлена... – проговорила сестра Хопкинс, и в ее взгляде Элино́р увидела тяжкое подозрение.

Часть вторая

Глава 1

Эркюль Пуаро, чуть склонив набок свою яйцеобразную голову, вопросительно приподняв брови и сложив кончики пальцев, внимательно наблюдал за молодым человеком с приятным веснушчатым лицом, который с негодующим видом энергично шагал взад-вперед по комнате.

– Eh bien, мой друг, в чем же все-таки дело? – спросил он.

Питер Лорд застыл как вкопанный.

– Мосье Пуаро, – наконец заговорил он. – Вы единственный, кто может мне помочь. Мне о вас рассказывал Стиллингфлит, я узнал от него о деле Бенедикта Морлея. Абсолютно все считали, что это самоубийство, а вы доказали, что на самом деле было убийство.

– Вы хотите сказать, что самоубийство одного из ваших пациентов выглядит сомнительным? – поинтересовался Эркюль Пуаро.

Питер Лорд замотал головой:

– Речь идет о молодой женщине. Ее арестовали и собираются судить за убийство! Но она не совершала его! И я хочу, чтобы вы нашли этому доказательства!

Брови Пуаро поползли еще выше.

– Вы и эта юная леди – вы обручены, не так ли? Вы любите друг друга? – деликатно спросил он.

Питер Лорд горько рассмеялся.

– Вовсе нет, ничего подобного! У нее плохой вкус, она предпочла длинноносого надутого осла с мордой меланхоличной лошади! Глупо с ее стороны, но ничего не поделаешь!

– Понятно! – сказал Пуаро.

– Я и не сомневаюсь, что вам все понятно. И не стоит хитрить. Я влюбился в нее с первого взгляда. И поэтому не хочу, чтобы ее повесили. Ясно?

– Какие против нее выдвинуты обвинения? – спросил Пуаро.

– Она обвиняется в убийстве девушки по имени Мэри Джерард посредством отравления ее морфином. Вы, возможно, читали материалы следствия в газетах.

– А каков мотив?

– Ревность!

– А вы полагаете, она не совершала преступления?

– Нет, конечно нет.

Некоторое время Пуаро задумчиво смотрел на него, потом спросил:

– Так чего именно вы хотите от меня? Чтобы я провел расследование этого дела?

– Я хочу, чтобы вы выручили ее.

– Я не адвокат, мой друг.

– Попробую изложить задачу яснее: я хочу, чтобы вы нашли доказательства, которые дали бы возможность адвокату защитить ее.

– Довольно любопытное требование, – заметил Пуаро.

– Потому что я не напускаю тумана, вы это имеете в виду? Так ведь все очень просто. Я хочу, чтобы эту девушку оправдали! И думаю – вы единственный человек, который способен это сделать!

– Вы желаете, чтобы я рассмотрел имеющиеся факты? Отыскал истину? И таким образом обнаружил, что же на самом деле произошло?

– Я хочу, чтобы вы отыскиали любые факты, которые помогли бы ее спасти.

Эркюль Пуаро ловко зажег тоненькую сигарету.

– Но не аморально ли то, что вы предлагаете? – спросил он. – Отыскать истину – да, это всегда важно. Но истина – обоюдоострое оружие. А вдруг я открою факты, свидетельствующие против этой леди? Вы требуете, чтобы я их утаил?

Питер Лорд поднялся со стула, побледнев как полотно.

– Это невозможно! – воскликнул он. – Ничто из того, что вы найдете, не может в большей степени свидетельствовать против нее, чем те факты, которые уже есть! Они ее обличают окончательно и бесповоротно! В газетах чего только уже не понаписали! Нет, что бы вы ни нашли, ухудшить ее нынешнее положение просто невозможно! Я прошу вас мобилизовать всю вашу изобретательность – Стиллингфлит говорил, что вы чертовски изобретательны, – и найти какую-нибудь лазейку.

– Но ведь ее поверенные наверняка это сделают? – предположил Пуаро.

– Сделают? – Молодой человек презрительно расхохотался. – Да они сдались прежде, чем ввязались в бой! Они поручили защиту королевскому адвокату Балмеру, специалисту по безнадежным делам, – что само по себе говорит о том, как они оценивают имеющиеся перспективы! Этот мастак-оратор с надрывом в голосе будет ссылаться на молодость заключенной и прочие смягчающие обстоятельства... Но судья даст ему от ворот поворот. Абсолютно точно!

– Но предположим, что она действительно виновна... вы и тогда хотели бы, чтобы ее оправдали?

– Да, – тихо произнес Питер Лорд.

Эркюль Пуаро пошевелился в кресле.

– Вы заинтересовали меня... – проговорил он и после паузы добавил: – Но, думаю, вам следует по возможности предельно точно сообщить все известные вам факты.

– Разве вы ничего не читали об этом в газетах?

Эркюль Пуаро махнул рукой.

– Так, кое-что. Но газетчики так умеют все перевернуть, что я никогда на них не полагаюсь.

– Все очень просто, – сказал Питер Лорд, – ужасно просто. Эта девушка, Элинора Карлайл, после кончины своей тетки получила в наследство поместье Хантербери-холл, расположенное неподалеку отсюда, а также крупную сумму денег. Завещания миссис Уэлман не оставила, поэтому мисс Карлайл, будучи ближайшей кровной родственницей, стала единственной ее наследницей. У миссис Уэлман есть еще племянник по мужу – некий Родерик Уэлман. Он был помолвлен с Элинорой Карлайл – они знали друг друга еще с детства. Теперь самое главное. В Хантербери жила девушка, Мэри Джерард, дочь привратника. Старая миссис Уэлман всячески с ней носилась, отдала ее в лучшую школу, наняла учителя музыки и так далее. В результате девушка стала походить на настоящую леди. Родерик Уэлман, очевидно, увлекся ею. И по этой причине его помолвка с Элинорой Карлайл была расторгнута.

Подходим к дальнейшим событиям. Элинора Карлайл объявляет о продаже поместья, и некий майор по имени Сомервел покупает его. Элинора приезжает туда, чтобы разобраться в личных вещах тетки, ну и вообще, отдать нужные распоряжения. Мэри Джерард, чей отец только что умер, тоже приехала туда из Лондона, чтобы освободить сторожку от их с отцом вещей. Итак, мы подошли к утру двадцать седьмого июля.

Элинора Карлайл остановилась в местной гостинице. На улице она встретила бывшую экономку своей тетушки миссис Бишоп. Та вызвалась пойти вместе с ней в поместье, чтобы помочь ей разобрать вещи. Элинора отказалась, причем в довольно резкой форме. Потом она зашла в бакалейную лавку, купила рыбный паштет, при этом спросила, свежий ли он, и сказала, что рыбными консервами часто травятся. Улавливаете? Совершенно невинное замечание, но потом оно, конечно же, истолковывается против нее! Она находилась в доме, а где-то около часа дня заглянула в сторожку, где Мэри Джерард вместе с районной медсестрой Хопкинс, с этой любительницей совать нос в чужие дела, тоже разбирали вещи. Элинора сказала, что приготовила сэндвичи, и пригласила их в дом.

Они пошли вместе с ней, отведали сандвичей, а примерно через час меня вызвали туда, к Мэри – она была без сознания. Я сделал все возможное, но безрезультатно. Вскрытие показало, что незадолго до смерти в ее организм ввели большую дозу морфина, а полиция нашла клочок этикетки со словами «гидрохлорид морфи...» как раз в том месте, где Элино́р готовила сандвичи.

– Что еще Мэри Джерард ела или пила?

– Они вместе с районной сестрой пили чай с сандвичами. Сестра его заваривала, а Мэри разливала в чашки. Тут едва ли что могло случиться. Конечно, я понимаю, адвокат устроит свистопляску вокруг этих сандвичей, заявит: мол, ели сандвичи все трое, и просто невозможно, чтобы отравился только кто-то один. Говорят, такое уже было в деле Хирна, вы, разумеется, помните.

Пуаро кивнул:

– Но на самом деле все очень просто. Вы готовите несколько сандвичей. В одном из них яд. Вы протягиваете блюдо. В нашем цивилизованном обществе заранее известно, что человек, которому предложат блюдо с сандвичами, возьмет тот сандвич, который ближе к нему. Предполагаю, что Элино́р Карлайл сначала протянула блюдо Мэри Джерард?

– Совершенно точно.

– Хотя в комнате находилась и сестра Хопкинс, женщина более старшая по возрасту?

– Да.

– Неприятная деталь.

– Но в действительности это не имеет значения. Не станете же вы соблюдать церемонии на пикнике.

– А кто готовил сандвичи?

– Элино́р Карлайл.

– Был ли кто-нибудь еще в доме?

– Никого.

Пуаро покачал головой.

– Очень плохо. И девушка ничего не ела и не пила, кроме сандвичей и чая?

– Ничего. Содержимое желудка при вскрытии ясно это показало.

– Итак, предполагается, что Элино́р Карлайл надеялась, что смерть девушки припишут пищевому отравлению? – продолжал рассуждать Пуаро. – Но как она собиралась объяснить тот факт, что из их компании отравился только один человек?

– Иногда такое случается, – заметил Питер Лорд. – К тому же там были две баночки с паштетом, которые внешне почти не отличались друг от друга. Можно было бы предположить, что в одной баночке был доброкачественный паштет, а весь испорченный, по случайности, достался только Мэри.

– Согласно теории вероятности, – сказал Пуаро, – чисто математически шансы у такого рода случайностей весьма невелики. Но тут возникает другой вопрос: если мисс Карлайл хотела все представить как пищевое отравление, тогда почему она не воспользовалась другим ядом? Ведь симптомы отравления морфином ни в коей мере не напоминают симптомы пищевого отравления. Тогда уж следовало воспользоваться атропином^[21].

Питер Лорд медленно проговорил:

– Да, совершенно верно. Но есть и еще кое-что. Эта проклятая Хопкинс клянется, что потеряла трубочку с морфином!

– Когда?

– Несколько недель назад, в ночь, когда умерла старая миссис Уэлман. Она уверяет, что оставила свой чемоданчик в холле в ее доме и обнаружила пропажу трубочки на следующее утро. По-моему, чушь. Скорее всего, разбила эту трубочку у себя дома, а потом забыла об этом.

– И вспомнила только после смерти Мэри Джерард?

– По правде говоря, она упомянула об этой пропаже сразу же – в разговоре с другой сестрой, дежурившей у постели больной, – с явной неохотой ответил Питер Лорд.

Эркюль Пуаро пытливо посмотрел на Питера Лорда.

– Мне кажется, *mon cher*, – мягко сказал он, – есть кое-что еще... то, о чем вы пока умолчали.

– Ну ладно, – согласился Питер Лорд, – лучше вам знать все. Испрошено разрешение на эксгумацию^[22]. Старую миссис Уэлман собираются откапывать.

– Ну и что?

– Вероятно, обнаружат то, что хотят найти, – морфин.

– Вы об этом знали?

Лицо Питера Лорда побелело под веснушками.

– Я это подозревал, – пробормотал он.

Эркюль Пуаро хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

– *Mon Dieu!*^[23] – воскликнул он. – Я не понимаю вас. Так вы знали, что она убита?

– Всемогуций Господь! – крикнул Питер Лорд. – Да нет же! Мне и в голову не приходило такое. Я думал, что она приняла его сама.

Пуаро откинулся на спинку кресла.

– Ага! Значит, вы подозревали, что...

– Разумеется! Она заговаривала со мной об этом. Не раз просила меня «прикончить» ее. Ей было невыносимо чувствовать себя беспомощной. Еще бы! Эта унижительная зависимость... когда она прикована к постели и за ней ухаживают, как за младенцем. К тому же она была очень решительная женщина.

Меня удивила ее смерть, – помолчав, продолжал он. – Я думал, она еще поживет. Я удалил сестру из спальни и провел самое тщательное обследование. Конечно, без вскрытия невозможно говорить о чем-либо с уверенностью. Да и вообще, какой в этом был смысл? Если она решила свести счеты с жизнью, то стоило ли поднимать вокруг этого шумиху? Лучше подписать свидетельство о смерти, чтобы человек мог покоиться с миром в своей могиле. К тому же я мог и ошибиться. Возможно, я напрасно умолчал о своих подозрениях. Но мне в тот момент и в голову не приходило, что старую леди могли убить. Я думал, что она сама приняла такое решение.

– Как, по-вашему, она раздобыла морфин? – спросил Пуаро.

– Не имею никакого представления. Но я же говорю: она была женщиной умной и мужественной. Ей было не занимать изобретательности.

– Не могла ли она получить морфин от сестры?

– Ни в коем случае! Вы не знаете медсестер!

– А от кого-нибудь из родных?

– Не исключено. Она могла сыграть на их чувствах.

– Вы сказали, что миссис Уэлман умерла, не оставив завещания. А если бы она прожила дольше, она бы его написала?

Питер Лорд вдруг усмехнулся.

– Вы с дьявольской точностью нащупываете самую суть! Да, она собиралась сделать завещание и очень волновалась по этому поводу. Она не могла разборчиво говорить, но сумела ясно выразить свое желание. Элинон Карлайл должна была в то утро первым делом позвонить по телефону поверенному своей тети.

– Значит, Элинон Карлайл знала, что ее тетя хочет сделать завещание? А если бы она умерла без завещания, то все наследство переходило к Элинон Карлайл?

– Она этого не знала, – поспешно заверил его Питер Лорд. – Она

понятия не имела, что ее тетя так и не составила завещания.

– Это, друг мой, она так говорит. Она могла знать.

– Послушайте, Пуаро, вы что – свидетель обвинения?

– Сейчас – да. Мне нужно знать все слабые стороны защиты. Могла ли Элино́р Карлайл взять морфин из чемоданчика?

– Да. Но с таким же успехом это мог сделать и кто-нибудь другой. Например, Родерик Уэлман. Сестра О'Брайен. Слуги, наконец.

– Или доктор Лорд?

Питер Лорд широко раскрыл глаза.

– Вполне... Но чего ради?

– Ну, скажем, из милосердия.

– Тут уж ничего не поделаешь! – покачал головой Питер Лорд. – Вам придется мне верить!

Эркюль Пуаро снова откинулся на спинку кресла.

– Давайте рассмотрим такой вариант: допустим, Элино́р Карлайл взяла морфин из этого саквояжа и дала своей тетушке. В доме кто-нибудь знал о пропаже морфина?

– Кроме двух медсестер – никто.

– Как, по вашему мнению, будет действовать прокурор? – спросил Пуаро.

– Вы имеете в виду, в случае, если в теле миссис Уэлман обнаружат морфин?

– Да.

Питер Лорд мрачно проговорил:

– Даже если с нее снимут обвинение в убийстве Мэри Джерард, она будет вновь арестована – теперь уже по подозрению в убийстве тети.

– Но мотивы разные: в случае с миссис Уэлман мотивом была бы *выгода*, а в случае с Мэри Джерард – *ревность*, – задумчиво сказал Пуаро.

– Верно.

– Какую линию предполагает избрать защита? – продолжал Пуаро.

– Балмер собирается сделать упор на отсутствие мотива. Он будет развивать версию, что помолвка Элино́р с Родериком была чисто семейным делом, затеянным исключительно для того, чтобы угодить миссис Уэлман, и как только тетя умерла, Элино́р ее расторгла по собственному желанию. Родерик Уэлман даст показания в пользу этой версии. И, по-моему, он почти верит в нее!

– Верит в то, что Элино́р не испытывала к нему большой любви?

– Да.

– В таком случае, – заметил Пуаро, – у нее не было причины убивать

Мэри Джерард.

– Совершенно точно.

– Но тогда кто же убил Мэри Джерард?

– Вот именно.

– C'est difficile, – покачал головой Пуаро.

– В том-то вся и штука! – с яростью воскликнул Питер Лорд. – Если не она, то кто? Взять хотя бы чай, но его пили и Мэри, и сестра Хопкинс. Защита постарается представить дело так, что Мэри Джерард приняла морфин сама, когда две другие женщины вышли из комнаты, то есть, по сути дела, совершила самоубийство.

– Но какая у нее могла быть для этого причина?

– Абсолютно никакой.

– Может, у нее была склонность к самоубийству?

– Нет.

– Что же она собой представляла, эта Мэри Джерард?

Питер Лорд задумался.

– Она была... милый ребенок. Да, это самое подходящее определение – милое дитя.

Вздыхнув, Пуаро пробормотал:

– Выходит, этот Родерик Уэлман влюбился в нее, потому что она была милым ребенком?

– Понимаю, что вы имеете в виду, – улыбнулся Питер Лорд. – Да, она действительно была очень хороша собой.

– А что испытывали вы? У вас не было к ней никакого чувства?

Питер Лорд удивленно уставился на него.

– Господи, да нет же!

После некоторого размышления Пуаро спросил:

– Родерик Уэлман утверждает, что между ним и Элинор Карлайл существует некоторая симпатия, но ничего серьезного. Это соответствует, по-вашему, действительности?

– Откуда мне это знать, черт побери!

Пуаро покачал головой.

– В начале нашего разговора, войдя в эту комнату, вы заявили, что у Элинор Карлайл плохой вкус, ибо она влюбилась в длинноносового надутого осла. Я полагаю, что этими словами вы описали Родерика Уэлмана. Так что, согласно вашему собственному утверждению, она его любит.

В отчаянии Питер Лорд воскликнул:

– Да, черт возьми, она любит его! Любит до безумия!

– Значит, мотив был... – проговорил Пуаро.

Питер Лорд резко повернулся к нему, лицо его полыхало гневом.

– Ну и что? Да, она могла совершить преступление! *Меня это не волнует, пусть это даже правда!*

– Вот оно что! – бросил Пуаро.

– Но я не хочу, чтобы ее повесили! Вам ясно? Она могла быть доведена до отчаяния. Любовь может довести до крайней точки, она может сломать человека. Она может превратить ничтожество в отличного парня и, наоборот, достойного, сильного человека сделать подонком. Допустим, она совершила преступление. Но неужели у вас нет ни капли жалости?

– Я не одобряю убийства, – произнес Пуаро.

Питер Лорд пристально посмотрел на него, отвел взгляд, снова посмотрел и вдруг расхохотался.

– И это все, что вы смогли сказать, – да еще с таким апломбом! Да кто вас просит одобрять убийство? Я вовсе не требую, чтобы вы лгали! Истина есть истина, не так ли? И если вы обнаружите какие-либо факты, говорящие в пользу обвиняемого, вы же не станете их утаивать только потому, что он виновен, а?

– Конечно, не стану.

– Тогда, черт побери, почему же вы не можете сделать то, о чем я прошу?

– Друг мой, я готов сделать это...

Глава 2

Питер Лорд внимательно на него посмотрел, вынул носовой платок, вытер лицо и плюхнулся в кресло.

– У-уф! – вырвалось у него. – Ну и напугали же вы меня! Никак не мог понять, куда вы клоните.

– Я выяснял обстоятельства дела, говорящие против Элинон Карлайл. Теперь они мне известны. В организм Мэри Джерард попал морфин, и, насколько я могу судить, он должен был находиться в сандвичах. Сандвичи делала сама Элинон Карлайл, никто к ним больше не прикасался. У нее был мотив для убийства Мэри Джерард, и, по вашему мнению, она могла пойти на убийство. По всей вероятности, она и убила Мэри Джерард. Не вижу причин в этом сомневаться.

Но это, топ аті, лишь одна сторона проблемы. Теперь перейдем к другой. Выбросим из головы все эти соображения и взглянем на дело под другим углом зрения: если Элинон Карлайл не убивала Мэри Джерард, то кто это сделал? Или, может быть, она покончила с собой?

Питер Лорд выпрямился в кресле. Его лоб перерезала морщинка.

– Вы только что выразились не совсем точно, – заметил он.

– Я? Выразился неточно? – Эркюль Пуаро был оскорблен.

– Да, – настаивал Питер Лорд. – Вы сказали, что никто, кроме Элинон Карлайл, не прикасался к этим сандвичам. Вы этого не знаете.

– Но в доме больше никого не было.

– Насколько мне известно. Но вы не учитываете один короткий промежуток времени, когда Элинон выходила из дома и когда она отправилась в сторожку. В это время блюдо с приготовленными ею сандвичами стояло в буфетной, и кто-то мог-таки к ним прикоснуться.

Пуаро глубоко вздохнул.

– Вы правы, мой друг. Не могу этого не признать. Действительно, был промежуток времени, когда у кого-то мог быть доступ к сандвичам. Мы должны постараться представить себе, кто бы это мог быть. Точнее говоря, что это был за человек... – Он помолчал. – Давайте будем отталкиваться от личности самой Мэри Джерард. Предположим, что не Элинон Карлайл, а кто-то другой желает ей смерти. Почему? Кому-нибудь выгодна ее смерть? Было ли у нее наследство?

Питер Лорд покачал головой.

– Только не сейчас. Через месяц она получила бы две тысячи фунтов,

которые Элинон Карлайл ей выделила – поскольку считала, что таким образом выполняет обещание, данное тетушке: позаботиться о Мэри. Однако формальности, связанные с наследством старой леди, еще не улажены.

– Значит, мотив, касающийся денег, мы можем отбросить, – сказал Пуаро. – Вы говорите, она была красива. Это всегда создает дополнительные осложнения. У нее были поклонники?

– Возможно. Но мне это неизвестно.

– А кто мог бы знать?

Питер Лорд усмехнулся.

– Лучше всего спросить об этом у сестры Хопкинс. Она наш деревенский глашатай. Она знает обо всем, что происходит в Мейденсфорде.

– Я как раз хотел попросить вас поподробнее рассказать об этих двух медсестрах.

– Ну что ж. О'Брайен. Ирландка, хорошая опытная медсестра, несколько глуповата, может быть язвительной, немного привирает, но не из каких-то корыстных соображений, а так, для красного словца.

Пуаро кивнул.

– Хопкинс – сообразительная, практичная женщина средних лет, довольно добродушная, ловкая, но слишком любит совать свой нос в чужие дела!

– Если бы в этой истории был замешан какой-то местный молодой человек, сестра Хопкинс знала бы об этом?

– А то как же! – воскликнул доктор Лорд, но тут же, подумав, добавил: – И все же это маловероятно. Мэри долго не было дома. Она провела два года в Германии.

– Ей исполнился двадцать один год?

– Да.

– Может, было что-то, связанное с ее пребыванием в Германии?

Лицо Питера Лорда просияло. Он ухватился за эту мысль.

– Вы имеете в виду, что это мог сделать какой-нибудь немецкий парень? Мог последовать за ней сюда? Выждал время и наконец свел с ней счеты?

– Звучит несколько мелодраматично, – с сомнением произнес Пуаро.

– Но ведь такое в принципе возможно?

– Возможно... хотя и не очень.

– А почему бы нет, – возразил Питер Лорд. – Кто-нибудь мог здорово в нее втюриться. А потом она его отвергла, и он рассвирепел. И решил, что с

ним поступили нечестно. По-моему, это мысль.

– Да, это мысль, – проговорил Пуаро без всякого энтузиазма.

– Продолжайте, мосье Пуаро, – умоляюще сказал Питер Лорд.

– Вы, как я вижу, ожидаете, что я, как фокусник, буду извлекать кролика за кроликом из пустой шляпы.

– Можете считать и так, если вам нравится.

– Имеет право на существование и другая версия, – сказал Пуаро.

– Валяйте.

– Кто-то вытащил трубочку с таблетками морфина из саквояжа сестры Хопкинс в тот июньский вечер. Предположим, Мэри Джерард видела того, кто это сделал.

– Она сообщила бы об этом.

– Нет-нет, *mon cher*. Давайте рассуждать логически. Если бы Элинор Карлайл, или Родерик Уэлман, или сестра О'Брайен, или даже кто-нибудь из слуг открыл саквояж и достал оттуда маленькую стеклянную трубочку, что могло прийти в голову любому из наблюдавших эту сцену? Просто что этот человек по просьбе медсестры пришел, чтобы взять что-то для нее из саквояжа. Этот эпизод Мэри Джерард могла забыть. Однако впоследствии она могла случайно вспомнить о нем и упомянуть в разговоре с этим самым человеком – причем без всякой задней мысли, ничего не подозревая. Но представьте, что почувствовал бы при этом случайном упоминании убийца миссис Уэлман: «Мэри все видела, любой ценой надо заставить ее молчать!» Уверяю вас, мой друг – тот, кому однажды удалось безнаказанно совершить убийство, ни в коем случае не остановится перед вторым!

Питер Лорд нахмурился.

– Я все время считал, что миссис Уэлман сама приняла морфин...

– Но ведь она была парализована... беспомощна... с ней только что случился второй удар...

– Понятно. Но я предполагал, что, раздобыв каким-то образом морфин, она держала его у себя под рукой.

– Но в таком случае она должна была бы запастись морфином до того, как ее сразил второй удар, а сестра обнаружила пропажу только после второго удара.

– Хопкинс могла хватиться лекарства в то утро, хотя на самом деле оно пропало на пару дней раньше, просто она этого сразу не заметила.

– А каким образом могла старая леди получить морфин?

– Не знаю. Может, подкупила кого-нибудь из слуг. Если так, то этот слуга никогда не признается.

– Вы не думаете, что она могла подкупить одну из сестер?

Лорд покачал головой.

– Ни в коем случае! Они строжайшим образом соблюдают профессиональную этику и ни за что не рискнули бы на такое пойти. Они же знают, чем это грозит.

– Пожалуй, так, – произнес Пуаро и задумчиво добавил: – Похоже, придется вернуться к нашим исходным позициям. Кто, скорее всего, мог взять трубочку с морфином? Элинон Карлайл. Мы можем предположить, что она хотела гарантировать себе получение всего наследства. Или – если будем более великодушными – объяснить ее поступок чувством жалости, что она отдала морфин самой тете, поскольку та часто ее просила об этом. Мэри Джерард видит, как Элинон достает морфин из саквояжа. И таким образом, мы возвращаемся к злополучным сэндвичам, пустому дому и опять-таки к Элинон Карлайл, но на этот раз у нее другой мотив – она спасается от виселицы!

– Но это все чистейшей воды фантазии! – воскликнул Питер Лорд. – Говорю вам: не такой она человек! Деньги ничего не значат для нее, да и для Родерика Уэлмана тоже. Я не раз слышал, как они говорили об этом.

– Вы это слышали? Весьма интересно. К такого рода заявлениям я всегда отношусь весьма скептически.

– Черт возьми, Пуаро! – возмутился Питер Лорд. – Вы так все переворачиваете вверх дном, что мы опять возвращаемся к мисс Элинон.

– Это не я переворачиваю факты, они переворачиваются сами по себе. Это как стрелка на ярмарочной рулетке. Она вращается по кругу, а когда останавливается, указывает все время на одно имя: Элинон Карлайл.

– Нет! – возмутился Питер Лорд.

Печально покачав головой, Эркюль Пуаро проговорил:

– Есть ли у Элинон Карлайл какие-либо родственники? Сестры, братья? Отец или мать?

– Никого. Она сирота... одна на всем белом свете...

– Звучит очень трогательно. Балмер, я думаю, постарается хорошенько обыграть этот факт. Ну и кто же тогда унаследует ее деньги, если она умрет?

– Не знаю. Как-то не думал.

– О таких вещах всегда следует думать, – укоризненно сказал Пуаро. – Написала ли она, например, завещание?

Питер Лорд вспыхнул, потом неуверенно сказал:

– Я... я не знаю.

Эркюль Пуаро поднял глаза к потолку, соединив кончики пальцев:

– Было бы очень хорошо, если бы вы рассказали мне все.

– Рассказать вам... о чем?

– Обо всем, что держите в своей голове... как бы это ни дискредитировало Элинон Карлайл.

– Но откуда вы знаете, что я...

– Да-да, я знаю. Есть нечто... какой-то эпизод, который вы пытаетесь скрыть. Но лучше бы вам выложить все без утайки. Иначе я могу вообразить нечто более худшее, чем то, что произошло в действительности!

– Да нет, это сущий пустяк...

– Ну что ж, пусть даже и пустяк. Но я хотел бы услышать, в чем он заключается.

Питер Лорд неохотно рассказал о том, как Элинон заглянула в окно к сестре Хопкинс и расхохоталась. Пуаро задумчиво проговорил:

– Итак, она сказала: *«Так ты составляешь завещание, Мэри? Это смешно, это очень смешно»*. И вам стало ясно, что было у нее на уме... Возможно, она подумала, что Мэри Джерард недолго осталось жить...

– Это мои предположения. Но я ничего не знаю, – сказал Питер Лорд.

– Нет, это не просто предположения... – заметил Пуаро.

Глава 3

Эркюль Пуаро сидел в коттедже сестры Хопкинс.

Его сюда привел доктор Лорд, представил хозяйке и, повинувшись взгляду Пуаро, оставил их наедине.

Сестра Хопкинс, поначалу поглядывавшая с недоверием – ведь иностранец! – быстро стала оттаивать.

С несколько мрачным удовольствием она изрекла:

– Да, ужасный случай. Страшнее и не припомню. Мэри была такой красавицей! Могла бы в кино сниматься! А уж какая скромная, спокойная, совсем не задавалась, хотя могла бы – ведь ей оказывали такое внимание!

– Вы имеете в виду внимание, которое ей уделяла миссис Уэлман?

– Да-да. Старая леди была ужасно привязана к ней, правда, необыкновенно привязана.

– Странно, не так ли? – пробормотал Пуаро.

– Как сказать. Может, совсем и не странно. Я имею в виду... – Сестра Хопкинс закусила губу и почему-то смутилась. – Я имею в виду, Мэри очень располагала к себе людей: милый, нежный голос, приятные манеры. Старики вообще любят видеть рядом с собой молодые лица.

– Мисс Карлайл ведь навещала время от времени свою тетю? – поинтересовался Пуаро.

– Мисс Карлайл приезжала, когда ей было удобно, – резко ответила сестра Хопкинс.

– Вы не любите мисс Карлайл, – тихо проговорил Пуаро.

– Еще не хватало! – взорвалась сестра Хопкинс. – Отравительница! Бессердечная отравительница!

– О, я вижу, вы уже сделали свои выводы.

– О чем это вы? Какие я сделала выводы? – насторожилась Хопкинс.

– А вы уверены, что это именно она дала Мэри Джерард морфин?

– А кто же еще? Уж не считаете ли вы, что это сделала я?

– Ни в коем случае. Но ведь и вина мисс Карлайл еще не доказана.

– Да точно она, не сомневайтесь, – с холодной уверенностью возразила сестра Хопкинс. – Это было написано на ее лице. Она вообще как-то странно себя вела. Увела меня наверх в свою комнату и долго морочила голову всякими разговорами – явно старалась потянуть время. А потом, когда я увидела, что Мэри почти уж и не дышит, я сразу ей в лицо посмотрела и все поняла!

– Да, получается, что вроде бы больше некому, – задумчиво произнес Эркюль Пуаро. – Если, разумеется, это не она сама.

– Что значит «она сама»? Вы хотите сказать, что Мэри покончила жизнь самоубийством? Сроду не слыхивала подобной чепухи!

– Напрасно вы так категоричны, – возразил Пуаро. – Сердце юной девушки так ранимо, так нежно. – Он помолчал, что-то обдумывая. – Полагаю, это вполне допустимое предположение. Ведь она могла незаметно от вас положить что-нибудь себе в чай?

– То есть себе в чашку, вы это имеете в виду?

– Да. Вы же не наблюдали за ней непрерывно.

– Я не следила за ней, нет. Думаю, она могла... Но все это чушь! Чего ради она бы захотела сотворить такое?

Эркюль Пуаро покачал головой в своей обычной манере.

– Сердце молодой девушки... Я уже говорил... так ранимо... Несчастливая любовь, быть может...

Сестра Хопкинс хмыкнула.

– Девушки не убивают себя из-за любовных историй – по крайней мере, пока не окажутся в интересном положении. Но Мэри была не из таких! За это я ручаюсь! – Она бросила на Пуаро воинственный взгляд.

– И она не была влюблена?

– Ее не занимали все эти глупости. Она была увлечена своей работой и радовалась жизни.

– Но у нее же наверняка были поклонники, раз она была так привлекательна.

– Она была не из тех гулен, у которых на уме одни танцульки да мужчины. Она была скромной девушкой! – заявила сестра Хопкинс.

– Но были же в деревне молодые люди, которые ею восхищались.

– Да, конечно. Например, Тэд Бигланд.

Пуаро начал вытягивать из нее различные подробности, относящиеся к Тэду Бигланду.

– Он был по уши влюблен в Мэри, – сказала сестра Хопкинс. – Но он же мизинца ее не стоил! Я так ей об этом и сказала.

– Он, наверное, здорово разозлился, когда она не захотела с ним встречаться?

– Да, он был очень огорчен, – согласилась сестра Хопкинс, – и считал, что это из-за меня.

– То есть винил вас?

– Ну да, так и говорил. А уж кому как не мне, было дать ей дельный совет. Я все-таки кое-что знаю о жизни. Я не хотела, чтобы девушка

растрачивала свою молодость впустую.

Пуаро мягко спросил:

– Что побуждало вас принимать столь большое участие в ее судьбе?

– Ну, я не знаю... – Сестра Хопкинс смущенно умолкла, словно вдруг устыдилась. – В Мэри было что-то... ну... романтическое.

– В ней, может, и было, но не в ее жизни, – пробормотал Эркюль Пуаро. – Она ведь была дочерью привратника, не так ли?

– Да-да, конечно, – сказала сестра Хопкинс. – Хотя на самом-то деле...

– Сестра Хопкинс замялась, взглянула на Пуаро, сочувственно ей внимавшего. И вдруг в порыве доверия добавила: – Мэри вообще не была дочерью старого Джерарда. Он сам мне признался. Ее отцом был какой-то джентльмен.

– Понимаю... – тихо сказал Пуаро. – А ее мать?

Сестра Хопкинс замялась, прикусив губу, потом все-таки ответила:

– Ее мать была горничной старой миссис Уэлман. Она вышла замуж за Джерарда после рождения Мэри.

– Ну тогда вы правы – романтики хоть отбавляй... сплошная таинственность.

Сестра Хопкинс тут же просияла.

– Ведь правда? Это так интересно – знать о ком-либо то, что всем остальным неизвестно. Я сама совершенно случайно об этом узнала. По правде говоря, это все благодаря сестре О'Брайен, но это уже другая история. Но, как вы говорите, знать прошлое очень важно. Как много трагедий сокрыто от наших глаз! Сколько в мире бед и печалей!

Пуаро вздохнул и покачал головой.

– Но мне, наверное, не следовало говорить об этом, – вдруг встревожилась сестра Хопкинс. – Не хотелось бы, чтобы это стало кому-нибудь известно. В конце концов, это не имеет никакого отношения к делу. Для всех Мэри – дочь Джерарда, и пусть так оно и останется. Еще не хватало опорочить ее перед всем светом после смерти! Джерард женился на ее матери, вот и ладно.

– Но, быть может, вы знаете, кто был ее настоящим отцом? – тихо спросил Пуаро.

Сестра Хопкинс ответила неохотно:

– Ну, может, знаю, а может, и нет. Точнее сказать, я ничего не знаю. Я могу только догадываться. Как говорится, у старых грехов – длинные тени. Но я умею держать язык за зубами и не скажу больше ни слова!

Пуаро мудро отступил с завоеванных позиций и попытался атаковать собеседницу с другого фланга:

– Есть кое-что еще... весьма деликатная тема. Но я уверен, что могу положиться на вашу скромность.

Сестра Хопкинс гордо вскинула подбородок. Ее грубоватое лицо расплылось в улыбке.

– Я говорю о мистере Родерике Уэлмане. Он был, как я слышал, влюблен в Мэри Джерард.

– Сражен наповал! – воскликнула сестра Хопкинс.

– Хотя и был обручен с мисс Карлайл?

– По правде говоря, он никогда по-настоящему не любил мисс Карлайл. Во всяком случае, так, как я понимаю смысл этого слова.

Предпочтя более старомодное выражение, Пуаро поинтересовался:

– А Мэри Джерард... э... поощряла его ухаживания?

– Она вела себя достойно. Никто не мог бы упрекнуть ее в том, что она его обольщала, – резко сказала сестра Хопкинс.

– А она была в него влюблена? – спросил Пуаро.

– Нет! – коротко отрезала сестра Хопкинс.

– Но он ей нравился?

– О да, он ей нравился.

– И, как я полагаю, со временем это могло перерасти во что-то большее?

– Могло быть и так, – согласилась сестра Хопкинс. – Но Мэри не стала бы ничего делать, не подумав. Она ему сказала еще здесь, что он не должен говорить ей о своей любви – ведь он помолвлен с мисс Карлайл. И когда он приходил к ней в Лондоне, она ответила ему то же самое.

С явной заинтересованностью Пуаро спросил:

– А что вы сами думаете о мистере Родерике Уэлмане?

– Довольно симпатичный молодой человек, хотя и нервный. Похоже, в будущем у него может появиться диспепсия^[24]. С этими неврастениками частенько такое случается.

– Он очень любил свою тетушку?

– Думаю, да.

– Много ли он проводил с ней времени, когда ее самочувствие резко ухудшилось?

– Вы имеете в виду, когда с ней случился второй удар? В тот вечер перед ее смертью, когда они приехали? По-моему он вообще не заходил к ней в комнату!

– Неужели?

– Она его и не звала. Но, разумеется, ни у кого у нас и в мыслях не было, что ее конец совсем близок. Среди мужчин немало таких, как он:

бояться зайти в комнату к больному человеку. Ничего не могут с этим поделать. И это вовсе не бессердечность. Просто не хотят расстраиваться.

Пуаро понимающе кивнул. Потом спросил:

– А вы уверены, что мистер Уэлман не заходил в комнату своей тетушки незадолго до ее смерти?

– Уверена. По крайней мере во время моего дежурства. Сестра О'Брайен сменила меня в три часа ночи, возможно, она и посылала за ним перед ее кончиной, но мне она, во всяком случае, и словом об этом не обмолвилась.

– А не мог он заглянуть к ней в ваше отсутствие? – предположил Пуаро.

Сестра Хопкинс тут же оборвала его:

– Я не оставляю своих пациентов без присмотра, мосье Пуаро.

– Тысяча извинений. Я не это имел в виду. Я подумал, вы могли выйти за горячей водой или спуститься вниз за нужным лекарством.

Смягчившись, сестра Хопкинс сказала:

– Я действительно спускалась вниз, чтобы сменить воду в грелках. Я знала, что на кухне всегда есть чайник с горячей водой.

– Вы долго отсутствовали?

– Минут пять.

– Но, возможно, именно в это время мистер Уэлман заходил в комнату тети?

– Но тогда он должен был тут же от нее сбежать.

Пуаро вздохнул:

– Ваша правда: мужчины страшно боятся сталкиваться с болезнью. Женщины – вот кто наши ангелы-хранители. Что бы мы без них делали? Особенно без представительниц вашей благородной профессии.

Сестра Хопкинс слегка порозовела от смущения.

– Вы очень любезны. Я никогда об этом не задумывалась. У медсестер такая тяжелая работа, что как-то даже и не вспоминаешь о том, что делаешь благородное дело.

– Вам больше нечего сказать мне о Мэри Джерард? – спросил Пуаро.

Последовала довольно продолжительная пауза.

– Нечего. Я больше ничего не знаю.

– Вы совершенно в этом уверены?

– Вы не понимаете... Я любила Мэри, – вдруг с жаром выпалила сиделка.

– И вам нечего сказать?

– Да! Больше нечего!

Глава 4

В присутствии величественной, затянутой в черное миссис Бишоп Эркюль Пуаро стал вдруг робким и незаметным.

Завоевать доверие миссис Бишоп была задача не из легких. Воспитанная в старых традициях, она порядком недолюбливала иностранцев. А Эркюль Пуаро был просто вопиющим иностранцем. От ее ответов веяло ледяным холодом, а во взгляде сквозило неодобрение и недоверие.

То обстоятельство, что его представил доктор Лорд, ничуть не смягчило суровость этой дамы.

– Разумеется, – заметила она, когда доктор Лорд ушел, – доктор Лорд – весьма одаренный врач, и у него доброе сердце. Но доктор Рэнсом, его предшественник, прожил здесь столько лет!

Из чего следовало, что доктор Рэнсом вполне соответствовал требованиям местного общества, и ему можно было доверять. А у доктора Лорда, еще весьма молодого человека, чужака, занявшего место доктора Рэнсома, было одно-единственное достоинство – «одаренный» врач.

Судя по тому, как это было сказано, для миссис Бишоп одной одаренности было явно недостаточно!

Эркюль Пуаро пустил в ход все свое красноречие, всю свою находчивость, обаяние, но, увы, миссис Бишоп оставалась холодна и непреклонна.

Смерть миссис Уэлман очень, очень опечалила ее. Покойную так уважали во всей округе. Арест мисс Карлайл был, по мнению миссис Бишоп, «просто позорным!» и явился результатом «этих новомодных методов работы полиции». Относительно смерти Мэри Джерард она не могла сказать ничего определенного. «Ничего не могу сказать наверняка» – вот, в сущности, все, что от нее удалось добиться.

Эркюль Пуаро разыграл свою последнюю карту. С простодушной гордостью он сообщил о своем недавнем посещении Сандрингема^[25], горячо восторгаясь очаровательной простотой и сердечностью королевского семейства.

Миссис Бишоп, которая по «Придворному циркуляру»^[26] неукоснительно следила за жизнью высочайших особ, была покорена. Если даже Они, Их Королевские Величества, пригласили мосье Пуаро... Это, естественно, в корне все меняет. Пусть он даже и иностранец, но кто такая

она, Эмма Бишоп, чтобы давать ему от ворот поворот, если Само Королевское Семейство распахивает перед ним двери?

Вскоре они с мосье Пуаро погрузились в приятную беседу на поистине захватывающую тему – обсуждали наиболее подходящего кандидата в супруги принцессы Елизаветы.

Наконец, когда все вероятные кандидаты были оценены как Не Вполне Достойные, они переключились на менее возвышенные темы.

– Женитьба, увы, чревата опасностями и ловушками! – назидательно изрек Пуаро.

– Да, действительно. А эти разводы! – с брезгливой гримаской воскликнула миссис Бишоп, словно речь шла о какой-нибудь заразной болезни вроде ветрянки.

– Полагаю, миссис Уэлман желала видеть свою племянницу хорошо устроенной? Чтобы, как говорится, спокойно умереть.

– Да, это так, – кивнула миссис Бишоп. – Помолвка мисс Элинон с мистером Родериком была для нее большим утешением. Она всегда очень надеялась, что это свершится.

– А не была ли их помолвка вызвана – в какой-то мере – желанием сделать приятное тетушке? – рискнул спросить Пуаро.

– Что вы, мистер Пуаро, я бы так не сказала. Мисс Элинон всегда любила мистера Родди, еще с той поры, когда была крохотной симпатичной малышкой. Мисс Элинон – чрезвычайно цельная и преданная натура.

– А он?

– И мистер Родерик был предан мисс Элинон, – строго сказала миссис Бишоп.

– Однако помолвка, кажется, была расторгнута?

Лицо миссис Бишоп запылало от гнева.

– Исключительно из-за коварства одной змеи, которую тут пригрили! – заявила она.

Изобразив невероятное потрясение, Пуаро воскликнул:

– Да что вы говорите!

Миссис Бишоп, еще больше краснея, пояснила:

– Я знаю, мистер Пуаро, что не принято дурно говорить о покойных. Но эта молодая женщина втайне творила неблаговидные дела.

Пуаро задумчиво посмотрел на нее и потом сказал с самым простодушным видом:

– Признаться, вы меня очень удивили! У меня сложилось впечатление, что она была очень простой, скромной девушкой.

Подбородок миссис Бишоп слегка задрожал:

– Она была очень хитрой, мистер Пуаро. И люди попадались в ее силки. Сестра Хопкинс, например! Да и моя бедная милая хозяйка тоже!

Пуаро сочувственно покивал головой и поцокал языком.

– Вот так-то! – воскликнула миссис Бишоп, подстегнутая его сочувствием. – Она быстро стала сдавать, моя бедняжка, и эта молодая особа втерлась к ней в доверие. Уж она-то своей выгоды не упустила бы! Все вертелась рядом, читала ей книжки, приносила букетики цветов. Все время только и слышалось: «Мэри то», «Мэри это», «Где Мэри?» А сколько денег на нее тратила! Дорогие школы, потом учеба за границей – и все это для дочери жалкого старикашки Джерарда! Уверяю вас, ему это тоже было не по вкусу! Он часто жаловался на ее высокомерные замашки. Вискочка, вот кто она была!

– Вот так так! – вновь сочувственно покачал головой Пуаро.

– А уж как она опутывала мистера Родди! А он, простая душа, попался на ее удочку. Мисс Элинора, этой благовоспитанной молодой леди, конечно, и в голову не могло прийти, что творится за ее спиной. Но мужчины все одинаковы: их ничего не стоит поймать на лесть и смазливую мордашку.

Пуаро вздохнул.

– У нее, наверное, были поклонники и из ее собственной среды?

– Разумеется, были. Например, Тэд, сын Руфеуса Бигланда, симпатичный парень, таких поискать. Но нет, наша благородная леди слишком для него хороша! Тошно было смотреть на это ее жеманство!

– Неужели его не задевало ее пренебрежение? – спросил Пуаро.

– Еще как задевало. Он ее упрекал в том, что она строит куры мистеру Родди. Это я точно знаю. Я не виню бедного юношу – он так переживал!

– Я тоже ему сочувствую, – поддержал ее Пуаро. – Вы чрезвычайно меня порадовали, миссис Бишоп. Некоторые люди обладают искусством в нескольких словах дать ясную и четкую характеристику. Это великий дар! Теперь наконец я получил точный портрет Мэри Джерард.

– Я вовсе не собиралась в чем-то ее упрекать, – подчеркнула миссис Бишоп. – Как можно! Ведь она умерла. Но совершенно очевидно, что именно она явилась причиной многих бед!

– Интересно, чем бы это кончилось? – тихо проговорил Пуаро.

– Вот и я говорю! – воскликнула миссис Бишоп. – Поверьте, мистер Пуаро... если бы моя дорогая госпожа не умерла тогда... Да, это меня ужасно потрясло, но теперь я вижу – то было... милосердие Всевышнего. А сложись все иначе, я даже представить не могу, чем это могло кончиться!

– Что вы имеете в виду? – спросил Пуаро, вызывая ее на дальнейшие откровения.

Миссис Бишоп со скорбной миной продолжила:

– Мне приходилось сталкиваться с подобными случаями. Свидетельницей одного была моя собственная сестра – она служила у этих людей... Это когда умер старый полковник Рэндолф и оставил все до последнего пенни не своей бедняжке жене, а особе сомнительного поведения, проживавшей в Нотбурне. И еще мне рассказывали про старую миссис Дейкрес: она оставила все церковному органисту, патлатому юнцу, хотя у нее имелись собственные дети, уже жившие своими семьями.

– Если я правильно понял, вы полагаете, что миссис Уэлман могла оставить все свои деньги Мэри Джерард?

– Меня бы это нисколько не удивило, – сказала миссис Бишоп. – Не сомневаюсь, что эта юная особа только этого и добивалась. А если я отваживалась сказать хоть слово, миссис Уэлман была готова снести с меня голову, хотя я прослужила у нее почти двадцать лет. Сколько же в этом мире неблагодарности, мистер Пуаро! Стараешься честно исполнять свой долг – и вот награда!

– Увы, – вздохнул Пуаро. – Но так уж устроен мир!

– Однако порок не всегда торжествует, – заметила миссис Бишоп.

– Вы правы. Мэри Джерард умерла, – согласился Пуаро.

– Ей воздано по заслугам, и не нам ее судить, – сказала в утешение миссис Бишоп.

– Обстоятельства ее смерти пока совершенно необъяснимы, – произнес в раздумье Пуаро.

– Это полиция с ее новомодными идеями! – сказала миссис Бишоп. – Ну разве могла такая благовоспитанная, милая молодая леди из хорошей семьи, как мисс Элинон, кого-нибудь отравить? Старались и меня впутать в это дело, поскольку я говорила, будто она немного странно себя вела!

– А она действительно странно себя вела?

– Ну и что? – спросила миссис Бишоп, и ее бюст заколыхался от негодования. – Мисс Элинон – юная, впечатлительная девушка. Она хотела разобраться в вещах покойной тети, а это всегда так тяжело...

Пуаро понимающе кивнул.

– Ей, вероятно, было бы много легче, если бы вы помогли ей.

– Я хотела, мистер Пуаро, но она наотрез отказалась от моих услуг. О, мисс Элинон всегда была очень сдержанной и гордой. Теперь я сожалею, что не пошла с ней.

– А у вас не возникло желания последовать за ней в дом? – тихо спросил Пуаро.

Миссис Бишоп надменно откинула голову.

– Я не хожу туда, куда меня не приглашают, мистер Пуаро.

Пуаро выглядел смущенным.

– К тому же, – пробормотал он, – вас, несомненно, в то утро ждали неотложные дела.

– Насколько я помню, был очень жаркий день. Стояла жуткая духота. – Она вздохнула. – Я прошлась до кладбища, чтобы положить цветы на могилу миссис Уэлман, как дань уважения, и довольно долго оставалась там. Я просто изнемогала от жары и даже опоздала домой к ленчу. Моя сестра ужасно расстроилась, увидев, в каком я состоянии. Она сказала, что мне ни в коем случае не следовало в такую жару идти на кладбище.

Пуаро взглянул на нее с восхищением.

– Завидую вам, миссис Бишоп. Как, должно быть, приятно сознавать, что не в чем себя упрекнуть перед покойной! Представляю, как терзался Родерик Уэлман из-за того, что не зашел в тот вечер к своей тетушке. Хотя, естественно, он не мог знать, что она внезапно умрет.

– О, тут вы ошибаетесь, мистер Пуаро, – возразила собеседница. – Могу вам точно сказать, что мистер Родди заходил в комнату к тетушке. Я как раз находилась на лестничной площадке. Дело в том, что я услышала, как сестра спускалась по лестнице, и решила на всякий случай зайти к госпоже и посмотреть, не нужно ли ей чего-нибудь. Вы ведь знаете, каковы эти сестры: им главное посплетничать со служанками или же то и дело донимать их своими просьбами. Не то чтобы сестра Хопкинс была хуже этой рыжей ирландки. Ну разве что любит почесать язык – сплошное от нее беспокойство! Ну так вот, я лишь хотела убедиться, что все в порядке, и смотрю – мистер Родди проскользнул в спальню миссис Уэлман. Узнала она его или нет, про то мне неизвестно – но, во всяком случае, ему не в чем себя упрекнуть!

– Это хорошо, – сказал Пуаро, – а то ведь, кажется, он человек чересчур впечатлительный.

– Да нет, просто он немного чудаковатый. Всегда был таким.

– Миссис Бишоп, вы, как я понял, женщина весьма проницательная, – сказал Пуаро. – Я очень высоко ценю ваше мнение. Как вы думаете, что все-таки послужило причиной смерти Мэри Джерард?

– Думаю, как раз это совершенно ясно! – хмыкнула миссис Бишоп. – Недоброкачественный паштет, купленный у Эббота. Эти банки пылятся у него на полках месяцами! Моя двоюродная сестра однажды чуть не умерла, отведав консервированных крабов.

– А что вы скажете по поводу морфина, обнаруженного в ее теле?

– Относительно морфина мне ничего не известно, – важно объявила

мисс Бишоп. – Зато я знаю, какие бывают врачи: только попроси их что-нибудь найти – и они уж непременно это отыщут. Мало им, видите ли, испорченного рыбного паштета!

– А вы не думаете, что она могла покончить с собой? – спросил Пуаро.

– Мэри? – снова хмыкнула миссис Бишоп. – Ни в коем случае. Она ведь задумала женить на себе мистера Родди! Чтоб она совершила самоубийство? Никогда!

Глава 5

Поскольку было воскресенье, Эркюль Пуаро нашел Тэда Бигланда на ферме отца.

Вызвать Тэда Бигланда на откровенный разговор не составило труда. Он, видимо, даже обрадовался возможности излить душу.

– Так вы пытаетесь найти того, кто отравил Мэри? – задумчиво проговорил он. – Это тайна, покрытая мраком, точно.

– А вы, значит, не верите, что ее убила мисс Карлайл?

Тэд Бигланд нахмурился и стал похож на озадаченного ребенка.

– Мисс Элино́р – леди, – медленно проговорил он. – Она такая... ну, просто невозможно представить, чтобы она могла кому-либо причинить страдание. Вы понимаете, что я хочу сказать. Да и мыслимое ли это дело, сэр, чтобы такая милая молодая леди сотворила что-нибудь подобное?

– Нет, конечно... – кивнул, соглашаясь, Эркюль Пуаро. – Но когда речь идет о ревности...

Он замолчал, вглядываясь в пригожее лицо молодого белокурого гиганта.

– О ревности? – удивился Тэд Бигланд. – Я знаю, что такое случается, но ведь это обычно бывает с парнями, когда какой-нибудь из них напьется и уже не помнит себя от бешенства. Но леди Элино́р... такая милая, такая спокойная... чтобы она...

– Но Мэри Джерард мертва... – прервал его Пуаро. – И умерла она не своей смертью. Нет ли у вас каких-нибудь предположений... или фактов, которые помогли бы мне отыскать убийцу?

Парень лишь покачал головой.

– Здесь что-то не так. Это невозможно, понимаете... Просто невозможно, чтобы кто-нибудь посмел убить Мэри. Она была... она была как цветок.

И внезапно на какой-то миг, как при яркой вспышке молнии, Эркюль Пуаро по-новому увидел покойную девушку. «Она была как цветок...» В этих неловких, с трудом найденных словах Мэри Джерард снова была живой и цветущей.

И внезапно он тоже ощутил горькое чувство утраты, гибели чего-то бесконечно милого и нежного.

В его голове одна за другой проносились фразы, сказанные о девушке разными людьми. Питером Лордом: «Она была милое дитя». Сестрой

Хопкинс: «Она могла бы сниматься в кино». Миссис Бишоп: «Тошно было видеть это ее жеманство». И теперь вот эти последние слова, перекрывавшие все остальные, произнесенные с тихим изумлением: «Она была как цветок».

– Но тогда... – Эркюль Пуаро умолк и широко развел руки – абсолютно неанглийским жестом...

Тэд Бигланд кивнул. В его глазах застыло немое страдание – взгляд раненого животного...

– Я понимаю, сэр. Я знаю, что вы правы. Она умерла не своей смертью. Но я подумал...

Он не стал продолжать.

– Что? – спросил Пуаро.

– Я подумал... а что, если это все же был несчастный случай?

– Несчастный случай? И что же это за несчастный случай такой?

– Понимаю, сэр. Понимаю, что это звучит бессмысленно. Но я вот все думаю и думаю, и мне кажется, что это какая-то случайность. Что-то, что не должно было произойти или произошло по ошибке. Ну, в общем, несчастный случай.

Он умоляюще посмотрел на Пуаро, смущенный тем, что не способен ясно выразить свою мысль.

Некоторое время Пуаро обдумывал услышанное. Потом он проговорил:

– Так вот, значит, что вы чувствуете. Это интересно.

– Я понимаю, что вам нужно что-то определенное, – виновато проговорил Тэд Бигланд. – Но я не могу сказать «как» и «почему». Я просто чувствую.

– Чувство иногда самый лучший подсказчик... – заметил Пуаро. – Надеюсь, вы меня простите, если я затрону болезненную тему, но я хотел бы знать: вы очень любили Мэри Джерард?

На смуглом лице молодого человека проступил густой румянец.

– Да об этом знает вся округа, – признался Тэд.

– Вы собирались жениться на ней?

– Да.

– Но она... не хотела?

Тэд помрачнел. С трудом сдерживая гнев, он ответил:

– Люди не должны вмешиваться в жизнь других, даже из добрых побуждений. Все эти школы и поездки за границу! Они изменили Мэри. Я не хочу сказать, что это ее испортило или что она стала задаваться, – ничего подобного. Но это все... ну, сбilo ее с толку. Она перестала понимать, где

ее место. Она была... ну, грубо говоря, слишком хороша для меня. Но, однако, еще недостаточно хороша для настоящего джентльмена вроде мистера Уэлмана.

Наблюдая за выражением его лица, Пуаро спросил:

– Вам не нравится мистер Уэлман?

Тэд Бигланд ответил с явной неохотой:

– А с какой стати он должен мне нравиться? Вообще-то я ничего против него не имею. В общем и целом он слабак. Я мог бы поднять его одной рукой и переломить пополам. Мозги у него, видать, имеются... Но это вряд ли поможет ему, если, например, сломается автомобиль. Вы можете знать принцип движения автомобиля, но вы все равно останетесь беспомощным, как младенец, когда всего-то и требуется, что вытащить магнето и прочистить контакты.

– Вы, надо думать, работаете в гараже?

Тэд Бигланд кивнул.

– У Хендерсона, вниз по дороге.

– Вы были там – в то утро, когда это случилось?

– Да, проверял машину одного джентльмена. Где-то произошла закупорка, и я никак не мог обнаружить, где именно. Погонял ее малость. Теперь так странно вспоминать об этом. День был прекрасный, жимолость еще цвела... Мэри любила жимолость. До ее отъезда за границу мы часто с ней ходили рвать цветы...

И вновь на его лице появилось выражение удивления и какой-то детской растерянности.

Эркюль Пуаро молчал.

Тэд наконец немного пришел в себя.

– Простите, сэр, – сказал он, – забудьте, что я говорил о мистере Уэлмане. Меня бесило то, что он увивался вокруг Мэри. Я хотел, чтобы он оставил ее в покое. Она ему не подходила... на самом деле.

– Вы думаете, он ей нравился? – поинтересовался Пуаро.

Тэд Бигланд опять нахмурился.

– Я не знаю... По-настоящему – нет. А может, и да. Ничего не могу сказать.

– А может, у нее был еще какой-то мужчина? – спросил Пуаро. – Может, она кого-нибудь встретила за границей?

– Не могу сказать, сэр. Мэри вроде бы ни о ком не говорила.

– А какие-нибудь враги... здесь, в Мейденсфорде?

– Враги? Здесь? – Он покачал головой. – Никто ее так уж хорошо не знал. Но всем она нравилась.

– А экономке в Хантербери, миссис Бишоп, она тоже нравилась? – спросил Пуаро.

Тэд неожиданно расплылся в улыбке:

– А, да это просто ревность! Этой даме не нравилось, что миссис Уэлман уделяет Мэри столько внимания.

– А Мэри была счастлива здесь? Она любила миссис Уэлман?

– Была бы счастлива, – проговорил Тэд Бигланд, – если бы ее оставили в покое. Я имею в виду сестру Хопкинс. Это она упорно вбивала ей в голову, что нужно зарабатывать на жизнь и ехать учиться на массажистку.

– Но она все же любила Мэри?

– О да, безусловно любила, но она из тех, кто лучше вас знает, что вам требуется.

– Предположим, сестре Хопкинс что-то известно... – стал рассуждать Пуаро, – что-то такое, например, что могло бы выставить Мэри в неприглядном свете, как, по-вашему, хранила бы она это в секрете?

Тэд Бигланд удивленно посмотрел на него:

– Я что-то не очень хорошо вас понял, сэр.

– Как вы думаете, если бы сестра Хопкинс знала о Мэри что-нибудь нехорошее, могла бы она попридержать свой язык и не проболтаться?

– Сомневаюсь, что эта женщина вообще способна держать язык за зубами! – сказал Тэд Бигланд. – Она самая большая сплетница в деревне. Но если бы она и могла попридержать свой язык, так только если бы это касалось Мэри. – Не в силах преодолеть любопытство, он спросил: – Но почему вы спрашиваете об этом?

– Разговор с тем или иным человеком всегда оставляет определенное впечатление, – ответил Пуаро. – Сестра Хопкинс, казалось, была со мной совершенно честна и откровенна, но у меня возникло такое ощущение – почти уверенность, – что она что-то утаивает. Вовсе не обязательно что-то важное. Возможно, это не имеет никакого отношения к преступлению. Однако она явно что-то скрывает. И сдаётся мне, что это что-то каким-то образом бросило бы тень на репутацию Мэри Джерард...

Тэд лишь беспомощно покачал головой.

– Ну что ж. Придет время – и я узнаю, в чем дело, – со вздохом утешил себя Пуаро.

Глава 6

Пуаро пытливо вглядывался в удлиненное выразительное лицо Роддерики Уэлмана.

Видимо, нервы Родди были на пределе. Руки подрагивали, глаза воспаленные, голос – хриплый и раздраженный.

Взглянув на визитную карточку, он сказал:

– Разумеется, мне знакомо ваше имя, мосье Пуаро. Но мне непонятно, почему доктор Лорд думает, что вы можете как-то помочь! И вообще, ему-то что до всего этого? Он лечил мою тетюшку, но, в сущности, он совершенно посторонний нам с Элиной человек. Мы никогда не видели его до нашего к ней предпоследнего визита. Вероятно, заниматься делами такого рода – обязанность Седдона?

– Формально это так, – ответил Пуаро.

– Я бы не сказал, что Седдон вселил в меня надежду, – удрученно продолжил Родди. – Он настроен чрезвычайно мрачно.

– Так уж у юристов заведено.

– Но все же, – сказал Родди, чуть оживившись, – мы заполучили Балмера. Говорят, он среди адвокатов занимает довольно видное положение.

– У него репутация адвоката, берущегося за безнадежные дела, – сказал Пуаро.

Родди вздрогнул.

– Надеюсь, вам не будет неприятно, если я попытаюсь помочь мисс Элиной Карлайл? – спросил Пуаро.

– Нет, что вы, конечно нет. Но...

– Но что я могу сделать? Вы это хотели сказать?

Легкая улыбка пробежала по встревоженному лицу Родди, улыбка неожиданно столь обаятельная, что Пуаро сразу понял, в чем секрет привлекательности этого молодого человека.

– Вы уж простите меня за грубый скептицизм, – произнес извиняющимся тоном Родди, – но именно это я и хотел спросить. Не буду ходить вокруг да около: чем вы можете помочь?

– Постараться добраться до истины.

– Понятно. – В голосе Родди звучало явное сомнение.

– Возможно, я обнаружу факты, которые помогут обвиняемой, – сказал Пуаро.

Родди вздохнул:

– Если бы вам это удалось!

– Я искренне хотел бы ей помочь, – продолжал Пуаро. – Помогите и вы мне: расскажите, что вы думаете обо всем этом деле.

Родди встал и начал беспокойно метаться по комнате.

– Что я могу сказать? Все случившееся так абсурдно, так нелепо! Чтобы Элино́р – Элино́р, которую я знаю с детских лет! – опустилась до отравления! Это же просто смешно и отдает дешевой мелодрамой! Но как, черт побери, объяснить это присяжным?

– И вы считаете, что мисс Карлайл не могла совершить ничего подобного? – бесстрастным тоном поинтересовался Пуаро.

– Ну конечно! Тут просто не о чем говорить! Элино́р – утонченное создание, она умеет держать себя в руках, она вообще очень сдержанна, в ее характере нет и намека на жестокость. Она умная, чуткая – никаких низменных страстей. Но эту дюжину тупоголовых присяжных запросто можно заставить поверить во что угодно! И, в конце концов, надо реально оценивать ситуацию: ведь им совершенно наплевать на то, что собой представляет подсудимый; для них главное – показания свидетелей. Факты, факты и еще раз факты! А факты – против нее!

Эркюль Пуаро задумчиво кивнул.

– Мистер Уэлман, вы человек умный и крайне восприимчивый. Факты действительно против мисс Карлайл. Но то, что вы о ней говорите – а вы ведь хорошо ее знаете, – никак не вяжется с тем, в чем ее обвиняют. Так что же тогда произошло на самом деле? Что могло случиться?

Родди горестно развел руками.

– В этом-то и загвоздка! Просто какая-то чертовщина! Ведь не могла же это сделать медсестра?

– Она вообще не подходила к блюду с сэндвичами – я досконально это проверял, и подсыпать что-то в чай тоже не могла, ведь тогда она и сама бы отравилась. И потом, зачем ей было убивать Мэри?

– Зачем вообще кому-то понадобилось убить Мэри Джерард! – воскликнул Родди.

– Вот тут я пока ничего сказать не могу, – признался Пуаро. – Никто не желал смерти Мэри Джерард. (Мысленно он добавил: «За исключением Элино́р Карлайл».) Из чего должен следовать логический вывод: Мэри Джерард никто не мог убить! Но это, увы, не так. Она не просто умерла, она была убита! – И он чуть-чуть напыщенно процитировал:

Могила домом стала ей,

И свет во мне погас.^[27]

– Простите?

– Вордсворт, – пояснил Эркюль Пуаро. – Я часто его перечитываю. Быть может, эти строки выражают то, что вы чувствуете?

– Я? – Родди принял гордый и неприступный вид.

– Виноват... вы уж меня простите! – попросил Пуаро. – Очень трудно быть детективом и оставаться при этом истинным сагибом^[28]. У вас, у англичан, существует одно очень удачное выражение: «Есть вещи, о которых не говорят». Увы, детективу приходится о них говорить! Он вынужден задавать вопросы, вынужден вмешиваться в личную жизнь людей, в их чувства!

– Неужели это столь необходимо?

– Ну а как иначе прикажете уяснить положение дел? – решительно, но несколько смущенно спросил Пуаро. – Так что давайте быстренько отделаемся от неприятных тем, и тогда можно будет больше к ним не возвращаться. Для многих тут не секрет, мистер Уэлман, что вы были увлечены Мэри Джерард. Вы подтверждаете это?

Родди рывком поднялся и, подойдя к окну, стал тереть кисть шторы.

– Да, – наконец произнес он.

– Вы были в нее влюблены?

– Видимо, да.

– И ее смерть разбила ваше сердце...

– Я... я полагаю... я имею в виду... ну, в самом деле, мосье Пуаро...

Он повернулся – сплошной комок нервов, страшно уязвимое, загнанное существо...

– Если бы вы мне могли рассказать... только чтобы прояснить ситуацию... лучше бы нам сразу покончить с этим.

Родди Уэлман опустился в кресло и, не глядя на Пуаро, заговорил резкими, отрывистыми фразами:

– Это... трудно объяснить. Да и надо ли?

– Ну нельзя же постоянно прятаться от жизни и от – увы! – неизбежных неприятностей! Вы сказали, что «видимо» влюбились в девушку. Вы что, в этом не уверены?

– Я не знаю... Она была так хороша... Как сама мечта, как сон... Да-да, именно мечта! Что-то совсем нереальное! Все это... когда я впервые ее увидел... мое... ну, мое увлечение ею... Это было похоже на какое-то безумие! А теперь... теперь все прошло... Будто ничего такого и не

происходило.

– Понимаю... – кивнув, сказал Пуаро и добавил: – Вас ведь не было в Англии, когда она умерла?

– Да, я уехал за границу девятого июля и вернулся первого августа. Телеграмма Элинон следовала за мной из города в город. И как только я ее все-таки получил – сразу помчался домой.

– Это известие, наверное, было для вас большим потрясением. Ведь у вас к этой девушке было серьезное чувство.

– Ну почему так происходит? – В голосе Родди прозвучали горечь и гнев. – Ни с того ни с сего на тебя вдруг такое обрушивается... То, чего ты просто не мог представить!

– Увы, такова жизнь! – изрек Пуаро. – Она не позволяет нам устраиваться так, как нам удобно. Она не позволяет нам укрыться от эмоций и подчиняться исключительно разуму, а не сердцу! Мы не можем приказать себе: «Я буду чувствовать то-то и то-то, и не больше». Жизнь, мистер Уэлман, отнюдь не всегда логична!

– Похоже на то... – тихо согласился Родерик Уэлман.

– Весеннее утро, девичье лицо – и весь твой привычный образ жизни летит к черту. – Родди вздрогнул. А Пуаро уточнил: – Иногда нас привлекает не только лицо, но какое-то внутреннее обаяние. Что вы знали о Мэри Джерард, мистер Уэлман?

– Что я о ней знал? – грустно переспросил Родди. – Не так уж много, теперь я это понимаю. Она была милой и, как мне кажется, нежной... но, в сущности, я ничего о ней не знаю, ничего... Вот почему, наверное, я не ощущаю ее потери...

Его враждебность и настороженность теперь исчезли. Он говорил просто и естественно. Эркюль Пуаро всегда умел мастерски преодолевать недоверие собеседника. Родди, казалось, даже почувствовал некоторое облегчение, получив возможность отвести душу.

– Милая... нежная... не очень умная. По-моему, впечатлительная и добрая. И еще в ней была утонченность, которую не ожидаешь найти у девушки из ее сословия.

– Некоторые девушки, часто сами того не желая, наживают себе врагов. О ней такое можно сказать?

Родди решительно замотал головой.

– Нет-нет! Даже представить невозможно! Я имею в виду, чтобы кто-то настолько ее не любил. Ну разве что могли завидовать – но это совсем другое.

– Завидовать? – оживился Пуаро. – Значит, по-вашему, зависть была?

– Наверное, судя по тому письму, – рассеянно проговорил Родди.

– И что же это за письмо?

– Да так, ничего особенного, – отмахнулся с досадой Родди.

– И все-таки? – настаивая Пуаро.

– Анонимное письмо, – неохотно ответил Родди.

– Когда оно пришло? Кому было адресовано?

Родди пришлось все ему рассказать.

– Весьма любопытно. И могу я взглянуть на это письмо? – спросил Эркюль Пуаро.

– Боюсь, что нет. По правде говоря, я его сжег.

– Ах вот оно что... Но почему вы это сделали, мистер Уэлман?

– По-моему, вполне естественная реакция, – холодно заметил Родди.

– И из-за этого письма вы и мисс Карлайл поспешили в Хантербери?

– Почему поспешили? Просто поехали.

– Но какую-то тревогу вы все-таки испытывали, верно?

– Я бы этого не сказал, – еще более сухо сказал Родди.

– Но почему? – удивился Пуаро. – Ведь наследство, на которое вы так рассчитывали, могло оказаться в чужих руках! Вас не могло не встревожить это известие! Ведь это касалось ваших денег, а это, согласитесь, серьезный повод для беспокойства.

– Ну не настолько уж серьезный, не в деньгах было дело.

– Ваше бескорыстие просто изумляет!

Родди покраснел.

– Нет, конечно, деньги тоже были для нас важны. Но прежде всего мы хотели повидать нашу тетю, чтобы убедиться, что с нею все в порядке.

– Итак, вы и мисс Карлайл поехали к тетушке. Вскоре с ней случился второй удар. И вы снова к ней едете. Тогда она все-таки пожелала написать завещание – чего никак не хотела делать раньше. Однако ночью она умирает – как раз накануне того дня, когда должен был приехать ее поверенный. Умирает, возможно, очень кстати для мисс Карлайл.

– Послушайте, на что вы намекаете? – Лицо Родди полыхало гневом.

Ответ Пуаро напоминал молниеносную массированную атаку:

– Когда речь шла о смерти Мэри Джерард, вы сказали мне, мистер Уэлман, что мотив преступления, приписываемый Элино́р Карлайл, абсурден, что она – выше низменных страстей. Но теперь, когда вы рассказали про письмо, возникает совершенно иная интерпретация событий. Ясно, что у Элино́р Карлайл было основание опасаться, что ее могут лишить наследства в пользу другого человека. Анонимка ее насторожила, а то, что пыталась сказать ей лишившаяся дара речи миссис

Уэлман, лишь подтвердило ее страхи. Внизу, в холле, находился саквояж с лекарствами. Вытащить оттуда трубочку с морфином было совсем несложно. Кроме того, я выяснил, что, пока вы с сестрами обедали, она оставалась с больной наедине...

– Боже милосердный, мосье Пуаро, что вы такое говорите? – воскликнул Родди. – Элинон убила тетю Лору?! Что за бредовая идея!

– Вам известно, что сделан запрос на эксгумацию тела миссис Уэлман?

– Да, известно. Но они ничего не обнаружат!

– Вы полагаете?

– Я уверен, – твердо сказал Родди.

Пуаро покачал головой.

– А я совсем не уверен. К тому же, как вы знаете, в тот момент смерть была выгодна лишь одному человеку...

Родди сел. Лицо его побелело, его била мелкая дрожь.

– Я думал... вы на ее стороне... – с трудом выговорил он, глядя в глаза Пуаро.

– На чьей бы стороне я ни был, я не могу пренебрегать фактами! Я полагаю, что вы, мистер Уэлман, слишком долго позволяли себе закрывать глаза на многие неприятные моменты.

– Какой смысл терзать себе душу всякими мерзостями?

– Порою это необходимо... – назидательно сказал Пуаро. И, помедлив, продолжил: – Существует вероятность того, что ваша тетя отравлена морфином. Что, если это так?

– Не знаю. – Родди беспомощно покачал головой.

– А вы все же постарайтесь подумать. Кто мог дать ей морфин? Вы же не станете отрицать, что наилучшие возможности для этого были у Элинон Карлайл?

– А у медсестер разве их не было?

– Конечно, это могла сделать любая из них. Однако сестра Хопкинс была очень обеспокоена исчезновением трубочки с морфином и сразу же сказала об этом своей напарнице. Зачем ей было привлекать внимание к пропаже морфина, если она была причастна к смерти больной? Ведь свидетельство о смерти было уже подписано. Возможно, она еще понесет наказание за проявленную небрежность. Ну а уж если она сама и ввела миссис Уэлман морфин, то обсуждать с кем-то его пропажу – полное сумасшествие. И потом – какая ей выгода от смерти миссис Уэлман? Равно как и сестре О'Брайен. Она тоже могла ввести морфин миссис Уэлман, похитив его из чемоданчика сестры Хопкинс; но спрашивается – зачем?

- Ваши доводы вполне резонны, – согласился Родди.
- Ну а теперь поговорим о вас, – заявил Пуаро.
- Обо мне? – Родди вздрогнул, как пришпоренный конь.

– А почему нет? Вы ведь тоже могли похитить морфин и дать его миссис Уэлман! Вы же оставались с ней наедине в ту ночь, пусть совсем ненадолго. Однако опять возникает вопрос: зачем вам это было нужно? Ведь если бы она осталась жива и написала завещание, возможно, что и вы были бы в нем упомянуты. Стало быть, и у вас не было мотива. Он был только у двоих.

Глаза Родди заблестели.

- У двоих?
- Да. Во-первых – у Элинон Карлайл.
- А во-вторых?
- А во-вторых, у автора анонимного письма.

На лице Родди отразилось недоверие.

– Тот, кто написал это письмо, ненавидел Мэри Джерард или, по крайней мере, не любил ее, и он был, так сказать, на вашей с мисс Карлайл стороне. То есть этот благожелатель определенно не хотел, чтобы Мэри Джерард получила что-нибудь от вашей тетушки. Ну а теперь скажите мне, мистер Уэлман, кто, по-вашему, мог бы написать это письмо?

– Не представляю. Письмо было совершенно безграмотное, с массой ошибок, на дешевой бумаге.

– Это ничего не значит! – отмахнулся Пуаро. – Написать его мог и образованный человек, просто боялся, что вы догадаетесь, кто он. Потому мне и жаль, что письмо не сохранилось. Образованные люди, как бы они ни старались изобразить из себя безграмотных, обычно непременно хоть чем-то себя выдадут.

– Мы с Элинон подумали, что это, вероятно, кто-то из прислуги, – не очень уверенно сказал Родди.

- Ну а конкретно вы кого-нибудь подозревали?
- Нет, никого.

– А вы не думаете, что это могла написать миссис Бишоп, экономка?

Родди явно был ошеломлен подобным предположением.

– Что вы, конечно нет... Такая респектабельная дама, просто воплощение правил приличия. Она пишет красивым, хотя и несколько высокопарным слогом, употребляя сложные обороты. К тому же, я уверен, она бы никогда...

Стоило ему на миг замешкаться, как Пуаро тут же воспользовался паузой:

– Но она не любила Мэри Джерард!

– Скорее всего. Хотя лично я ничего такого не замечал.

– Но, быть может, мистер Уэлман, вы вообще не слишком наблюдательны?

– А вы не думаете, мосье Пуаро, что тетя могла принять морфин сама?

– Это, конечно, мысль, – согласился Пуаро.

– Вы ведь знаете, что тетю очень тяготила... ее беспомощность. Она частенько говаривала, что предпочла бы умереть.

– Но не могла же она встать с постели, спуститься по лестнице и достать из саквояжа трубочку с морфином!

– Она-то не могла, – задумчиво проговорил Родди. – Но это мог сделать для нее кто-нибудь другой.

– И кто же?

– Ну хотя бы одна из сестер.

– Нет, это исключено. Обе они слишком хорошо знают, какими это чревато последствиями! Только не они!

– Значит – кто-то еще...

Родди хотел что-то добавить, но передумал.

– Вы, кажется, что-то вспомнили? – тихо спросил Пуаро.

– Да... но... – нерешительно забормотал Родди.

– Вы сомневаетесь, стоит ли говорить об этом мне?

– В общем, да...

– Ну и когда мисс Карлайл высказала вам свою точку зрения? – спросил Пуаро, и странная улыбка тронула уголки его рта.

– Ей-богу, вы колдун! Когда высказала? В поезде, когда мы ехали к тете. Как вы знаете, мы получили телеграмму с сообщением о том, что у тети Лоры случился второй удар. Элинор сказала тогда, что ей ужасно жаль тетю: ведь она, бедная, и так слишком страдала из-за своей болезни, а теперь, когда она станет еще более беспомощной, жизнь ее превратится в настоящий ад. «Людей следует избавлять от страданий, если они сами того хотят» – вот ее слова.

– И что вы ей ответили?

– Я согласился с ней.

– Только что, – начал Пуаро, и тон его был очень строгим, – вы отвергли с возмущением мое предположение о том, что мисс Карлайл убила вашу тетю из-за денег. Ну а вероятность того, что она могла убить миссис Уэлман из чувства сострадания, вы также отвергаете?

– Я... я... я не могу... – бормотал Родди.

Пуаро наклонил голову.

— Да, я думал... я был уверен, что вы ответите именно так.

Глава 7

В конторе «Седдон, Блэтеруик и Седдон» Эркюля Пуаро приняли с величайшей настороженностью, чтобы не сказать – с недоверием.

Мистер Седдон, поглаживая указательным пальцем свой тщательно выбритый подбородок, изучал детектива, не сводя с него пытливых серых глаз.

– Ваше имя, мосье Пуаро, конечно, мне знакомо. Но я никак не пойму, кому потребовалось ваше участие в этом деле.

– Я действую, мосье, в интересах вашей клиентки, – пояснил Пуаро.

– Вот оно что! И кто же именно... э... пригласил вас выступить в этом качестве?

– Я здесь по просьбе доктора Лорда.

Брови мистера Седдона взлетели вверх.

– Ах так! Но это, насколько я понимаю, совершенно не соответствует принятым правилам. Ведь доктор Лорд, по моим сведениям, вызывается в суд в качестве свидетеля обвинения.

– Разве это так важно? – пожал плечами Эркюль Пуаро.

– Проведение защиты мисс Карлайл – обязанность нашей фирмы. И я, по правде говоря, не вижу необходимости приглашать помощника со стороны.

– Видимо, потому, что доказать невиновность вашей клиентки очень легко? – поинтересовался Пуаро.

Мистер Седдон вздрогнул, и на его вежливо-равнодушном лице отразился гнев.

– Это совершенно неуместный вопрос, совершенно неуместный.

– Против вашей клиентки выдвинуты очень серьезные обвинения... – заметил Пуаро.

– Просто не представляю, мосье Пуаро, откуда вам это известно.

– Хотя я пришел сюда по просьбе доктора Лорда, однако у меня есть записка и от мистера Уэлмана. – Пуаро с легким поклоном протянул записку.

Мистер Седдон, быстро пробежав ее глазами, неохотно признал:

– Это, разумеется, в корне все меняет. Итак, мистер Уэлман берет на себя ответственность за защиту мисс Карлайл. Мы действуем по его просьбе. – С нескрываемой брезгливостью он добавил: – Наша фирма очень редко берется за... э... уголовные дела, но я счел своим долгом перед

моей... э... покойной клиенткой... обеспечить защиту ее племянницы. Должен сообщить, что мы уже поручили защиту сэру Эдвину Балмеру, королевскому адвокату.

Пуаро вдруг иронично усмехнулся:

– И вы не постоите за расходами. Что и говорить, защитник – лучше не придумаешь.

Взглянув на него поверх очков, мистер Седдон пробормотал:

– Но помилуйте, мосье Пуаро...

Пуаро перебил его:

– Да поймите же вы! Никакое красноречие, никакие призывы к милосердию не спасут вашу клиентку. Этого мало.

– Что же вы посоветуете? – сухо осведомился мистер Седдон.

– То же, что и всегда: искать истину.

– Я не против.

– Но поможет ли нам истина в этом деле?

– Еще одно неуместное замечание, – резко отозвался мистер Седдон.

– У меня есть несколько конкретных вопросов, на которые мне хотелось бы получить ответы, – сказал Пуаро.

– Разумеется, я не могу обещать, что отвечу на все ваши вопросы без согласия моей клиентки, – предупредил мистер Седдон.

– Я понимаю. – Пуаро, помедлив, спросил: – Были ли враги у Элино́р Карлайл?

Легкое удивление промелькнуло на лице мистера Седдона:

– Насколько я знаю – нет.

– Составляла ли когда-нибудь покойная миссис Уэлман завещание?

– Никогда. Постоянно откладывала это на потом.

– А Элино́р Карлайл – она сделала завещание?

– Да.

– Недавно? После смерти тети?

– Да.

– Кому она завещала свое состояние?

– Это вопрос конфиденциальный, мосье Пуаро. Я не могу ответить на него без разрешения своей клиентки.

– Тогда мне придется поговорить с вашей клиенткой.

Мистер Седдон холодно улыбнулся.

– Боюсь, это будет нелегко.

Пуаро встал и взмахнул рукой.

– Для Эркюля Пуаро трудностей не существует.

Глава 8

Главный инспектор Марсден встретил его приветливо.

– Ну, мосье Пуаро, пришли, чтобы наставить меня на путь истинный в отношении одного из моих дел?

– Нет-нет, что вы, – протестующе пробормотал Пуаро. – Меня привело к вам исключительно любопытство.

– Буду только рад удовлетворить его. Так какое именно дело вас интересует?

– Элино́р Карлайл.

– Понятно. Девушка, которая отравила Мэри Джерард. Суд состоится через две недели. История действительно прелюбопытная. Кстати, она и старушку отправила на тот свет. Окончательного решения еще нет, но, по моему, сомневаться здесь не приходится. Отравила морфином. Хладнокровная особа. И глазом не моргнула ни во время ареста, ни после. Ни в чем не признается. Но у нас вполне хватает улик. Ей не выкрутиться.

– Вы полагаете, это сделала она?

Марсден, добродушный, умудренный опытом человек, уверенно кивнул.

– Ни тени сомнения. Положила морфин в верхний сандвич. И надо же было все так точно рассчитать! Очень ловкая девица!

– И у вас нет сомнений? Совсем нет сомнений?

– Абсолютно никаких! Виновна – даю стопроцентную гарантию. Приятно чувствовать полную уверенность. Мы тоже ошибаться не любим, как все нормальные люди. Некоторые думают, что нам главное – засудить обвиняемого. Напрасно, совершенно напрасно. В любом случае на сей раз моя совесть чиста.

– Понятно, – задумчиво проговорил Пуаро.

Сотрудник Скотленд-Ярда посмотрел на него с любопытством:

– А у вас имеется какая-нибудь иная информация?

Эркюль Пуаро медленно покачал головой.

– Пока нет. Все известные мне факты указывают на то, что Элино́р Карлайл виновна.

– Конечно, виновна. И даже не сомневайтесь, – заявил инспектор Марсден с бодрой уверенностью.

– Мне хотелось бы ее повидать, – сказал Пуаро.

Инспектор Марсден снисходительно улыбнулся.

– Вы ведь с министром внутренних дел, кажется, накоротке. Так что для вас никаких проблем.

Глава 9

– Ну как дела? – спросил Питер Лорд.

– Увы, пока ничего хорошего, – ответил Пуаро.

– Вам ничего не удалось обнаружить? – удрученно спросил доктор.

– Элино́р Карлайл из ревности убила Мэри Джерард... Элино́р Карлайл убила свою тетушку, чтобы заполучить ее деньги... Элино́р Карлайл убила свою тетушку из сострадания... Мой друг, у вас богатый выбор!

– Вы несете чепуху! – возмутился Питер Лорд.

– Неужели?

Веснушчатое лицо доктора Лорда вспыхнуло гневом.

– Что все это значит?

– Вы думаете, это возможно? – спросил Пуаро.

– Что возможно?

– Что Элино́р Карлайл не в силах была видеть страдания своей тетушки и помогла ей уйти из жизни?

– Чушь!

– Разве? Вы ведь сами говорили мне, что старая леди не раз просила вас об этом.

– Это были просто слова. Она знала, что я не сделаю ничего подобного.

– Однако эта мысль все-таки приходила ей в голову. Элино́р Карлайл, в сущности, могла оказать ей помощь.

Питер Лорд начал метаться взад и вперед по комнате. Наконец он проговорил:

– Теоретически это, конечно, возможно. Но Элино́р Карлайл уравновешенная, здравомыслящая молодая женщина. Не думаю, что чувство жалости заставило бы ее забыть о риске. Она же знала, насколько опасен подобный поступок. Это могло обернуться обвинением в убийстве.

– Значит, по-вашему, она бы на это не решилась?

– Я думаю, что женщина могла бы совершить подобное ради своего мужа, или ради ребенка, или, наконец, ради матери. Но ради тети, пусть и горячо любимой, – едва ли. И по-моему, она решилась бы на такое лишь в крайнем случае – если бы близкий человек действительно испытывал невыносимые страдания.

– Возможно, вы и правы, – подумав, произнес Пуаро и тут же задал

новый вопрос: – Ну а Родерик Уэлман? Он мог из чувства сострадания пойти на такое?

– У этого кишка тонка! – с пренебрежением бросил Питер Лорд.

– Не знаю, не знаю! – возразил Пуаро. – Сдается мне, mon cher, что вы недооцениваете этого молодого человека.

– Ах да, он такой умный, такой рассудительный и прочее, и прочее.

– Вот именно, – сказал Пуаро. – И у него к тому же есть обаяние... Я это сам почувствовал.

– Да что вы? А я – чего не заметил, того не заметил. – И уже более серьезно Питер Лорд спросил: – Послушайте, мосье Пуаро, неужели вы ничего не раскопали?

– Мои изыскания оказались не слишком успешными! Они все время меня приводят к исходному пункту: смерть Мэри Джерард никому не выгодна. И никто не испытывал к ней ненависти – никто, кроме Элинон Карлайл. Остается лишь спросить себя – не было ли ненавистников у самой Элинон Карлайл...

Доктор Лорд покачал головой.

– Да нет, насколько мне известно, не было... Вы хотите сказать, что кто-то мог специально все сделать так, чтобы обвинили ее?

Пуаро кивнул.

– Разумеется, это далеко не бесспорное допущение и, собственно, в его пользу ничего не говорит... за исключением, я бы сказал, избытка улик...

Он рассказал доктору об анонимном письме.

– Понимаете, – подчеркнул Пуаро, – оно сразу же дает основание выдвинуть против нее серьезные обвинения. Ее предупредили, что она вообще может не попасть в завещание тети и все деньги достанутся постороннему человеку, той девушке. И естественно, напрашивается вывод: когда ее тетушка после второго удара попросила вызвать поверенного, Элинон решила, что старая леди должна умереть той же ночью!

– А как же Родерик Уэлман? – воскликнул Питер Лорд. – Ведь он тоже мог все потерять!

Пуаро покачал головой.

– Ничего подобного. Он как раз был заинтересован в том, чтобы старая леди сделала завещание. Без завещания он не получал ничего. Поскольку ближайшей кровной родственницей была Элинон Карлайл.

– Но он ведь собирался жениться на Элинон! – заметил Питер Лорд.

– Верно. Но вспомните, что сразу же после смерти миссис Уэлман помолвка была расторгнута, причем по его инициативе.

Питер Лорд со стоном схватился за голову.

– Все возвращается опять к ней. Каждый раз!

– Да. И все же... – Пуаро сделал паузу. – Имеется кое-что еще.

– Ну же!

– Маленький фрагмент для решения этой головоломки... И это «кое-что» связано с Мэри Джерард. Мой друг, до вас доходят иногда местные сплетни? Не приходилось ли вам слышать о ней что-нибудь дурное?

– Что-нибудь дурное о Мэри Джерард? Вы имеете в виду ее характер?

– Все равно что. Может, какая-нибудь давно забытая история. Какой-нибудь необдуманный поступок с ее стороны. Намек на скандал. Сомнение в ее честности. Какая-нибудь злобная сплетня о ней. В общем... все, что угодно, задевающее ее репутацию...

Питер Лорд, подумав, проговорил:

– Надеюсь, вы не собираетесь разрабатывать эту версию... Копаться в личной жизни никому не причинившей зла девушки, выискивая компрометирующие факты? Причем когда ее уже нет на свете и она не может защитить себя... Не верю, что вы на такое решитесь!

– Выходит, она была подобна сэру Галааду^[29], только в женском обличье? Воплощение добродетели?

– Насколько мне известно, именно так. Я никогда не слышал о ней никаких сплетен.

– Только не подумайте, друг мой, что я собираюсь искать грязь там, где ее нет... – мягко произнес Пуаро. – Отнюдь... Однако добрейшая сестра Хопкинс не слишком-то способна скрывать свои чувства. Она любила Мэри и явно не хочет, чтобы некое обстоятельство стало известно посторонним; а значит, это факт достаточно скандальный, и она боится, что я его все-таки раскопаю. Этот факт, по ее словам, никак не связан с преступлением. По ее мнению, убийство совершила Элинор Карлайл. Следовательно, этот неведомый нам пока факт, каким бы он ни был, к Элинор Карлайл отношения не имеет – ее бы она щадить не стала. Как видите, друг мой, мне просто необходимо досконально все разузнать. Ибо вполне вероятно, что Мэри очень мешала кому-то еще, и у этого неизвестного нам лица были причины желать ее смерти.

– Но в таком случае, по всей вероятности, сестра Хопкинс должна была бы обо всем догадаться, – заметил Питер Лорд.

– Сестра Хопкинс – сообразительная женщина – в определенных пределах, но ее серые клеточки вряд ли могут тягаться с моими. Возможно, она попросту не замечает того, что сразу бросилось бы в глаза Эркюлю Пуаро!

– Сожалею, но у меня нет никаких сведений о Мэри, – сказал, покачав головой, Питер Лорд.

Пуаро в раздумье проговорил:

– Тэд Бигланд тоже ничего не знает, хотя и прожил здесь всю свою жизнь. И у миссис Бишоп ничего не удалось разузнать. Уж она-то, если бы ей было известно о Мэри что-либо компрометирующее, сразу бы это выложила! Eh bien, остается последняя надежда.

– На кого же?

– Я сегодня же повидаюсь с другой медсестрой – О'Брайен.

– Вряд ли она осведомлена о всяких местных событиях, тем более давних, – усомнился Питер Лорд. – Она появилась здесь всего лишь месяца два назад.

– Да, конечно. Но мы с вами знаем, что у сестры Хопкинс длинный язык. Она не разносила сплетни по деревне, щадя репутацию Мэри. Но едва ли она могла бы удержаться хотя бы от намеков в разговорах со своей напарницей, тем более что та не из этих мест. Так что сестра О'Брайен может кое-что знать.

Глава 10

Сестра О'Брайен тряхнула своей рыжеволосой головой и широко улыбнулась маленькому человечку, сидевшему напротив нее за чайным столом.

«Какой он забавный, – размышляла она, – а глаза зеленые, как у кота. Однако доктор Лорд говорит, что у него ума палата!»

– Приятно встретить человека, пышущего здоровьем и жизненной энергией, – заявил Пуаро. – Не сомневаюсь, что ваши пациенты быстро встанут на ноги.

– Да уж, я не из тех, кто напускает на себя унылый вид, – согласилась она. – И почти все мои пациенты, слава богу, умирать не торопятся.

– Согласитесь, однако, что в случае с миссис Уэлман смерть оказалась просто божьей милостью.

– И не говорите! Бедняжка так мучилась! – Сестра О'Брайен многозначительно взглянула на Пуаро. – Вы ведь об этом хотели со мной потолковать? Я слышала, что ее хотят откапывать.

– А у вас не возникло тогда никаких подозрений?

– Совершенно никаких... хотя действительно – у доктора Лорда в то утро было такое странное выражение лица, да и гонял он меня туда-сюда за разными вещами – в которых вовсе и не нуждался! Но свидетельство о смерти все же подписал.

– У него были основания... – начал было Пуаро, но она не дала ему договорить.

– Конечно. Но он правильно поступил. Кому это нужно – задевать чувства семьи? И ведь если врач ошибется и его подозрения не подтвердятся, с карьерой, считай, покончено. Кто станет его после этого приглашать? Доктор должен держать ухо востро и действовать наверняка!

– Есть предположение, что миссис Уэлман совершила самоубийство.

– Это она-то? При том, что не могла даже пошевелиться? Ну разве что капельку приподнимать руку.

– А никто не мог ей помочь?

– А... понимаю, о чем вы: мисс Карлайл, мистер Уэлман или, быть может, Мэри Джерард?

– А почему бы нет?

Сестра О'Брайен энергично покачала головой.

– Они бы не осмелились – никто из них!

– Возможно, вы и правы, – согласился Пуаро и тут же спросил: – Когда сестра Хопкинсхватила трубочку с морфином?

– В то самое утро. «Уверена, что взяла ее с собой», – сказала она. Ну то есть даже не сомневалась, что положила трубочку в саквояж, но знаете, как это бывает, когда вас что-то смущает, и в конце концов она уговорила себя, что оставила морфин дома.

– И даже после этого вы ничего не заподозрили? – пробормотал Пуаро.

– Абсолютно ничего! Мне и в голову не приходило, что здесь что-то не так! Ведь даже и сейчас ничего не доказано. Одни только подозрения.

– А то, что трубочка исчезла, не насторожило вас с сестрой Хопкинс?

– Ну почему же... Помню, я подумала недоброе, когда мы сидели с ней в кафе «Голубая синица». Да и она была как на иголках. Я поняла, что она догадалась, о чем я думаю. «А может, я положила эту трубочку на край каминной доски и она скатилась в корзину для мусора?» – спросила она тогда. «Да, на самом деле, видимо, так оно и было», – ответила я ей. И ни она, ни я ни слова о том, что было у нас на уме, и о том, что мы обе перепугались.

– А что вы думаете теперь?

Сестра О'Брайен сказала:

– Если в теле миссис Уэлман обнаружат морфин, тогда отпадут последние сомнения в том, кто его взял и зачем... Хотя лично я ни за что не поверю, что мисс Карлайл спровадила старую леди на тот свет, пока не докажут, что морфин действительно есть.

– А в том, что Элино́р Карлайл убила Мэри Джерард, вы не сомневаетесь?

– По-моему, тут не о чем и говорить! У кого еще был резон избавиться от Мэри?

– Вот именно! – заметил Пуаро.

Сестра О'Брайен продолжала вспоминать, и речь ее походила на театральный монолог:

– Кто, как не я сама, присутствовала там в тот вечер, когда старая леди пыталась говорить и мисс Элино́р обещала сделать все как надо и согласно ее воле? Кто, как не я сама, видела ее лицо, когда она смотрела вслед Мэри, сбегавшей по лестнице? Черная ненависть была написана на ее лице! В ту минуту она явно готова была убить ее.

– Ну а зачем Элино́р Карлайл понадобилось убивать миссис Уэлман? – спросил Пуаро. – Если предположить, что это тоже сделала она.

– Зачем? Конечно, из-за денег! Двести тысяч фунтов, не меньше. Вот сколько она получила – из-за этого и совершила убийство... если она на

самом деле его совершила. Молодая леди очень смелая и ловкая, ничего не боится, и ума ей не занимать!

– А как вы думаете, если бы миссис Уэлман сделала завещание, кому бы она оставила все свое состояние?

– Ах, не мне об этом говорить, – сказала сестра О'Брайен, однако ясно было, что ей страшно хочется поделиться своими соображениями. И она не утерпела: – Сдается мне, что все до последнего пенни старая леди оставила бы Мэри Джерард.

– Но почему? – изумился Пуаро.

Этот простейший вопрос, казалось, поверг сестру О'Брайен в полное замешательство.

– Почему? Вы спрашиваете: почему? Ну так я вам отвечу: потому!

– Кое-кто считает, – тихо произнес Пуаро, – что Мэри Джерард так ловко вела игру, что втерлась в доверие к старой леди и заставила ее позабыть кровные узы и родственные чувства.

– Что ж, можно сказать и так, – согласилась сестра О'Брайен.

– А была ли Мэри Джерард ловкой и хитрой девушкой?

Сестра О'Брайен говорила медленно, как бы раздумывая:

– Нет, не думаю... Она никогда не хитрила, не изворачивалась. Она была не из таковских. Но бывает, что люди не вольны в своих поступках по причинам, о которых порой никто не догадывается...

– Я вижу, вы женщина рассудительная, сестра О'Брайен, – польстил ей Эркюль Пуаро.

– Я не охотница болтать о том, что меня не касается, – отозвалась она.

Но Пуаро, не сводя с нее пытливого взгляда, продолжал:

– Вы вместе с сестрой Хопкинс обсудили и решили, что некоторые обстоятельства не стоит извлекать на свет божий.

– Что вы имеете в виду? – встрепелась сестра О'Брайен.

– Я говорю не о том, что имеет отношение к преступлению, а совсем о других вещах.

– Зачем ворошить старое? Все давно уж всё позабыли, – кивнула сестра О'Брайен. – Кто из нас не грешен. А старая леди была очень достойной женщиной, о ее доме сроду никаких сплетен не ходило, ни-ни... и умерла она, слава богу, уважаемая и почитаемая всеми.

Эркюль Пуаро кивнул, соглашаясь с собеседницей.

– Да-да, миссис Уэлман весьма уважали в Мейденсфорде.

Разговор принял совершенно неожиданный для Пуаро оборот, но он ничем не выдал своего изумления.

– К тому же с той поры минуло столько лет, – мечтательным голосом

продолжала сестра О'Брайен. – Все позабыто, а теперь их никого и на свете нет. А я всегда так сочувствую влюбленным. И вот что я вам скажу: нет ничего тяжелее, если у человека жена в психиатрической лечебнице и он всю жизнь связан из-за этого по рукам и ногам, его можно только пожалеть, такой доли и врагу не пожелаешь.

– Да, это тяжкое испытание... – забормотал Пуаро, решительно ничего не понимая.

– Сестра Хопкинс рассказала вам, как мы с ней, не сговариваясь, написали друг другу про одно и то же? – спросила сестра О'Брайен.

– Нет, этого она мне не рассказывала, – признался сыщик.

– Ведь надо же, чтобы такое совпадение! Но так ведь и бывает! Только о ком-то услышишь, а через день или два непременно снова где-нибудь заведут разговор о том же человеке. А дальше – больше. Представляете? Я вижу эту фотографию на пианино, а в этот момент экономка доктора рассказывает сестре Хопкинс подробности этой печальной истории.

– Действительно очень любопытно, – заметил Пуаро и тут же забросил пробный камешек: – А Мэри Джерард знала... об этом?

– А кто бы ей сказал? – ответила сестра О'Брайен. – Я бы – ни за что. Да и сестра Хопкинс. Ну зачем? Что бы хорошего из этого вышло?

Она вскинула рыжеволосую голову и вопрошающе уставилась на Пуаро.

– В самом деле – ничего... – вздохнул Пуаро.

Глава 11

Элино́р Карлайл...

Через разделяющий их стол Пуаро смотрел на нее пытливым взглядом.

Они были одни в комнате. Если не принимать во внимание охранника, наблюдавшего за ними сквозь стеклянную перегородку.

Пуаро отметил про себя умное, живое лицо с широким лбом, тонко очерченные ушные раковины и нос. Изящные черты. Да, судя по всему, очень гордое и эмоциональное создание, чувствуется хорошее воспитание, сдержанность и... что-то еще... как будто... страстность.

Он представился:

– Я Эркюль Пуаро. Меня направил к вам доктор Лорд. Он считает, что я могу вам помочь.

– Питер Лорд... – задумчиво проговорила Элино́р Карлайл. Потом вспомнила, кто это, и на губах ее мелькнула улыбка. Но продолжила она сугубо официальным тоном: – Весьма великодушно с его стороны, но вряд ли вы сможете чем-либо мне помочь.

– Вы станете отвечать на мои вопросы? – спросил Пуаро.

– Поверьте, лучше бы вам ни о чем не спрашивать, – вздохнула она. – Мое дело в надежных руках. Мистер Седдон проявил настойчивость, и теперь у меня знаменитый адвокат.

– Но он не так знаменит, как я! – возразил Пуаро.

– У него превосходная репутация, – довольно равнодушно заметила она.

– Да, репутация спасителя преступников. А у меня превосходная репутация человека, умеющего доказывать невиновность.

Она наконец подняла глаза, очень выразительные, ярко-синие прекрасные глаза. И посмотрела прямо в лицо Пуаро.

– Вы верите, что я невиновна?

– А вы невиновны? – спросил Пуаро.

Легкая ироничная улыбка осветила лицо Элино́р.

– Это один из образчиков ваших вопросов? На него очень легко ответить «да», не правда ли?

– Вы, наверное, очень устали? – неожиданно спросил Пуаро.

Она в изумлении широко раскрыла глаза.

– А почему... да, очень. Как вы догадались?

– Я просто знал...

– Я буду рада, когда это все кончится.

Пуаро некоторое время молча смотрел на нее.

– Я виделся с вашим... кузеном – можно я для удобства буду его так называть? – с мистером Родериком Уэлманом.

Ее гордое лицо медленно залилось краской. И Пуаро понял, что на один из своих вопросов получил ответ, не задавая его.

Она заговорила, и голос ее слегка дрожал:

– Вы виделись с Родди?

– Он делает для вас все, что может, – сказал Пуаро.

– Я знаю, – торопливо, смягчившимся голосом произнесла она.

– Он беден или богат?

– Родди? Собственных денег у него не слишком много.

– И в то же время он расточителен?

С почти отсутствующим видом она ответила:

– Ни он, ни я особенно об этом не задумывались. Мы знали, что наступит день... – Она замолчала.

– Вы рассчитывали на наследство? – поспешил уточнить Пуаро. – Это понятно. Возможно, вы слышали о результатах вскрытия тела вашей тети? Она умерла от отравления морфином.

– Я ее не убивала, – холодно сказала Элинон Карлайл.

– Может, вы помогли ей совершить самоубийство?

– Помогла... что?.. Ах да... Понимаю. Нет, я этого не делала.

– Вы знали, что ваша тетушка не оставила завещания?

– Нет, я и понятия не имела об этом. – Ее голос теперь звучал бесцветно, равнодушно. Она отвечала автоматически, не проявляя никакого интереса.

– А вы, вы сами сделали завещание? – спросил сыщик.

– Да.

– Вы написали его в тот день, когда с вами об этом говорил доктор Лорд?

– Да.

И вновь лицо ее порозовело.

– Кому вы завещали свое состояние, мисс Карлайл?

Элинон тихо проговорила:

– Я завещала все Родди... Родерику Уэлману.

– Он знает об этом? – спросил Пуаро.

– Конечно нет, – быстро ответила она.

– Вы не обсуждали с ним этот вопрос?

– Разумеется, нет. Он ужасно бы расстроился – ему бы очень не

понравилось то, что я сделала.

– Кому еще известно о содержании вашего завещания?

– Только мистеру Седдону и, возможно, его служащим.

– Завещание составлял для вас мистер Седдон?

– Да. Я написала ему в тот самый вечер, я имею в виду вечер того дня, когда со мной об этом говорил доктор Лорд.

– Вы сами отнесли это письмо на почту?

– Нет, опустила его в почтовый ящик вместе с другими письмами.

– Вы его написали, вложили в конверт, запечатали, приклеили марку и опустили в почтовый ящик – сомне а?^[30] Вы не раздумывали над письмом, не перечитывали его еще раз?

Элино́р пристально посмотрела на него и сказала:

– Да, я перечитала его. Я вышла, чтобы поискать марки. А когда вернулась, то пробежала его еще раз по диагонали, чтобы быть уверенной, что в нем все ясно изложено.

– Кто-нибудь находился в это время в комнате?

– Только Родди.

– Он знал, чем вы заняты?

– Я же сказала вам – нет.

– Мог ли кто-нибудь еще прочитать ваше письмо, когда вы выходили из комнаты?

– Я не знаю... Кто-нибудь из слуг, вы имеете в виду? Полагаю, кто-нибудь мог бы и войти, пока я отсутствовала.

– И до того, как туда вошел мистер Уэлман?

– Да.

– И он тоже мог бы его прочесть? – поинтересовался Пуаро.

Когда Элино́р заговорила, в голосе ее звучала явная насмешка:

– Смею вас заверить, мосье Пуаро, что мой «кузен», как вы его назвали, не читает чужих писем.

– Таково ваше мнение о нем. Понимаю. Но вы были бы поражены, если бы узнали, как много людей делают то, что делать «не принято».

Элино́р пожала плечами.

– Это было в тот день, когда вам пришла в голову мысль убить Мэри Джерард? – как бы невзначай спросил Эркюль Пуаро.

И в третий раз лицо Элино́р Карлайл покраснело. Теперь оно просто пылало.

– Это вам сказал доктор Лорд?

– Это было тогда, не так ли? – мягко спросил Пуаро. – Когда вы заглянули в окно и узнали, что она пишет завещание. Это показалось вам

забавным. Но ведь именно тогда вам пришло в голову, как было бы удобно... если бы Мэри Джерард умерла...

– Он понял... он взглянул на меня и понял... – проговорила Элино́р тихим сдавленным голосом.

– Доктор Лорд многое понимает... – заметил Пуаро. – Он далеко не глуп, этот веснушчатый рыжеволосый молодой человек...

– Это правда, что он пригласил вас... помочь мне? – тихо спросила она.

– Правда, мадемуазель.

– Не понимаю, – вздохнув, сказала она. – Нет, не понимаю.

– Послушайте, мисс Карлайл, мне необходимо, чтобы вы подробно рассказали мне о том, что произошло в тот день, когда умерла Мэри Джерард: куда вы ходили, что делали. Более того: я даже хочу знать, что вы думали.

Она пристально на него посмотрела, и странная усмешка появилась на ее губах.

– Вы, вероятно, очень доверчивый человек. Неужели вы не понимаете, что мне ничего не стоит вас обмануть?

– Это не имеет значения, – спокойно сказал Пуаро.

Она была озадачена.

– Не имеет значения?

– Нет. Ибо ложь, мадемуазель, тому, кто умеет слушать, говорит не меньше, чем правда. А иногда даже больше! Итак, начнем. Вы встретили вашу экономку, милейшую миссис Бишоп. Она хотела пойти с вами и помочь. Вы ей не позволили. Почему?

– Мне хотелось побыть одной.

– Почему?

– Почему? Да просто потому, что я хотела... подумать.

– Вы хотели дать волю мечтам... ладно. Ну а потом что вы делали?

Элино́р с вызовом вскинула голову.

– Я купила паштет для сэндвичей.

– Две баночки?

– Две.

– Затем вы отправились в Хантербери. Что вы делали там?

– Я поднялась в комнату тети и начала разбирать ее вещи.

– Что вы нашли?

– Что нашла? – Она сосредоточенно нахмурилась. – Одежду... старые письма... фотографии... ювелирные изделия.

– А не обнаружили никаких... сюрпризов? – спросил Пуаро.

– Сюрпризов? Не понимаю, о чем вы.

– Тогда продолжим. Что было дальше?

– Я спустилась в буфетную и приготовила сэндвичи...

– Ну и о чем вы думали при этом? – мягко спросил Пуаро.

Ее синие глаза вдруг вспыхнули.

– Я думала о своей тезке, Элеоноре Аквитанской... [\[31\]](#)

– Прекрасно вас понимаю, – сказал Пуаро.

– Понимаете?

– Да, вполне. Я ведь знаю эту историю. Она предложила Прекрасной Розамунде выбор – кинжал или чаша с ядом. Розамунда выбрала яд...

Элинор ничего не сказала, но побледнела как полотно.

– Но, быть может, на этот раз у жертвы выбора не было...

Продолжайте, мадемуазель, что дальше?

– Я положила приготовленные сэндвичи на блюдо и пошла к сторожке. Сестра Хопкинс и Мэри Джерард были там. Я пригласила их составить мне компанию за ленчем.

Пуаро внимательно за ней наблюдал.

– Ясно, и вы все вместе отправились в дом, не так ли? – тихо сказал Пуаро.

– Да. Мы... ели сэндвичи в маленькой гостиной.

Тем же тихим, мягким голосом Пуаро спросил:

– Да-да... и вы были все еще во власти своих грез... И потом...

– Потом? – Она пристально посмотрела на него. – Я оставила ее... она стояла у окна. Я пошла в буфетную. Я все еще находилась, по вашему выражению, во власти грез... Медсестра мыла там посуду... Я дала ей баночку из-под паштета.

– Да-да. А что было дальше? О чем вы потом подумали?

Элинор начала говорить словно в забытьи:

– На запястье у сестры Хопкинс была какая-то отметинка. Я спросила ее, откуда у нее это, и она сказала, что укололась о розу возле сторожки. Розы возле сторожки... Мы с Родди однажды поссорились – давным-давно – из-за войны Алой и Белой розы. Я была Ланкастером, а он Йорком. Ему нравились белые розы. Я сказала, что они ненастоящие – ведь они даже не пахнут! Я любила красные розы, большие и темные, у них такие бархатистые лепестки, и они пахнут летом... Самым дурацким образом мы поссорились из-за цвета роз. Ну и, понимаете, все это нахлынуло на меня... там, в буфетной... и что-то... что-то сломалось... Черная ненависть в моем сердце... она ушла... Стоило вспомнить, как мы в детстве играли все вместе – и ненависть к Мэри испарилась. Я не хотела ее смерти...

Она замолчала.

– Но, когда мы спустя какое-то время вернулись в маленькую гостиную, она умирала...

И она снова замолчала, а Пуаро очень внимательно смотрел на нее. Она вспыхнула под его взглядом.

– Вы будете снова меня спрашивать... убила ли я Мэри Джерард?

Пуаро встал и коротко сказал:

– Больше не буду вас ни о чем спрашивать. Существуют вещи, о которых я не хочу знать...

Глава 12

1

Согласно договоренности доктор Лорд встречал поезд на станции.

Эркюль Пуаро вышел из вагона. Он выглядел как настоящий лондонец, а на ногах его ослепительно сверкали лаковые остроносые туфли.

Питер Лорд напряженно всматривался в его лицо, однако прочесть что-нибудь на лице Эркюля Пуаро было практически невозможно.

– Теперь я готов ответить на все ваши вопросы, – начал Питер Лорд. – Первое: Мэри Джерард уехала отсюда в Лондон десятого июля. Второе: у меня вообще нет экономки, хозяйством занимаются две смешливые девчонки. Очевидно, вы имели в виду миссис Слэттери, которая была экономкой у доктора Рэнсома (моего предшественника). Если хотите, я могу вас проводить к ней сегодня утром. Я попросил ее быть дома.

– Да, думаю, для начала неплохо повидаться именно с ней, – сказал Пуаро.

– Затем вы собирались побывать в Хантербери. Я мог бы пойти туда вместе с вами. Странно, почему вы не пошли туда в прошлый раз. Я полагал, что в таких случаях прежде всего следует посетить место преступления.

– Почему? – чуть склонив голову набок, поинтересовался Эркюль Пуаро.

– Почему? – Питера Лорда этот вопрос, по-видимому, поставил в тупик. – Разве обычно действуют не так?

– Нельзя вести расследование по учебнику! Надо пользоваться данным тебе от природы умом, – возразил Пуаро.

– Там можно обнаружить какой-нибудь ключ к преступлению, – настаивал Питер Лорд.

– Вы начитались детективных романов. Полиция в вашей стране достойна восхищения. Не сомневаюсь, что полицейские тщательнейшим образом обыскали дом и прилегающую территорию.

– Ради доказательств против Элинор Карлайл, но не ради свидетельств в ее пользу.

– Mon cher, – вздохнул Пуаро, – полиция отнюдь не какое-то

чудовище! Элино́р Карлайл была арестована потому, что обнаруженные улики позволили возбудить против нее уголовное дело – и довольно аргументированное. И было совершенно бесполезно искать что-либо там, где полицейские перевернули все вверх дном.

– И тем не менее вы хотите туда наведаться?

Эркюль Пуаро кивнул.

– Да, теперь это необходимо. Потому что теперь я точно знаю, что буду искать. Прежде надо хорошенько поработать серыми клеточками, а уж потом воспользоваться глазами.

– Значит, вы думаете, что там можно что-то еще обнаружить?

– У меня есть смутное предчувствие, что мы кое-что найдем.

– И это кое-что докажет невиновность Элино́р?

– Ну этого я не говорил.

Питер Лорд застыл на месте.

– То есть вы по-прежнему считаете ее виновной?

– Вам следует подождать, друг мой, прежде чем вы получите ответ на этот вопрос, – серьезно проговорил Пуаро.

2

Пуаро обедал с доктором в уютной комнате, окно которой было распахнуто в сад.

– Вы узнали все, что хотели, от старушки Слэттери?

Пуаро кивнул.

– Да.

– А чего именно вы хотели от нее?

– Сплетен! Чтобы она вспомнила о минувших днях. Некоторые преступления уходят корнями в прошлое. Думаю, это одно из таких преступлений.

– Ни слова не понял из того, что вы сказали, – раздраженно заметил Питер Лорд.

Пуаро улыбнулся.

– Очень вкусная рыба и очень свежая, – заметил он.

– Еще бы! – не выдержал Лорд. – Я сам ее поймал этим утром. Послушайте, мосье Пуаро, хотел бы я знать, куда вы клоните? Почему держите меня в потемках?

Именитый сыщик покачал головой.

– Потому что и сам еще не вышел на свет – всякий раз я упираюсь в

одно и то же: ни у кого не было причин убивать Мэри Джерард – ни у кого, кроме Элинор Карлайл.

– Но это как сказать, – возразил Питер. – Вы же помните, что некоторое время она находилась за границей.

– Да-да. Я получил сведения об этом.

– Вы сами ездили в Германию?

– Сам – нет, – произнес Пуаро с легким смешком. – У меня для этого есть свои шпионы.

– Но можно ли на них полагаться?

– Разумеется, можно. Это не для меня – бегать туда-сюда. Предоставим это тем, кто имеет соответствующую квалификацию и сделает это профессионально и... за умеренную плату. Уверяю вас, *mon cher*, я делаю одновременно слишком много дел. Поэтому у меня много полезных помощников, например один из них бывший взломщик.

– Для чего вы его используете?

– Последний раз я воспользовался его услугами для весьма тщательного обыска квартиры мистера Уэлмана.

– А что он искал?

– Всегда полезно точно знать, в чем тебе солгали.

– Мистер Уэлман вам солгал?

– Безусловно.

– А кто еще вам лгал?

– По-моему, все. Сестра О'Брайен в силу своей романтичности; сестра Хопкинс – из упрямства; миссис Бишоп – исключительно по злобе. Вы сами...

– Боже милостивый! – бесцеремонно прервал его Питер Лорд. – Уж не думаете же вы, что я вам лгал?

– Пока нет, – признался Пуаро.

Питер Лорд откинулся на спинку стула.

– А вы, оказывается, очень недоверчивы, *мосье Пуаро*! – заметил он. – Если вы закончили, то не отправиться ли нам в Хантербери? Позже мне надо будет навестить нескольких пациентов, и еще на сегодня намечена хирургическая операция.

– Я к вашим услугам, мой друг.

Они отправились пешком и вошли на территорию Хантербери через заднюю калитку. По дороге к дому им встретился высокий симпатичный парень, который катил тачку. Он уважительно прикоснулся рукой к кепке, здороваясь с доктором Лордом.

– Доброе утро, Хорлик. Это садовник, – объяснил он Пуаро. – Он

работал здесь в то утро.

– Да, сэр, точно, – подтвердил Хорлик. – Я видел мисс Элинон и разговаривал с ней.

– И что она вам сказала? – спросил Пуаро.

– Сказала, что дом продан, я просто обомлел, сэр; но мисс Элинон обещала замолвить за меня словечко майору Сомервелу – может быть, он оставит меня, если не сочтет, что я чересчур молод для должности старшего садовника. Но ведь я прошел хорошую выучку у мистера Стивенса, сэр.

– Она вела себя как обычно?

– Вроде бы да, сэр, разве что выглядела немножко взволнованной – как будто у нее что-то на уме.

– Вы знали Мэри Джерард?

– Конечно, сэр. Но не слишком хорошо.

– Какая она была?

Хорлик, казалось, не знал, что ответить.

– Какая, сэр? Вы имеете в виду, как она выглядела?

– Не совсем. Я имею в виду, что за человек она была.

– Да, понял, сэр, она была гордая девушка. Красиво говорила, и все такое. Много о себе воображала, я бы сказал. Видите ли, старая миссис Уэлман слишком ее баловала. Ее отца это просто бесило. Он ходил разъяренный, как раненый медведь.

– Судя по тому, что я о нем слышал, старик не отличался кротким нравом.

– Это уж точно. Сварливый был старик. Доброго слова от него не дождешься.

– Вы в то утро были здесь. А в каком именно месте вы работали?

– В основном в огороде, сэр.

– Вы оттуда не могли видеть дом?

– Нет, сэр.

– А если бы кто-нибудь подошел к дому... к окну буфетной... вы бы его заметили? – спросил Питер Лорд.

– Нет, не заметил бы, сэр.

– А когда вы уходите обедать? – продолжал расспрашивать Питер Лорд.

– В час дня, сэр.

– И вы ничего не видели... какого-нибудь человека поблизости... или машины снаружи... в общем, что-нибудь вроде этого?

Парень удивленно вскинул брови.

– За задними воротами, сэр? Там стояла только ваша машина, и больше никакой.

– Моя машина? – воскликнул Питер Лорд. – Это была не моя машина! Я в то утро уезжал в Уитенбери. И вернулся только к двум.

Хорлик выглядел смущенным.

– Но я был уверен, сэр, что это ваша машина, – произнес он с некоторым сомнением.

– Ну, ладно, это несущественно, – торопливо проговорил Питер Лорд. – Будьте здоровы, Хорлик.

Они с Пуаро пошли дальше. Хорлик некоторое время смотрел им вслед, а потом снова не спеша покатыл свою тачку.

Тихо, но вместе с тем возбужденно Питер Лорд заговорил:

– Наконец-то что-то есть! Чья машина стояла у ворот в то утро?

– Какой марки ваша машина, мой друг? – спросил Пуаро.

– «Форд», десятка, цвета морской волны. Конечно, похожих машин хватает.

– А вы уверены, что это была не ваша машина? Вы не могли перепутать день?

– Абсолютно уверен. Я уехал в Уитенбери, вернулся поздно, слегка перекусил, а затем меня вызвали в связи с Мэри Джерард, и я примчался сюда.

– Значит, похоже, мой друг, мы наконец наткнулись на нечто существенное, – сказал Пуаро.

– Кто-то был здесь в то утро... кто-то... помимо Элинон Карлайл, Мэри Джерард и сестры Хопкинс... – сказал Питер Лорд.

– Это в самом деле очень любопытно, – откликнулся Пуаро. – Идемте, надо проверить, мог ли этот некто приблизиться к дому незамеченным.

На полпути к дому от дороги ответвлялась тропинка, терявшаяся в зарослях кустарника. Они свернули на эту тропинку, и спустя некоторое время Питер Лорд схватил Пуаро за локоть и указал на окно:

– Смотрите: окно той буфетной, где Элинон Карлайл готовила сэндвичи.

– Да, отсюда кто угодно мог ее видеть, как она их готовит. Окно ведь было открыто, если я не ошибаюсь, – пробормотал Эркуль Пуаро.

– Не просто открыто – широко распахнуто. Ведь был жаркий день, – напомнил Питер Лорд.

– Значит, если кто-нибудь, желая оставаться незамеченным, захотел заглянуть внутрь, он расположился бы где-то здесь, – рассудил Пуаро.

Оба задумались. Наконец Питер Лорд сказал:

– Смотрите: вон там за кустами трава явно была вытоптана. Сейчас уже, правда, немного заросло, но тем не менее все-таки еще заметно.

Пуаро посмотрел за кусты.

– Да, место действительно очень удобное, – сказал он в раздумье. – Отгорожено от тропинки, и тут как раз просвет между кустами – хорошо видно окно. Интересно, чем он тут занимался, наш неизвестный друг... Может, просто курил?

Они наклонились и стали осматривать землю, разгребая листья и ветки.

Вдруг Пуаро тихо вскрикнул. Питер Лорд выпрямился.

– Что такое?

– Спичечный коробок, мой друг. Пустой спичечный коробок, его втоптали в землю. Смотрите – пустой и размокший.

Он осторожно извлек свою находку и поместил на листок бумаги, который вырвал из своего блокнота.

– Коробок точно не английский, – отметил Питер Лорд. – Боже мой! Это же немецкие спички!

– А Мэри Джерард недавно приехала из Германии! – тут же вспомнил Пуаро.

Питер Лорд ликующе воскликнул:

– Наконец-то мы что-то нашли! Вы же не можете этого отрицать!

– Да, но... – с сомнением пробормотал Эркюль Пуаро.

– Никаких «но», черт побери, неужели вы думаете, что в этой глуши у кого-то могли оказаться немецкие спички?

– Да, да, конечно, – сказал Пуаро, несколько недоуменно переводя взгляд с просвета в кустах на окно. – Но, по-моему, тут все не так уж очевидно. Одно существенное «но» все-таки имеется. Вы поняли, о чем я толкую?

– Не очень. И о чем же?

Пуаро вздохнул.

– Значит, не поняли... Что ж, идемте дальше.

Они подошли к дому. Питер Лорд открыл ключом заднюю дверь.

Он провел своего спутника через кухню, затем по коридору, куда с одной стороны выходила дверь из гардеробной, а с другой из буфетной. Войдя в буфетную, мужчины огляделись.

Здесь, как водится, стояли шкафы с раздвижными стеклянными дверцами. В шкафах – чашки, тарелки и прочая посуда. На газовой плите – два чайника, а на полке над плитой – жестяные банки с надписями «Кофе» и «Чай». Стол был придвинут к окну.

– Вот на этом столе Элино́р Карлайл и готовила сандвичи. Обрывок этикетки от трубочки с морфи́ном нашли здесь. – Питер Лорд указал на щель в полу под ракови́ной.

– Поли́цейские обычно проводят обы́ск весьма тща́тельно, – задумчиво проговори́л Пуа́ро. – Вряд ли они что-нибудь упустили.

– Но ведь доказа́тельств, что Элино́р брала эту трубочку, нет! – отчая́нно восклицнул Питер Лорд. – Говорю́ вам, кто-то сле́дил за ней из кустов. Когда она пошла в сторо́жку, он, вероятно, проскользнул сюда, вытряхнул из трубочки несколько таблеток морфи́на, раздавил их и подсы́пал порошок в сандвич, лежавший сверху. Он спе́шил и, естественнó, не заметил, что от этикетки оторвался клочок. Сделав свое́ дело, он бы́стренько убрался прочь, сел в свою́ машину и скрылся.

Пуа́ро вздохнул.

– Вы все ещё ничего не поняли! Порази́тельно, до чего бестолковы́ми бывают иногда́ даже умные люди́!

Питер Лорд возму́тился:

– Значит, вы не верите, что какой-то тип прятался в кустах и наблюдал за окном?

– В этом-то я как раз не сомневаюсь... – сказа́л Пуа́ро.

– Значит, нам нужно выясни́ть, кто это был!

– Думаю́, что долго́ выясня́ть не придется, – пробормотал Пуа́ро.

– Вы хотите сказа́ть, что знае́те, кто он?

– Да, на это́т счет у меня́ имею́тся некото́рые сообра́жения.

– Значит, ваши́ немецкие помощники́ все-таки́ что-то для вас раздобы́ли...

– Мой дру́г, все нужные сведения́ здесь, – Пуа́ро вырази́тельно посту́чал пальце́м по своему́ лбу, – в этой голове́. И помощники́ тут ни при чем... Давай́те-ка лучше́ осмот́рим дом.

3

Наконец они вошли в комна́ту, где умерла Мэ́ри Джера́рд.

Здесь ца́рила ка́кая-то злове́щая атмосфе́ра: тяжелые воспомина́ния и дурные предчу́вствия наве́вали э́ти стены́.

– Ну просто́ как в моги́ле... – передерну́в плеча́ми, проговори́л Питер Лорд и спешно́ распахнул одно́ из окон.

– М-да... Если бы́ стены́ могли́ говори́ть... – вздохнул Пуа́ро. – В это́м доме́ все и нача́лось. – Он помолча́л и тихо́ продолжи́л: – Подума́ть

только... именно здесь умерла Мэри Джерард.

– Вот в этом кресле у окна... – добавил Питер Лорд.

– Юная девушка... романтичная, прекрасная, – задумчиво проговорил Пуаро. – Или прежде всего расчетливая интриганка? Слишком много о себе мнила? Или была нежной и искренней, без всяких дурных помыслов... просто милой молодой девушкой, только-только вступающей в жизнь... Девушка, похожая на цветок.

– Какой бы она ни была, – сказал Питер Лорд, – кто-то желал ее смерти.

– Как сказать... – пробормотал Эркюль Пуаро.

– Что вы имеете в виду? – крайне изумившись, спросил Лорд.

Пуаро покачал головой.

– Пока ничего определенного... Друг мой, дом мы с вами осмотрели, вроде бы ничего не забыли. Теперь пойдемте в сторожку.

В сторожке, так же как и в доме, было тщательно прибрано, но на всем лежал толстый слой пыли – сюда явно давно никто не заходил. На осмотр комнаток сторожки потребовалось лишь несколько минут. Когда они вышли наружу, Пуаро прикоснулся к листьям розы, стебли которой обвивали деревянную решетку шпалеры. Алые цветы благоухали.

– Знаете, как называется этот сорт? – вдруг спросил он. – Это «Зефирен Драуфен», мой друг.

– И что из этого? – раздраженно буркнул Питер Лорд.

– Когда я виделся с Элинор Карлайл, она вдруг заговорила со мной о розах. Именно тогда я увидел – нет, не яркий дневной свет, а лишь проблеск во мраке... Так бывает, когда едешь в поезде... когда он приближается к концу туннеля. Свет еще совсем слабенький, но ты знаешь, что темнота за окном скоро окончательно рассеется.

– Что она вам рассказала? – вдруг охрипшим голосом спросил Питер Лорд.

– Она рассказала мне о том, как они в детстве играли здесь, в саду, и как они с Родериком Уэлманом спорили. Вернее, даже ссорились, ибо он предпочитал белую розу Йорков – холодную и строгую, а она – так она мне сказала – любила красные розы, ей была милее алая роза Ланкастеров. Да, она любила алые розы – за их теплый живой цвет и аромат. Вот в этом, мой друг, и есть различие между Элинор Карлайл и Родериком Уэлманом.

– Разве это объясняет... хоть что-нибудь? – спросил Питер Лорд.

– Это объясняет характер Элинор Карлайл, страстный и гордый характер девушки, отчаянно влюбленной в человека, не способного ее полюбить...

– Я вас не понимаю... – сказал Питер Лорд.

– Зато я понимаю ее... я понимаю их обоих. А теперь, мой друг, давайте еще разок вернемся на то место рядом с кустами.

Они шли молча. Веснушчатое лицо Питера Лорда было обеспокоенным и сердитым.

Когда они подошли к тому вытоптанному пятачку, Эркюль Пуаро остановился, что-то обдумывая. Питер Лорд не сводил с него глаз.

Внезапно именитый сыщик огорченно вздохнул.

– На самом деле все очень просто! Неужели вы не видите грубую ошибку в ваших рассуждениях? Согласно вашей версии некий мужчина, познакомившийся с Мэри Джерард в Германии, прибыл сюда с твердым намерением ее убить. Но взгляните, мой друг, взгляните! Смотрите во все глаза, если уж ваш ум настолько слеп, что от него, похоже, никакого толку! Что вы видите? Окно? Не так ли? А за окном – девушку. Девушку, готовящую сэндвичи, то есть Элинор Карлайл. Подумайте сами: как, черт побери, наблюдавший за ней человек мог догадаться, что эти сэндвичи будут предложены Мэри Джерард? Этого никто не мог знать, кроме самой Элинор Карлайл. Никто! Ни Мэри Джерард, ни сестра Хопкинс.

Что же отсюда следует? Если этот человек действительно залез в окно и отравил сэндвичи... на что он рассчитывал? На то, что сэндвичи съест сама Элинор Карлайл...

Глава 13

Пуаро постучал в дверь коттеджа сестры Хопкинс. Она открыла ему, дожевывая на ходу булочку с изюмом.

– Это опять вы, – не слишком любезно сказала она. – Зачем пожаловали на этот раз?

– Вы позволите мне войти?

Сестра Хопкинс нехотя посторонилась, пропуская Пуаро внутрь. Потом все же предложила ему чаю. Пуаро смотрел на чернильно-темную жидкость в своей чашке с некоторой опаской.

– Только что заварила – отличный крепкий чай! – сказала сестра Хопкинс.

Пуаро осторожно размешал чай и сделал один героический глоток.

– Как вы думаете, почему я к вам пришел? – поинтересовался он.

– Откуда мне знать? Я не умею читать чужие мысли.

– Я пришел, чтобы услышать от вас правду.

Сестра Хопкинс воздела руки, изображая праведный гнев.

– На что вы намекаете? Какая вам еще нужна правда?! Я и так выложила все как на духу! Даже про трубочку с морфином. Другие на моем месте сидели бы и помалкивали. А я вот не молчала, хотя знала, что за свою халатность – за то, что оставила без присмотра саквояж с лекарствами, – меня крепко накажут. Но такой конфуз может случиться с кем угодно! Я уже получила за это взыскание, и, могу вас заверить, оно нанесло существенный урон моей профессиональной репутации. Но я, как видите, о себе не думала! Я обо всем рассказала! Обо всем, что относилось к делу. И я буду очень вам признательна, мосье Пуаро, если вы оставите свои гадкие намеки при себе! Я честно рассказала все, что знала о смерти Мэри Джерард. И как вы смеете намекать на то, что я что-то скрывает? На каком основании, хотела бы я знать?! Я не утаила ничего, абсолютно ничего! И готова присягнуть, что так все и было!

Пуаро даже не пытался ее остановить. Он отлично знал, как надо обращаться с разъяренной женщиной: надо дать ей выговориться и подождать, пока она остынет. Он так и сделал, а потом очень спокойно и доброжелательно сказал:

– Я вовсе не считаю, что вы утаили нечто, относящееся к преступлению.

– Тогда что же вам нужно, хотела бы я знать!

– Я прошу вас рассказать правду не о смерти, а о жизни Мэри Джерард.

– Ах вот оно что! – Сестра Хопкинс как-то сразу растерялась. – Вот, значит, что вам нужно! Но это же не имеет отношения к убийству.

– А я и не говорил, что имеет. Я сказал, что вы утаили некоторые сведения, касающиеся этой девушки.

– А почему я должна рассказывать о том, что не имеет никакого отношения к преступлению?

Пуаро пожал плечами.

– А почему бы вам не рассказать все, что вам известно?

Сестра Хопкинс, сильно покраснев, сказала:

– Да просто из уважения к приличиям. Есть определенные нормы! Все, кого это касалось, уже умерли, и нечего больше ворошить старое!

– Если то, что вы знаете, – всего лишь домыслы, их повторять действительно не стоит. Но если у вас есть какие-то подлинные сведения – тогда дело принимает совершенно другой оборот.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

– Сейчас поймете. Кое-какие намеки я услышал от сестры О'Брайен, а потом беседовал с миссис Слэттери, которая хорошо помнит кое-какие события более чем двадцатилетней давности. Я расскажу вам все, о чем узнал. Итак, более двадцати лет назад двое полюбили друг друга. Она – это миссис Уэлман, которая к тому времени уже несколько лет была вдовой, ее чувство было глубоким и страстным. Он – сэр Льюис Райкрофт, женатый, к великому своему несчастью, на психически безнадежно больной женщине. Согласно законам того времени развод он получить не мог, а леди Райкрофт отличалась превосходным физическим здоровьем и могла прожить лет до девяноста. Отношения этих людей, по-моему, для многих не были тайной, однако они соблюдали внешние приличия и вели себя крайне осторожно. Потом сэр Льюис Райкрофт был убит на войне.

– Ну а дальше что? – нетерпеливо спросила сестра Хопкинс.

– Я полагаю, – продолжил Пуаро, – что уже после его смерти на свет появился ребенок и что этим ребенком была Мэри Джерард.

– Похоже, вы уже прекрасно обо всем осведомлены! – буркнула сестра Хопкинс.

– Я только предполагаю. Но, возможно, у вас имеются какие-то сведения, подтверждающие мои догадки.

Сестра Хопкинс в ответ только молча нахмурилась, потом вдруг вскочила и кинулась к комоду. Достав из ящика конверт, она протянула его Пуаро.

– Сначала я расскажу вам, как это письмо попало ко мне. Впрочем, кое-какие подозрения у меня были и раньше. Я же видела, какими глазами миссис Уэлман смотрела на девушку, ну и, потом, еще наслушаешься всяких сплетен... Да и старый Джерард сам сказал мне – когда заболел, – что Мэри не его дочь. Ну вот, когда я после смерти Мэри убиралась в сторожке, то в ящике комода, среди вещей старика, наткнулась на письмо. Вы видите, что написано на конверте?

Пуаро прочитал надпись, сделанную выцветшими чернилами:

«Для Мэри – переслать ей после моей смерти».

– Это написано давно? – спросил Пуаро.

– Письмо писал не старый Джерард, – пояснила Хопкинс. – Оно написано матерью Мэри, которая умерла четырнадцать лет назад. Написано для дочки, но старик засунул его в ящик со своими вещами. Мэри это письмо так и не увидела, и слава богу! Девушка она была гордая, и, по крайней мере, ей не пришлось ничего стыдиться. – Она немного помедлила, словно не решалась говорить дальше, но затем все-таки продолжила свой рассказ: – Оно было заклеено, но... но я вскрыла его и тут же прочитала, хотя, наверное, этого делать не следовало. Но Мэри была мертва, а я примерно догадывалась о том, что было в письме... ну и все-таки прочла – оно же теперь было вроде как ничье. А порвать его мне было как-то неловко – какое я имею право. Да что я все говорю и говорю, лучше прочтите сами.

Пуаро вынул из конверта листок бумаги, исписанный мелкими угловатыми буквами:

«Мной здесь изложена вся правда на тот случай, если она когда-нибудь понадобится. Я служила горничной у миссис Уэлман в Хантербери, и она была ко мне очень добра. Я попала в беду, но она меня не выгнала и снова взяла на службу, когда все миновало, но ребенок умер. Моя госпожа и сэр Льюис Райкрофт любили друг друга, но они не могли пожениться, потому что он уже был женат и его жена находилась в сумасшедшем доме, бедная леди. Он был настоящий джентльмен и очень любил миссис Уэлман. Его убили. А вскорости после того госпожа сказала, что ждет ребенка. Потом она уехала в Шотландию и взяла меня с собой. Девочка родилась там, в Ардлокри. Боб Джерард, который бросил меня, когда я попала в беду, снова

начал мне писать. Мы договорились, что поженимся, будем жить в сторожке и он будет считать дочь своей. Если мы будем жить в усадьбе, то никому не будет казаться странным, что миссис Уэлман проявляет к девочке интерес, помогает ей получить образование и заботится о ее будущем. Она считала, что будет лучше, если Мэри никогда не узнает правды. Миссис Уэлман дала нам значительную сумму денег; но я бы помогла ей и без этого. С Бобом мы живем дружно, но он так и не полюбил Мэри. Я за всю жизнь никому и словом не обмолвилась про то, как оно все было на самом деле. Однако на тот случай, если я умру, пишу истинную правду, чтобы снять с души грех.

Элиза Джерард

(урожденная Элиза Райли)».

Эркуль Пуаро глубоко вздохнул и сложил письмо.

– Что вы собираетесь делать с этим? – встревоженно спросила Хопкинс. – Теперь никого из них не осталось в живых. Стоит ли ворошить прошлое? Миссис Уэлман все очень уважали, никогда не слышали о ней ни одного дурного слова. Вытаскивать на свет божий эту старую историю – просто жестоко! И в отношении Мэри – тоже. Она была славной девушкой. Зачем кому-то знать, что она была незаконнорожденной. Пусть мертвые спокойно спят в своих могилах – вот что я скажу!

– Нужно подумать и о живых, – заметил Пуаро.

– Но это же не имеет никакого отношения к убийству, – возразила сестра Хопкинс.

– Я в этом совсем не уверен, – с сумрачным видом сказал Пуаро и направился к двери.

Когда он ушел, сестра Хопкинс долго смотрела ему вслед, открыв от изумления рот.

Пройдя некоторое расстояние, Пуаро вдруг услышал за спиной чьи-то нерешительные шаги. Обернувшись, он увидел Хорлика, юного садовника из Хантербери. Тот смущенно теребил в руках свою кепку.

– Простите, сэр. Не могу ли я с вами поговорить? – Голос Хорлика от волнения срывался.

– Разумеется. В чем дело?

Парень еще яростнее стал мять кепку.

Отведя глаза в сторону, он смущенно выдавил:

– Я насчет той машины.

– Машины, которая в то утро стояла у задних ворот?

– Да, сэр. Доктор Лорд сказал сегодня, что это была не его машина, – но это была точно его машина, сэр.

– Вы уверены?

– Да, сэр. Я по номеру ее узнал – эм, эс, эс, два, ноль, два, два. Одни двойки. Этот номер вся деревня знает. Мы даже прозвали его машину «мисс Два-два»!

В глазах Пуаро мелькнула лукавая усмешка.

– Но доктор Лорд утверждает, что в то утро находился в Уитенбери.

– Да, сэр, – с несчастным видом сказал Хорлик. – Я слышал, как он это говорил. Но машина-то была его, сэр... Могу поклясться!

– Благодарю вас, Хорлик, – мягко проговорил Пуаро, – возможно, вам еще придется это сделать...

Часть третья

Глава 1

1

Было ли в зале суда слишком жарко? Или слишком холодно? Этого Элино́р Карлайл понять не могла. Ее то бросало в жар, то начинал бить озноб.

Она не слышала окончания речи обвинителя, целиком погрузившись в прошлое... перед ней вновь неспешной чередой проплыли все события, начиная с того дня, когда пришло то проклятое письмо, и до того момента, когда гладко выбритый полицейский офицер, отвратительно четко выговаривая каждое слово, произнес:

«Вы Элино́р Кэ́трин Карлайл? У меня имеется ордер на ваш арест по обвинению в убийстве Мэри Джерард посредством отравления, совершенном двадцать седьмого июля сего года. Обязан вас предупредить: все сказанное вами будет зафиксировано в протоколе и может быть использовано в качестве доказательства во время судебного разбирательства».

Как пугающе быстро он все это отчеканил, ни разу не запнувшись... Она тогда сразу почувствовала, что попала в отлаженную, хорошо смазанную машину – бесчеловечную, бесстрастную.

И вот теперь она была здесь, на скамье подсудимых, выставленная на всеобщее обозрение, и сотни глаз, устремленных на нее, наслаждались этим зрелищем, и в них светилось торжество.

Только присяжные заседатели не смотрели на нее. Наоборот, старательно отводили глаза в сторону, и вид у них был смущенный... «Это потому, что... уже скоро... они уже знают, какой вынесут приговор...» – думала Элино́р.

2

Свидетельские показания дает доктор Лорд. Неужели это тот самый Питер Лорд, веснушчатый, энергичный молодой врач, который был по отношению к ней таким добрым и дружелюбным там, в Хантербери? Сейчас он держался с безупречной официальностью. Истинный

профессионал. Его ответы звучали размеренно и монотонно: его вызвали по телефону в Хантербери-холл слишком поздно – уже ничего нельзя было сделать; Мэри Джерард скончалась через несколько минут после его прибытия; смерть последовала в результате отравления морфином. Случай крайне нетипичный – скоротечная форма.

Сэр Эдвин Балмер поднялся, чтобы приступить к перекрестному допросу.

– Вы были лечащим врачом покойной миссис Уэлман?

– Да.

– Во время ваших посещений Хантербери в июне текущего года приходилось ли вам видеть вместе обвиняемую и Мэри Джерард?

– Несколько раз.

– Что вы можете сказать об отношении обвиняемой к Мэри Джерард?

– Оно было в высшей степени любезным, и любезность эта была вполне искренней.

С чуть пренебрежительной улыбкой сэр Эдвин Балмер спросил:

– И вы ни разу не замечали каких-либо признаков ненависти, вызванной ревностью, о которой мы здесь так много слышали?

– Нет, – твердо ответил Питер Лорд.

«Но ведь он замечал... он видел, – думала Элинора, – он солгал ради меня. Хотя все понимал...»

Питера Лорда сменил полицейский врач. Его показания заняли больше времени и были более подробными. Смерть наступила в результате отравления морфином, скоротечная форма... Не мог бы доктор уточнить, что означает этот термин? Ну конечно... Он с видимым удовольствием дал пояснения: смерть в результате отравления морфином может наступать по-разному. Чаще всего морфин вызывает сильное возбуждение, за которым следует сонливость и гипнотическое состояние, при этом зрачки суживаются. Реже встречается «скоротечная» форма, как ее называют французы. В этих случаях человек погружается в глубокий сон, вслед за которым очень быстро – примерно через десять минут – наступает смерть; зрачки при этом обычно бывают расширены...

В заседании суда был сделан перерыв, потом слушание дела возобновилось. Несколько часов длились показания судебно-медицинского эксперта.

Доктор Алан Гарсиа, известный специалист по судебной медицине, сыпал научными терминами и со вкусом повествовал о содержимом желудка: хлеб, рыбный паштет, чай, морфин. Далее следовала очередная порция научных терминов и цифр, преимущественно десятичные дроби... Доза, принятая покойной, предположительно составляла около четырех гран^[32]. Смертельная доза не превышает одного грана. Снова поднялся корректнейший сэр Эдвин.

– Я хотел бы получить полную ясность. Вы не обнаружили в желудке ничего, кроме хлеба, масла, рыбного паштета, чая и морфина? Так не было никаких других пищевых продуктов?

– Никаких.

– Это означает, что покойная довольно продолжительное время не ела ничего, кроме сандвичей и чая?

– Именно так.

– Удалось ли вам установить, в какую конкретную субстанцию был введен морфин?

– Не вполне понял ваш вопрос.

– Сейчас уточню. Морфин мог быть введен в рыбный паштет, или в хлеб, или в масло, намазанное на хлеб, или в чай, или в молоко, которое добавляли в чай?

– Разумеется.

– Есть ли какие-либо доказательства того, что морфин содержался именно в рыбном паштете, а не в прочих продуктах?

– Нет.

– Фактически морфин мог быть также принят отдельно, иначе говоря, вне зависимости от прочих ингредиентов. Его можно было бы просто проглотить в виде таблетки?

– Да, разумеется.

Сэр Эдвин сел.

Перекрестный допрос продолжил сэр Самьюэл Эттенбери.

– Тем не менее вы полагаете, что, независимо от способа введения морфина, он был принят одновременно с другими продуктами и напитками?

– Да.

– Благодарю вас.

Инспектор Брилл скороговоркой отбарабанил присягу. Он стоял навтыжку, суровый и невозмутимый, с привычной четкостью излагая свои показания.

– Был вызван в дом... Обвиняемая сказала: «Это, вероятно, отравление недоброкачественным рыбным паштетом»... произвел обыск... одна баночка из-под рыбного паштета, вымытая, стояла на сушилке в буфетной... другая наполовину заполненная... продолжил обыск кухни...

– Что именно вы нашли?

– В щели позади стола, между досками пола, я нашел маленький клочок бумаги.

Клочок был передан для осмотра присяжным.

– Как, по-вашему, что это?

– Обрывок этикетки... такие наклеиваются на стеклянные трубочки с морфином.

Неторопливо поднимается адвокат.

– Вы обнаружили этот клочок в щели на полу?

– Да.

– Это обрывок этикетки?

– Да.

– Удалось ли вам найти остальную часть этикетки?

– Нет.

– Не нашли ли вы какой-нибудь стеклянной трубочки или бутылочки, на которой могла быть наклеена эта этикетка?

– Нет.

– Как выглядел этот обрывок, когда вы его нашли? Он был чистым или грязным?

– Он был совершенно свежий.

– Что вы имеете в виду, говоря «совершенно свежий»?

– На нем было немного пыли, края были необтрепаны, и бумага совсем не пожелтела.

– Не мог ли он находиться там продолжительное время?

– Нет, он попал туда совсем недавно.

– Значит, вы считаете, что он попал туда в тот самый день, когда вы его обнаружили, а не раньше?

– Да.

Сэр Эдвин, ворча, опустился на место.

На свидетельском месте – сестра Хопкинс. Ее красное лицо дышит самодовольством.

«...Все равно, – думала Элинора, – эта назойливая Хопкинс не наводит такого ужаса, как инспектор Брилл». Именно отсутствие у инспектора каких-либо эмоций заставляло ее буквально цепенеть от страха. Так явственно ощущалось, что он часть гигантской машины! А у сестры Хопкинс нет-нет да и прорывались какие-то чувства, пристрастия.

– Ваше имя Джесси Хопкинс?

– Да.

– Вы районная медицинская сестра^[33] и проживаете по адресу Роуз-Коттедж, Хантербери?

– Да.

– Где вы находились двадцать восьмого июня нынешнего года?

– Я была в Хантербери-холле.

– Вы были приглашены туда?

– Да. У миссис Уэлман случился удар... второй. Я пришла помочь сестре О'Брайен, пока не найдут вторую сиделку.

– Вы брали с собой чемоданчик с лекарствами?

– Да.

– Расскажите присяжным заседателям, что именно в нем находилось.

– Бинты и прочие перевязочные материалы, шприц для инъекций и некоторые лекарства, в том числе трубочка с гидрохлоридом морфина.

– С какой целью вы взяли с собой морфин?

– Одной из пациенток в деревне прописаны инъекции, которые нужно делать утром и вечером.

– Сколько морфина было в трубочке?

– Двадцать таблеток, в каждой из которых по полграмма гидрохлорида морфина.

– Где находился ваш чемоданчик?

– Я оставила его в холле.

– Это было вечером двадцать восьмого июня. Когда вы открыли его?

– На следующее утро, около девяти часов, как раз перед уходом.

– Из чемоданчика что-нибудь исчезло?

– Трубочка с морфином.

– Вы заявили о пропаже?

– Я сказала об этом сестре О'Брайен – это сиделка, которая ухаживала за больной.

– Чемоданчик был оставлен вами в холле, через который то и дело обычно проходили люди?

– Да.

Сэр Самьюэл сделал паузу, а потом спросил:

– Вы были близко знакомы с умершей?

– Да.

– Что вы можете о ней сказать?

– Она была милой... и порядочной девушкой.

– Она была жизнерадостным человеком?

– Вполне.

– Не было ли у нее, на ваш взгляд, каких-либо неприятностей?

– Нет.

– Не была ли Мэри Джерард чем-либо обеспокоена перед смертью? Может, она тревожилась о своем будущем?

– Нет.

– У нее не было причин для самоубийства?

– Ни малейших.

Оно продолжалось все дальше и дальше, это убийственное для Элинор повествование. Как сестра Хопкинс сопровождала Мэри в сторожку, как появилась Элинор в возбужденном состоянии, как она пригласила их на сэндвичи, как блюдо было предложено сначала Мэри. Как Элинор попросила помочь ей вымыть посуду, а потом предложила сестре Хопкинс подняться с ней наверх, чтобы разобрать вдвоем вещи тети...

Рассказ часто прерывался замечаниями и возражениями со стороны сэра Эдвина Балмера.

«Да, все это правда... и она сама этому верит, – думала Элинор. – Она убеждена, что это сделала я. И каждое ее слово – правда, вот что самое ужасное. Все это правда».

Элинор еще раз оглядела зал суда и увидела лицо Эркюля Пуаро, глядевшего на нее задумчиво и... почти ласково. Он много чего знает и видит то, чего другие не видят...

Кусочек картона с наклеенным на него обрывком этикетки был предъявлен свидетельнице.

– Вам известно, что это такое?

– Это обрывок этикетки.

– Не могли бы вы сказать присяжным, какой именно этикетки?

– Конечно... Это кусочек этикетки со стеклянной трубочки, в таких выпускают таблетки для подкожных инъекций. Таблетки морфина по полграну, вроде тех, которые у меня пропали.

– Вы в этом уверены?

– Конечно, уверена. Это с моей трубочки.

– Есть ли на ней какая-нибудь особая метка, которая позволила бы вам убедиться, что это этикетка с потерянной вами трубочки? – спросил судья.

– Нет, милорд, но она, должно быть, с той самой трубочки.

– То есть фактически вы можете лишь утверждать, что она с трубочки, похожей на вашу?

– Ну да, именно это я и имею в виду.

В заседании суда объявляется перерыв.

Глава 2

1

Заседание продолжилось на следующий день. Перекрестный допрос вел сэр Эдвин Балмер. Теперь от его благодушия не осталось и следа. Он резко спросил:

– Я хочу уточнить насчет этого чемоданчика, о котором мы здесь так много слышали: двадцать восьмого июня он был оставлен в главном холле Хантербери и пролежал там всю ночь?

– Да, – подтвердила сестра Хопкинс.

– Довольно безответственный поступок, не так ли?

Сестра Хопкинс вспыхнула.

– Да, я признаю это.

– Это что, ваша привычка – оставлять опасные лекарства там, где к ним может иметь доступ кто угодно?

– Нет, конечно нет.

– Ах нет? Но в данном случае вы поступили именно так?

– Да.

– И практически любой человек, находившийся тогда в доме, мог при желании взять морфин. Не так ли?

– Наверное, так.

– Никаких «наверное»! Да или нет?

– Ну да.

– Значит, Элинора Карлайл была не единственной, кто мог его взять? Кто-нибудь из слуг. Или доктор Лорд. Или мистер Родерик Уэлман. Или сестра О'Брайен. Или сама Мэри Джерард.

– Пожалуй, так... да.

– «Пожалуй» или «да»?

– Да.

– Кому-нибудь было известно, что в вашем чемоданчике есть морфин?

– Не знаю.

– Вы говорили о нем кому-нибудь?

– Нет.

– Следовательно, мисс Карлайл не могла знать о том, что там был морфин?

- Она могла заглянуть туда и увидеть.
  - Однако это маловероятно, не так ли?
  - Не знаю.
  - Но в доме находились люди, которые, в отличие от мисс Карлайл, наверняка знали о морфине. Например, доктор Лорд. Ведь вы делали инъекции морфина по его указанию?
  - Именно так.
  - Мэри Джерард тоже знала, что у вас там морфин?
  - Нет, не знала.
  - Но ведь она часто бывала у вас в коттедже?
  - Нет, не сказала бы.
  - И все-таки я полагаю, что она бывала там довольно часто и скорее, чем кто-либо другой в доме, могла догадаться о том, что у вас в чемоданчике имеется морфин.
  - Я не могу с этим согласиться.
- Сэр Эдвард сделал паузу и продолжил:
- Вы сказали сестре О'Брайен о пропаже морфина?
  - Да.
  - Напоминаю вам, что вы на самом деле сказали: «Я оставила морфин дома. Теперь придется за ним возвращаться».
  - Нет, я так не говорила.
  - И не высказывали предположение, что морфин, вероятно, остался на каминной доске в вашем коттедже?
  - Ну, когда я не смогла его найти, то подумала, что, должно быть, положила туда.
  - То есть вы не знали точно, где был морфин?
  - Нет, знала. Я положила его в чемоданчик.
  - В таком случае почему утром двадцать девятого июня вы высказали предположение, что оставили его дома?
  - Потому что подумала, что могла так сделать.
  - Вынужден заметить, что вы весьма безответственный человек.
  - Это неправда.
  - И в своих высказываниях вы также довольно небрежны, не так ли?
  - Ничего подобного. Я очень ответственно отношусь к своим словам.
  - Вы говорили о том, что укололись о шип розового куста в день смерти Мэри Джерард, двадцать седьмого июля?
  - Не понимаю, какое это имеет отношение к делу?
  - Это имеет отношение к делу, сэр Эдвин? – спросил судья.
  - Да, милорд, это важный элемент защиты, и я намерен пригласить

свидетелей, чтобы доказать, что это заявление было ложным.

Он снова принялся задавать вопросы свидетельнице:

– Вы по-прежнему утверждаете, что двадцать седьмого июля укололи запястье о розовый куст?

– Да! – Тон сестры Хопкинс стал вызывающим.

– Когда это произошло?

– Это случилось утром, когда мы выходили из сторожки и направлялись к дому.

– А что это был за куст? – с недоверием спросил сэр Эдвин.

– Если точно, это был не совсем куст. Это были выющиеся розы с алыми цветами, которые растут около сторожки.

– Вы уверены в этом?

– Совершенно уверена.

Сэр Эдвин сделал паузу, а затем спросил:

– Вы по-прежнему настаиваете на том, что морфин находился у вас в чемоданчике, когда вы двадцать восьмого июня пришли в Хантербери?

– Да, настаиваю. Он был со мной.

– Ну а если сестра О'Брайен выступит в качестве свидетеля и подтвердит под присягой, что вы сказали, что, возможно, оставили его дома?

– Он был у меня в чемоданчике. Я в этом уверена.

Сэр Эдвин вздохнул.

– И вас не встревожила пропажа морфина?

– Меня? Да нет.

– Значит, вас совершенно не смутил тот факт, что пропала большая доза смертельно опасного лекарства?

– Я ведь не думала, что его кто-то взял!

– Понятно. Вы просто в тот момент не могли вспомнить, что вы с ним сделали?

– Ничего подобного. Морфин был в моем чемоданчике.

– Двадцать таблеток по полграмма, то есть десять гран морфина! Этого достаточно, чтобы умертвить нескольких людей, не так ли?

– Да.

– А вас это не встревожило... Вы ведь даже не заявили о пропаже?

– Я думала, что он найдется.

– Обращаю ваше внимание на то, что, если морфин у вас действительно пропал, вы были обязаны официально заявить о пропаже. Ответственные леди поступают именно так.

Сестра Хопкинс, лицо которой покраснелось еще сильнее, сказала:

– Ну а я этого не сделала!

– Преступная небрежность! Вы, по-видимому, не понимаете, что медсестра обязана быть предельно аккуратной. И часто вам приходилось терять опасные лекарства?

– Прежде этого никогда не случалось.

Допрос продолжался еще несколько минут. Для такого мастера своего дела, как сэр Эдвин, сестра Хопкинс – суеющая, с покрасневшим лицом, то и дело противоречащая сама себе – была легкой добычей.

– Это верно, что в четверг, шестого июля, покойная Мэри Джерард написала завещание?

– Да.

– Почему она это сделала?

– Видимо, ей показалось, что это необходимо. И видите, как в воду глядела.

– Вы уверены, что за этим поступком не скрывалось подавленное состояние или неуверенность в будущем?

– Чушь!

– Однако то, что она вдруг решила написать завещание, свидетельствует о том, что она размышляла о смерти.

– Ничего подобного. Просто она считала, что это необходимо сделать.

– Взгляните. Это то самое завещание? Подписано Мэри Джерард и свидетелями – Эмили Биггс и Роджером Уэйдом, приказчиками из магазина готовой одежды. Покойная завещала все свое имущество Мэри Райли, сестре Элизы Райли?

– Совершенно верно.

Завещание было передано присяжным заседателям.

– Как вы думаете, имела Мэри Джерард какую-нибудь собственность, которую могла бы оставить по завещанию?

– В то время у нее ничего не было.

– Но вскоре она собиралась что-то получить?

– Да.

– Вы подтверждаете тот факт, что мисс Элинон Карлайл передала Мэри значительную денежную сумму – две тысячи фунтов?

– Да.

– Мисс Карлайл не была обязана это делать? Это объяснялось лишь ее великодушным порывом?

– Да, она поступила так по доброй воле.

– Но ведь если бы она ненавидела Мэри, о чем тут неоднократно высказывались предположения, она не стала бы добровольно передавать ей

столь крупную сумму денег?

– Возможно, и так.

– Что вы имеете в виду, отвечая таким образом?

– Ничего.

– Вот именно. А теперь такой вопрос: слышали ли вы какие-нибудь сплетни о Мэри Джерард и мистере Родерике Уэлмане?

– Он был влюблен в нее.

– У вас есть тому доказательства?

– Я просто знала об этом, вот и все.

– О, вы просто знали об этом! Боюсь, что это звучит не очень убедительно для присяжных заседателей. Вы как-то сказали, что Мэри не хотела иметь с ним дела, потому что он был помолвлен с миссис Элино́р, и что то же самое она повторила ему в Лондоне?

– Мэри сама мне об этом рассказала.

Перекрестный допрос продолжил сэр Самьюэл Эттенбери:

– В тот момент, когда Мэри Джерард обсуждала с вами формулировку завещания, заглядывала ли в окно обвиняемая?

– Да, заглядывала.

– Что она сказала?

– Она сказала: «Так ты пишешь завещание, Мэри? Это смешно!» И стала хохотать. Хохотала и хохотала. И по-моему, – не преминула добавить свидетельница, – именно в тот момент ей в голову пришла мысль об убийстве. О том, чтобы избавиться от Мэри! Да, именно с этой минуты она стала лелеять в своем сердце убийство!

– Извольте отвечать на вопросы, которые вам задают, – резко проговорил судья. – Последнюю часть ответа следует вычеркнуть.

«Вот удивительно! – подумала Элино́р. – Как только кто-нибудь говорит правду, они это вычеркивают...» Она еле сдерживала истерический хохот.

На свидетельском месте – сестра О'Брайен.

– Заявляла ли вам о чем-нибудь сестра Хопкинс утром двадцать девятого июня?

– Да. Она сказала мне, что из ее чемоданчика исчезла трубочка с гидрохлоридом морфина.

– Что вы предприняли?

– Помогала ей искать трубочку.
– Но вы не смогли найти ее?
– Нет.
– Вы знали, что чемоданчик оставался в холле всю ночь?
– Да.
– Мистер Уэлман и обвиняемая присутствовали в доме, когда умерла миссис Уэлман, то есть в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое июня?
– Да.
– Расскажите нам об эпизоде, свидетельницей которого вы были двадцать девятого июня, наутро после смерти миссис Уэлман.
– Я видела Родерика Уэлмана вместе с Мэри Джерард. Он говорил, что любит ее, и пытался ее поцеловать.
– В то время он был помолвлен с обвиняемой?
– Да.
– Что произошло потом?
– Мэри сказала, что ему должно быть стыдно говорить об этом, ведь он помолвлен с мисс Элинор!
– Как, по-вашему, относилась обвиняемая к Мэри Джерард?
– Она ее ненавидела. Она иногда так смотрела ей вслед, будто готова была уничтожить ее.
Вскочил сэр Эдвин.
Элинор подумала: «Зачем они так упорно спорят об этом? Разве это имеет какое-нибудь значение?»
Сэр Эдвин приступил к перекрестному допросу:
– Вы подтверждаете, что сестра Хопкинс сказала вам, что, вероятно, оставила морфин дома?
– Видите ли, дело было так: после...
– Будьте добры ответить на мой вопрос: говорила ли она, что, вероятно, оставила морфин дома?
– Да.
– И она действительно не была тогда этим встревожена?
– Нет, тогда не была. Потому что думала, что оставила морфин дома. Потому и не беспокоилась.
– Ей и в голову не могло прийти, что кто-нибудь взял его?
– Именно так.
– Она что-то начала подозревать только после того, как Мэри Джерард умерла от отравления морфином?
Тут вмешался судья:

– Мне кажется, сэр Эдвин, что вы уже спрашивали об этом у предыдущей свидетельницы.

– Как будет угодно вашей светлости... А теперь скажите, как относилась обвиняемая к Мэри Джерард, бывали ли между ними какие-нибудь ссоры?

– Нет, ссор не бывало.

– Мисс Карлайл всегда доброжелательно относилась к девушке?

– Да. Только вот смотрела на нее как-то странно.

– Да-да-да. Но нам нужны факты, а не эмоции, мало ли кто как на кого смотрит... Вы, по-видимому, ирландка?

– Да.

– А у ирландцев довольно живое воображение, не так ли?

– Все, что я вам сказала, – истинная правда! – с чувством воскликнула сестра О'Брайен.

3

Свидетельские показания дает мистер Эббот, бакалейщик. Он растерян, не уверен в себе (но и слегка взволнован ощущениями собственной значимости). Его показания были краткими. Были куплены две баночки рыбного паштета. Обвиняемая сказала: «Ведь бывали случаи отравления, да?» Она показалась ему возбужденной и немного странной.

Перекрестного допроса не последовало.

Вступительная речь защитника:

– Господа присяжные заседатели, я мог бы с полным на то основанием сразу заявить, что обвинения, предъявленные моей подзащитной, несостоятельны, и не вдаваться в дальнейшие объяснения. Бремя доказательства лежит на представителях обвинения, но, по моему мнению – и я уверен, что вы со мной согласитесь, – пока еще вообще ничего не доказано! Обвинитель утверждает, что Элино́р Карлайл, завладев морфи́ном (который с тем же успехом мог взять любой другой из находившихся в доме, к тому же весьма вероятно, что морфина в доме вообще не было), подсыпает его Мэ́ри Дже́рард. Заметьте: обвинение опирается *исключительно* на вероятность. Была предпринята попытка доказать наличие мотива, но я со всей ответственностью утверждаю, что именно этого представителям обвинения сделать не удалось. Поскольку, господа присяжные заседатели, мотива не существует! Обвинение пыталось выдвинуть в качестве мотива расторгнутую помолвку. Вы только вдумайтесь: расторгнутая помолвка! Если всякую расторгнутую помолвку считать мотивом для убийства, то, спрашивается, почему мы ежедневно не лицезрим горы трупов? А данная помолвка, заметьте, не была следствием страстной любви: в основе ее лежали главным образом семейные интересы. Мисс Карлайл и мистер Уэлман вместе росли, они всегда с симпатией относились друг к другу, и со временем их отношения перешли в более теплую дружескую привязанность. Я намерен доказать, что их соединяло скорее дружеское, но отнюдь не страстное чувство.

«О, Родди... Родди. Вовсе не страстное чувство?»

Более того, помолвка была расторгнута по инициативе обвиняемой, а не мистера Уэлмана. Я утверждаю, что помолвка Элино́р Карлайл с Родериком Уэлманом состоялась главным образом для того, чтобы сделать приятное старой миссис Уэлман. Когда та умерла, обе стороны осознали, что их чувства не настолько сильны, чтобы стать основой для вступления в брак. Однако они остались хорошими друзьями. К тому же Элино́р Карлайл, унаследовавшая состояние своей тетушки, по доброте душевной намеревалась выделить Мэ́ри Дже́рард значительную сумму денег. Именно

той девушке, в отравлении которой ее обвиняют! Это же суцая нелепость. Единственное, что можно истолковать против Элинор Карлайл, так это обстоятельства, при которых произошло отравление.

Обвинитель заявил следующее: «Ни у кого, кроме Элинор Карлайл, не было возможности совершить убийство Мэри Джерард». Исходя из этого, обвинению пришлось срочно изыскивать подходящий мотив. Но, как я уже говорил, обвиняющей стороне не удалось его найти, ибо никакого мотива не существовало.

Далее посмотрим, насколько справедливо утверждение, что убить Мэри Джерард не мог никто, кроме Элинор Карлайл.

Во-первых, не исключено, что Мэри Джерард совершила самоубийство. Во-вторых, кто-то мог отравить сандвичи, пока Элинор Карлайл ходила в сторожку. Возможен еще и третий вариант. Одно из основных правил юриспруденции гласит: если существует альтернативная версия, которая вполне вероятна и доказуема и не противоречит свидетельским показаниям, обвиняемого следует оправдать. Я намереваюсь доказать, что существовало еще одно лицо, которое имело не только равную с обвиняемой возможность отравить Мэри Джерард, но и значительно более серьезный мотив для того, чтобы сделать это. У меня имеются факты, доказывающие, что есть еще один человек, который имел доступ к морфину и у которого были весьма серьезные основания для убийства Мэри Джерард, равно как и факты, подтверждающие, что упомянутый мной человек имел равную с обвиняемой возможность это сделать. Утверждаю, что ни один суд в мире не обвинит в убийстве мою подзащитную, так как против нее нет никаких улик, а обвинение опирается исключительно на возможность совершения ею преступления, тогда как вполне доказуемо, что у другого человека имелась не только такая же возможность, но и чрезвычайно убедительный мотив. Я намерен вызвать в суд свидетелей, способных доказать, что один из опрошенных уже свидетелей обвинения дал заведомо ложные показания. Но сначала я предоставлю слово обвиняемой, чтобы она сама могла рассказать вам эту историю и чтобы вы убедились, насколько необоснованны предъявленные ей обвинения.

Она приняла присягу и тихим голосом стала отвечать на вопросы сэра Эдвина. Судья подался вперед, попросил говорить громче...

Сэр Эдвин мягким и ободряющим голосом задавал именно те вопросы, ответы на которые она давно для себя отрепетировала.

– Вы любили Родерика Уэлмана?

– Очень любила. Он был мне как брат... или кузен. Я всегда считала его своим кузеном. Помолвка... была логическим продолжением наших отношений... это так удобно – вступить в брак с человеком, которого знаешь всю свою жизнь...

– Наверное, ваши отношения нельзя было назвать страстной любовью?
«Нельзя? О Родди!»

– Пожалуй... видите ли, мы слишком хорошо знали друг друга...

– После смерти миссис Уэлман не возникло ли между вами некоторого отчуждения?

– Да, возникло.

– Чем вы это объясняете?

– Я думаю, что отчасти причиной были деньги.

– Деньги?

– Да. Родерик чувствовал себя неловко. Он боялся, что окружающие могут подумать, будто он женится на мне ради денег...

– Помолвка была расторгнута не из-за Мэри Джерард?

– Мне казалось, что Родерик увлекся ею, но я не верила, что это серьезно.

– Вас очень огорчило бы, окажись его увлечение серьезным?

– О нет. Я просто сочла бы, что это не подходящая для него партия, только и всего.

– Теперь ответьте мне, мисс Карлайл: брали ли вы морфин из чемоданчика сестры Хопкинс двадцать восьмого июня?

– Не брала.

– Не было ли у вас какого-то другого морфина?

– Не было.

– Вы знали, что ваша тетя не сделала завещания?

– Нет. Меня это очень удивило.

– Не показалось ли вам, что вечером двадцать восьмого июня ваша тетя перед смертью пыталась дать вам какое-то поручение?

– Я поняла, что она не сделала никаких распоряжений относительно Мэри Джерард и хотела это как-то исправить.

– И для того, чтобы выполнить ее волю, вы были готовы выделить девушке значительную денежную сумму?

– Да, я хотела выполнить волю тети Лоры. И, кроме того, была благодарна Мэри за ту доброту, которую она проявляла в отношении моей

тети.

– Вы приехали из Лондона в Мейденсфорд двадцать шестого июля и остановились в гостинице «Королевский герб»?

– Да.

– Какова была цель вашего приезда?

– Я продала дом, а человек, который его купил, хотел вступить в права владения как можно скорее. Я должна была разобрать личные вещи тети и вообще уладить все дела.

– По пути в Хантербери-холл двадцать седьмого июля вы покупали какие-нибудь продукты?

– Да. Подумала, что проще перекусить на скорую руку, чем возвращаться на ленч в деревню.

– А затем вы направились в дом и разбирали там личные вещи вашей тетушки?

– Да.

– А после этого?

– Спустилась в буфетную и приготовила сэндвичи. А потом пошла в сторожку и пригласила районную сестру Хопкинс и Мэри Джерард составить мне компанию.

– Почему вы это сделали?

– Хотела избавить их от необходимости идти по жаре в деревню, ведь им пришлось бы снова возвращаться в сторожку.

– Что ж, вполне естественный порыв, вы проявили похвальное великодушие. Они приняли приглашение?

– Да, они пошли вместе со мной.

– Где находились приготовленные вами сэндвичи?

– Я оставила блюдо с сэндвичами в буфетной.

– Там было открыто окно?

– Да.

– Кто-нибудь мог проникнуть в буфетную в ваше отсутствие?

– Разумеется.

– Если бы кто-нибудь наблюдал за вами снаружи, когда вы готовили сэндвичи, что он мог бы подумать?

– Мне кажется, он подумал бы, что я собираюсь устроить ленч, перекусить.

– Кто-нибудь мог знать, что вместе с вами сэндвичи будет есть кто-то еще?

– Нет. Мысль пригласить Мэри и Хопкинс пришла мне в голову только тогда, когда я увидела, что сэндвичей получилось очень много.

– Если бы кто-нибудь проник в буфетную в ваше отсутствие и подсыпал морфин в один из них, означало бы это, что отравить намеревались вас, а не кого-то еще?

– Видимо, так.

– Что происходило после того, как вы все вместе вошли в дом?

– Мы пошли в малую гостиную. Я принесла сандвичи и предложила своим гостям.

– Вы что-нибудь пили с сандвичами?

– Я пила воду. На столе было пиво, но сестра Хопкинс и Мэри предпочли чай. Сестра Хопкинс пошла в буфетную, чтобы его заварить. Она принесла чайник на подносе, а Мэри разлила в чашки.

– Вы сами пили чай?

– Нет.

– Но Мэри Джерард и сестра Хопкинс его пили?

– Да.

– Что случилось потом?

– Сестра Хопкинс вышла, чтобы выключить газовую плиту.

– И оставила вас наедине с Мэри Джерард?

– Да.

– Что было дальше?

– Несколько минут спустя я взяла поднос и блюдо из-под сандвичей и отнесла их в буфетную. Сестра Хопкинс была там. Мы вместе с ней вымыли посуду.

– Сестра Хопкинс в это время была без нарукавников?

– Да. Она мыла чашки, а я вытирала.

– Вы спросили ее насчет царапины на запястье? И что именно спросили?

– Я спросила, не занозила ли она чем-нибудь руку.

– Что она ответила?

– Она сказала: «Это шип с розового куста около сторожки. Надо бы пойти вытащить».

– Как она себя вела в этот момент?

– Мне показалось, что ей было жарко. Она вся обливалась потом, и лицо у нее было какого-то странного цвета – неестественно белое.

– Что произошло потом?

– Мы поднялись наверх, и она помогла мне разобраться с тетиними вещами.

– Когда вы снова спустились вниз?

– Примерно через час.

- Где находилась Мэри Джерард?
- Она все еще сидела в гостиной. Она тяжело дышала и была без сознания. Сестра Хопкинс велела мне срочно позвонить доктору. Он приехал как раз перед тем, как она умерла.
- Сэр Эдвин театрально расправил плечи:
- Мисс Карлайл, вы убили Мэри Джерард?
- «Теперь твоя реплика. Выше голову, смотреть прямо перед собой».*
- Нет!

3

Сэр Самьюэл Эттенбери. Сердце тяжело забилося. Вот, теперь она во власти врага! Теперь ей нечего рассчитывать на доброту и легкие вопросы, на которые она заранее знала ответы.

Однако он начал вполне мягко:

– Вы говорили нам, что были помолвлены с мистером Родериком Уэлманом?

– Да.

– Вы его любили?

– Очень любила.

– Я утверждаю, что вы страстно любили Родерика Уэлмана и безумно ревновали его, потому что он полюбил Мэри Джерард!

– Нет!

«Достаточно ли возмущенно прозвучало это „нет“?»

Сэр Самьюэл сказал с угрозой:

– Признайтесь, что вы умышленно хотели избавиться от этой девушки – надеясь, что Родерик Уэлман вернется к вам!

– Ничего подобного.

«Презрительно... несколько утомленно. Так будет убедительно».

Допрос продолжался. Это было как сон... страшный сон... ночной кошмар...

Вопрос за вопросом... ужасные, коварные вопросы... На одни она была готова ответить, другие застигали ее врасплох...

Помни свою роль! Нельзя позволить себе расслабиться, и нельзя честно признаться: «Да, я ее ненавидела... Да, я желала ей смерти... Да, все время, пока я нарезала сандвичи, я представляла себе, как она умирает...»

Главное, спокойствие и хладнокровие. Отвечать по возможности

кратко и без эмоций...

Бороться...

Отвоевывать каждый дюйм пути к спасению...

Наконец-то все закончилось... Этот ужасный человек с иудейским носом опускается в кресло. И вот уже добрый, вкрадчивый голос сэра Эдвина Балмера задает ей еще несколько вопросов. Легких, приятных вопросов, рассчитанных на то, чтобы рассеять любое неблагоприятное впечатление, которое она могла произвести во время перекрестного допроса...

Она вернулась на скамью подсудимых и стала вглядываться в лица присяжных заседателей...

4

Родди. Теперь он стоит на свидетельском месте, немного щурясь, и лицо его бледно от ненависти ко всем и вся. Почему-то он выглядит каким-то нереальным.

...Впрочем, ничего реального больше вообще не существует. Все втянуто в дьявольский круговорот. Черное становится белым, верх оказывается низом, а восток – западом... «И я уже не Элинон Карлайл, я – „обвиняемая“. И независимо от того, повесят меня или отпустят на свободу, ничто уже не будет таким, как прежде. Если бы было хоть что-то... хоть что-то надежное, за что можно было бы уцепиться...»

Может быть, это лицо Питера Лорда с его веснушками и с его потрясающей способностью быть таким же, как всегда...

...До какого пункта добрался сэр Эдвин, допрашивая Родди?

– Не скажете ли вы нам, каковы были чувства мисс Карлайл по отношению к вам?

Родди отвечал сдержанно и четко:

– Я назвал бы их глубокой привязанностью, но никак не страстной любовью.

– Вы считали свою помолвку удачной?

– О, вполне. У нас много общего.

– Мистер Уэлман, не скажете ли вы присяжным, почему все-таки была расторгнута ваша помолвка?

– Видите ли, после смерти миссис Уэлман нам пришлось столкнуться с некоторыми непредвиденными обстоятельствами. И мне не давала покоя мысль, что я женюсь на богатой женщине, будучи сам нищим. Фактически

помолвка была расторгнута по обоюдному согласию. Мы оба в какой-то мере ею тяготились.

– А теперь не расскажете ли нам, каковы были ваши отношения с Мэри Джерард?

«О Родди, бедный Родди! Как же тебе сейчас тяжело! Как же все это для тебя унижительно!»

– Я считал ее очень красивой.

– Вы были в нее влюблены?

– Немножко.

– Когда вы виделись с ней в последний раз?

– Дайте подумать. Это было пятого или шестого июля.

В голосе сэра Эдвина зазвучал металл:

– Мне кажется, что ваша последняя встреча состоялась позже.

– Нет, я был за границей... в Венеции и в Далмации.

– Когда вы возвратились в Англию?

– Как только получил телеграмму... Дайте подумать... по-моему, первого августа.

– А по-моему, вы были в Англии двадцать седьмого июля.

– Нет.

– Послушайте, мистер Уэлман, помните, что вы дали присягу. Разве отметки в вашем паспорте не подтверждают, что вы возвратились в Англию двадцать пятого июля и уехали снова в ночь на двадцать седьмое?

В голосе сэра Эдвина появилась чуть заметная угроза. Элинор нахмурила брови и неожиданно перенеслась в действительность. Зачем адвокат запугивает своего собственного свидетеля?

Родерик заметно побледнел. Воцарилось долгое молчание.

– Ну да, это так, – наконец с усилием произнес он.

– Вы виделись с Мэри Джерард двадцать пятого июля в ее лондонской квартире?

– Да.

– Вы просили ее выйти за вас замуж?

– Э... э... да.

– Что она ответила?

– Она мне отказала.

– Вы не богаты, мистер Уэлман?

– Нет.

– И у вас довольно большие долги?

– Какое вам до этого дело?

– Было ли вам известно, что мисс Карлайл в случае своей смерти

завещала все свои деньги вам?

– Впервые об этом слышу.

– Были ли вы в Мейденсфорде утром двадцать седьмого июля?

– Не был.

Сэр Эдвин сел. Слово взял прокурор.

– Вы утверждаете, что, по вашему мнению, обвиняемая не была в вас страстно влюблена?

– Именно так я и сказал.

– Вы благородный человек, мистер Уэлман?

– Не понимаю, что вы имеете в виду?

– Если леди страстно любит вас, а вы ее не любите, то считали бы вы своим долгом утаить от нее этот факт?

– Конечно нет.

– Где вы учились, мистер Уэлман?

– В Итоне^[34].

Сэр Самьюэл со спокойной улыбкой проговорил:

– У меня все.

5

Альфред Джеймс Уоргрейв.

– Вы занимаетесь выращиванием роз и проживаете в Эмсворте, Беркшир?^[35]

– Да.

– Вы приезжали в Мейденсфорд двадцатого октября, чтобы осмотреть розовый куст у сторожки в Хантербери-холле?

– Да.

– Можете ли вы дать описание этого растения?

– Это выющаяся роза сорта «Зефирен Друфен». Цветы алого цвета, обладают сильным ароматом. Не имеет шипов.

– Можно ли уколоться о стебель такой розы?

– никоим образом. Повторяю, это растение не имеет шипов.

Перекрестного допроса не последовало.

6

– Джеймс Артур Литтлдейл, вы профессиональный фармацевт и работаете в оптовой фармацевтической фирме «Дженкинс и Хейл»?

– Да.

– Не скажете ли нам, что это за обрывок бумаги?

Свидетелю передается вещественное доказательство.

– Это часть одной из наших этикеток.

– Какой именно?

– Этикетки, которая наклеивается на трубочки с таблетками для подкожных инъекций.

– Вы могли бы по этому обрывку точно определить, что за лекарство содержалось в трубочке, на которую была наклеена данная этикетка?

– Да. С полной уверенностью могу сказать, что трубочка, о которой идет речь, содержала таблетки гидрохлорида апоморфина для подкожных инъекций, одна двадцатая грана каждая.

– Не гидрохлорида морфина?

– Ни в коем случае.

– Почему?

– На таких этикетках слово «морфин» было бы напечатано с прописной буквы «М». Я рассмотрел под лупой то, что здесь осталось от буквы «м», – это часть строчной буквы «м», а не прописной.

– Позвольте, пожалуйста, присяжным воспользоваться вашей лупой и рассмотреть этот обрывок. У вас есть с собой экземпляры целых этикеток, чтобы показать, что вы имеете в виду?

Этикетки были переданы присяжным.

Сэр Эдвин продолжил допрос:

– Вы говорите, что это кусочек этикетки с трубочки, содержащей гидрохлорид апоморфина? Что это за лекарство?

– Его формула це семнадцать аш семнадцать эн о два. Это производное морфина, получаемое путем нагревания морфина вместе с раствором соляной кислоты в герметически закрытом сосуде. При этом морфин теряет одну молекулу воды.

– Каким свойством обладает апоморфин?

– Апоморфин является самым быстродействующим и наиболее эффективным – из всех ныне известных – рвотным средством. Он действует через несколько минут, – объяснил мистер Литтлдейл.

– Если кто-нибудь проглотил бы смертельную дозу морфина, а через несколько минут ввел бы себе шприцем дозу гидрохлорида апоморфина, то каков был бы результат?

– Почти немедленно последовала бы рвота, и морфин был бы выведен

из организма.

– Ну а если бы два человека съели содержащие морфин сэндвичи или выпили бы отравленный морфином чай из одного и того же чайника, а затем один из них ввел бы себе подкожно дозу гидрохлорида апоморфина, каков был бы результат?

– У того человека, который сделал укол апоморфина, отравленные пища и питье были бы немедленно удалены из организма посредством рвоты.

– И этот человек не испытал бы потом никаких последствий отравления?

– Нет.

Неожиданно по залу прокатилась волна возбуждения, и судье пришлось призвать к порядку.

7

– Вы Амелия Мэри Седли и постоянно проживаете по адресу: Окленд^[36], Бунамба, Чарлз-стрит, 17?

– Да.

– Вы знаете миссис Дрейпер?

– Да, я знакома с ней более двадцати лет.

– Известна ли вам ее девичья фамилия?

– Да. Я была на ее свадьбе. Фамилия ее была Райли, а звали ее Мэри.

– Она уроженка Новой Зеландии?

– Нет, она приехала из Англии.

– Вы присутствовали на заседаниях суда с самого начала процесса?

– Да.

– Видели ли вы эту Мэри Райли... или Дрейпер... в зале суда?

– Да.

– Где?

– Она давала свидетельские показания.

– Под каким именем?

– Джесси Хопкинс.

– И вы абсолютно уверены, что Джесси Хопкинс является той женщиной, которую вы знали как Мэри Райли или Дрейпер?

– Да, я в этом совершенно уверена.

В последних рядах зала возникло легкое волнение.

– Если не считать сегодняшнего дня, когда вы в последний раз видели

Мэри Дрейпер?

– Пять лет назад, до того как она уехала в Англию.

Сэр Эдвин, обернувшись к прокурору, сказал с легким поклоном:

– Свидетельница в вашем распоряжении.

Сэр Самьюэл с немного растерянным лицом приступил к допросу:

– Я полагаю, миссис... Седли, что вы могли и ошибиться.

– Нет, я не ошиблась.

– Вас могло сбить с толку случайное сходство.

– Я достаточно хорошо знаю Мэри Дрейпер.

– Сестра Хопкинс – районная медицинская сестра. У нее имеется диплом.

– Мэри Дрейпер и до замужества работала сестрой – в больнице.

– Вы отдаете себе отчет в том, что обвиняете свидетельницу Королевского суда в даче ложных показаний?

– Я отвечаю за свои слова.

8

– Эдуард Джон Маршалл, в течение нескольких лет вы проживали в Окленде, в Новой Зеландии. В данное же время проживаете в Дептфорде^[37], Рэнстрит, 14. Так?

– Все верно.

– Вы знаете Мэри Дрейпер?

– Я был знаком с ней несколько лет в Новой Зеландии.

– Вы видели ее сегодня в суде?

– Да. Она называла себя Хопкинс, но это была миссис Дрейпер, это точно.

Судья поднял голову и негромко, но отчетливо и резко произнес:

– Полагаю, было бы нелишне вновь пригласить сюда свидетельницу Джесси Хопкинс.

Последовала пауза, потом недоуменный шепот.

– Ваша честь, Джесси Хопкинс несколько минут назад покинула здание суда.

9

– Эркюль Пуаро!

Эркюль Пуаро прошел на свидетельское место, присягнул, подкрутил усы и, слегка склонив голову набок, стал ждать вопросов.

Он сообщил свое имя, адрес и профессию.

– Мосье Пуаро, вам знаком этот документ?

– Конечно.

– Каким образом он попал к вам в руки?

– Мне дала его районная сестра Хопкинс.

Сэр Эдвин сказал, обращаясь к судье:

– С вашего позволения, ваша светлость, я зачитаю его вслух, а затем можно передать его присяжным заседателям.

Глава 4

1

Заключительная речь защитника:

– Господа присяжные заседатели, теперь вся ответственность лежит на вас. От вашего решения зависит, покинет ли Элино́р Карлайл здание суда или останется под стражей. Если и теперь, после того как вами были выслушаны все свидетельские показания, вы по-прежнему убеждены в том, что Элино́р Карлайл отравила Мэри Джерард, ваш долг объявить ее виновной.

Но если вы сочтете, что такие же, а возможно, и более веские улики имеются против другого лица, то ваш долг состоит в том, чтобы освободить обвиняемую без промедления.

Вы, конечно, не могли не отметить, что факты, представленные по этому делу, первоначально выглядели совсем иначе.

Вчера, после весьма драматичных свидетельских показаний мосье Эркюля Пуаро, я допросил ряд других свидетелей, подтвердивших неопровержимыми доказательствами тот факт, что Мэри Джерард была незаконнорожденной дочерью Лоры Уэлман. Отсюда следует, что ближайшей кровной родственницей миссис Уэлман являлась не ее племянница Элино́р Карлайл, а ее незаконнорожденная дочь, которая носила имя Мэри Джерард, и значит, именно она унаследовала бы после смерти миссис Уэлман огромное состояние. Вот в чем, господа, первопричина всей ситуации. Мэри Джерард имела право получить в наследство примерно двести тысяч фунтов, но самой Мэри об этом не было известно. Она не подозревала также, кем в действительности была сестра Хопкинс. Вы можете подумать, господа, что у Мэри Райли, или Дрейпер, была какая-либо вполне допустимая законом причина изменить фамилию на Хопкинс. Но если так, то почему же она не объявила об этом открыто?

Нам известно лишь следующее: по настоянию сестры Хопкинс Мэри Джерард написала завещание, по которому все ее деньги должны были отойти «Мэри Райли, сестре Элизы Райли». Нам известно, что сестра Хопкинс в силу своей профессии имела доступ к морфину и апоморфину и была хорошо осведомлена об их свойствах. Более того, было доказано, что сестра Хопкинс солгала, сказав, что уколола руку шипом розового куста,

ибо указанное ею растение шипов не имеет. Но зачем ей было лгать, как не для того, чтобы спешно объяснить, откуда у нее на руке след от укола? На самом деле это был след от иглы шприца. Напомню также, что обвиняемая под присягой заявила, что, когда она вошла в буфетную, находившаяся там сестра Хопкинс просто обливалась потом и ее лицо было очень бледным. Вполне естественно, если учесть, что у нее только что был приступ сильной рвоты.

Я должен подчеркнуть еще один момент: если бы миссис Уэлман прожила еще сутки, она написала бы завещание; по всей вероятности, она завещала бы Мэри Джерард значительную сумму, но не оставила бы ей все состояние, поскольку миссис Уэлман была убеждена в том, что ее незаконнорожденная дочь будет счастливее, оставаясь в более привычной ей среде.

В мою задачу не входит предъявлять доказательства вины другого лица, и я упоминаю о них только лишь для того, чтобы показать, что это другое лицо имело такую же возможность и значительно более серьезный мотив для убийства.

Смею утверждать, господа присяжные заседатели, что, если учесть все эти обстоятельства, обвинение против Элинон Карлайл не имеет оснований.

2

Из заключительной речи судьи Беддингфилда:

— ...Вы должны быть безоговорочно убеждены в том, что именно Элинон Карлайл подмешала в пищу, предназначенную для Мэри Джерард, смертельную дозу морфина. Если же у вас есть сомнения, вы обязаны оправдать обвиняемую.

Обвинитель утверждает, что единственным человеком, который имел возможность дать яд Мэри Джерард, была обвиняемая. Защита стремилась доказать, что имелись и другие варианты. Выдвигалась версия, что Мэри Джерард совершила самоубийство, но единственным подтверждением этой версии был тот факт, что Мэри Джерард незадолго до своей смерти написала завещание. Не имеется ни малейших подтверждений того, что она находилась в подавленном состоянии или была чем-то сильно огорчена. Выдвигалось также предположение о том, что морфин мог быть подсыпан в сэндвичи неким неизвестным, который проник в буфетную в то время, когда Элинон Карлайл находилась в сторожке. В этой ситуации яд

предназначался бы для Элинон Карлайл и смерть Мэри Джерард была бы роковой случайностью. Имеется и третья альтернативная версия, предложенная защитой. Суть ее такова: другое лицо, присутствовавшее в гостиной, тоже имело возможность отравить Мэри Джерард, но в таком случае морфин был добавлен в чай, а не в сэндвичи. В поддержку этой версии защита вызвала свидетеля Литтлдейла, который показал под присягой, что обрывок, найденный в буфетной, был частью этикетки со стеклянной емкости, содержащей таблетки гидрохлорида апоморфина, очень эффективного рвотного средства. Вам были представлены образцы обеих этикеток, фигурирующих в деле. Полагаю, полиция допустила вопиющую халатность, не подвергнув найденный обрывок более тщательной проверке. В результате ею был сделан неправильный вывод – о том, что это часть этикетки с емкости, содержащей гидрохлорид морфина.

Свидетельница Хопкинс заявила, что уколола запястье о розовый куст возле сторожки. Свидетель Уоргрейв осмотрел этот куст и утверждает, что данный сорт характерен отсутствием шипов. Вам надлежит решить, каким образом на запястье сестры Хопкинс появилась отметина от укола и почему она солгала...

Если прокурор убедил вас в том, что именно обвиняемая, а не кто-нибудь другой, совершила это преступление, вы должны признать ее виновной.

Если же альтернативная версия, предложенная защитой, является, по вашему мнению, возможной и согласуется с представленными доказательствами, обвиняемая должна быть оправдана.

Я призываю вас тщательно обдумать приговор, руководствуясь только фактами, представленными вам. Я призываю вас проявить мужество и быть предельно ответственными.

Элинон вновь в зале суда.

Присяжные заседатели один за другим вошли в зал.

– Господа присяжные заседатели, вы согласовали свой вердикт?

– Да.

– Взгляните на обвиняемую и скажите, виновна она или невинна.

– Невинна.

Глава 5

Ее вывели через боковую дверь.

Она увидела лица приветствовавших ее людей... вот Родди... а вот детектив с огромными усами...

Но Элинор задержала свой взгляд на Питере Лорде:

– Я хочу уехать отсюда...

И очень скоро они сидели в плавно скользящем «Даймлере», быстро мчавшем их прочь из Лондона.

Питер Лорд молчал, и она наслаждалась благословенной тишиной.

С каждой минутой она уносилась все дальше и дальше.

Новая жизнь...

Вот то, чего она желала.

Новая жизнь.

Элинор заговорила первая:

– Я... я хочу уехать куда-нибудь в спокойное место... где не будет никаких... лиц.

Питер Лорд с невозмутимым видом ответил:

– Все уже устроено. Вы едете в санаторий. Спокойное место. Восхитительный сад. Там никто не будет вам докучать.

– Именно это мне и нужно, – сказала она со вздохом.

Он все понимает, потому что он врач, думала она. Он действительно понимал все... и не тревожил ее. Было так покойно сидеть рядом с ним и уноситься от всех этих кошмаров... прочь, прочь из Лондона... туда, где она будет чувствовать себя в полной безопасности...

Она хотела все забыть... Все, что с нею произошло, казалось теперь нереальным. Все словно куда-то отодвинулось, исчезло, со всем покончено – со старой жизнью и прежними чувствами. Она ощущала себя совсем иным, незнакомым ей самой беззащитным созданием, которое еще ничего не знает и все начинает заново. Это было так странно и так страшно...

Но как уютно она чувствовала себя рядом с Питером Лордом...

Они уже покинули пределы Лондона и проезжали по предместьям.

Наконец она сказала:

– Это все благодаря вам... только вам.

– Нет, это заслуга исключительно Эркюля Пуаро. Этот человек – просто волшебник! – возразил Питер Лорд.

Но Элинор покачала головой и упрямо сказала:

– Нет, ваша! Вы ведь его пригласили и заставили сделать то, что он сделал!

Питер Лорд усмехнулся.

– Действительно, можно сказать, заставил...

– Вы знали, что я ничего... не подсыпала... или сомневались? – спросила Элинон.

– Твердой уверенности у меня не было, – признался Питер Лорд.

– Вот-вот... я ведь тоже чуть было не сказала «виновна»... ну сразу... в самом начале... потому что, понимаете, я думала об этом... я думала об этом в тот день.

– Да, я это понял, – сказал Питер Лорд.

– Я тогда еще увидела, что Мэри пишет завещание – как нарочно! Мне стало почему-то так смешно!.. Все кажется теперь таким странным... на меня нашло тогда какое-то помешательство. Когда я покупала паштет, а потом готовила сэндвичи, я представляла себе, как подмешиваю в сэндвичи яд, как Мэри ест их и умирает... и как Родди возвращается ко мне.

– Некоторым людям такие вот фантазии помогают обрести равновесие, – заметил Питер Лорд. – Так что подобные мысли совсем не крамола. Проиграв «преступление» в уме, мы избавляемся от дурных помыслов, они уходят из нашего сознания. Примерно тот же механизм, что при потоотделении: вместе с потом из организма выводятся всякие вредные вещества.

– Наверное, вы правы. Потому что все вдруг куда-то ушло. Я имею в виду, весь этот мрак... Когда Хопкинс сказала мне, что укололась о розовый куст около сторожки, все вдруг вернулось на свои места, все стало прежним. – Она, вздрогнув, добавила: – Но потом мы вошли в гостиную и я увидела ее умирающей – и... и подумала: так ли уж велика разница между мыслью об убийстве и самим убийством?

– Очень велика! – воскликнул Питер Лорд.

– Вы думаете, что она существует, эта разница?

– Безусловно! Мысль об убийстве никому не причиняет вреда. У некоторых людей превратные представления о подобных вещах: они полагают, что обдумывать убийство и подготавливать его – одно и то же. Это в корне неверно. Если вы, так сказать, «вынашиваете» убийство достаточно долго, то в один прекрасный день вы неожиданно выходите из этого мрака на свет и начинаете понимать, что все ваши планы, в сущности, совершенно нелепы!

– О, как вы умеете успокаивать... – сказала Элинон.

– Ничего подобного, – не слишком убедительно пробормотал Питер

Лорд. – Просто у меня есть здравый смысл.

– Время от времени... – в глазах Элинон неожиданно блеснули слезы, – там, в суде... я смотрела на вас. И это придавало мне мужества. Вы выглядели таким... обычным! – Она рассмеялась. – Вы уж простите меня за эту бестактность!

– Я вас хорошо понимаю, – сказал он. – Когда оказываешься в какой-нибудь кошмарной ситуации, единственное, что помогает держаться, – это думать о чем-нибудь обычном или смотреть на него. И вообще, в обыденных вещах есть своя неоценимая прелесть. По крайней мере, для меня.

Впервые с того момента, как они сели в машину, Элинон взглянула на своего спутника.

Нет, ее сердце не сжалось от мучительной нежности, как это всегда бывало, когда она смотрела на Родди. Нет, она не почувствовала этой щемящей боли, непостижимым образом смешанной с почти непереносимой радостью. Теплота и спокойствие – вот что она ощутила, глядя на Питера Лорда.

«Какое же милое у него лицо, – подумала Элинон, – милое и забавное. И такое успокаивающее».

Они все мчались и мчались.

И наконец подъехали к воротам, за которыми уютно прикорнул на склоне холма белый домик.

– Здесь вас никто не потревожит, – сказал Питер Лорд.

Повинуясь внезапному порыву, она положила руку на его плечо:

– А вы... вы будете навещать меня?

– Конечно.

– Часто?

– Все зависит от того, как часто вам захочется меня видеть.

– Пожалуйста, приезжайте... как можно чаще.

Глава 6

– Теперь вы поняли, дружище, что ложь, которую мне преподносят, не менее полезна, чем правда? – спросил Пуаро.

– И что же, вам каждый лгал? – спросил Питер Лорд.

– О да! – кивнул Эркюль Пуаро. – Как вы понимаете, у всех на то были свои причины. Но один человек, который обязан был говорить правду, человек очень чуткий и чрезвычайно честный по натуре, – именно тот человек озадачил меня больше всех!

– Сама Элиноор! – догадался Питер Лорд.

– Вот именно. Все улики были против нее. Однако она сама, при всей ее щепетильности и нетерпимости ко лжи, ничего не предпринимала, чтобы снять с себя подозрение. Обвиняя себя если не в содеянном, то в желании это сделать, она была на грани того, чтобы отказаться от неприятной и унижительной борьбы за собственное спасение. Да-да, она готова была признать себя виновной в преступлении, которого не совершала.

Питер Лорд шумно вздохнул:

– Невероятно!

Пуаро покачал головой:

– Вовсе нет. Она сама себе вынесла приговор, потому что предъявляла к себе более высокие требования, чем большинство из нас.

– Да, это на нее похоже, – в раздумье сказал Питер Лорд.

Эркюль Пуаро продолжал:

– Практически на протяжении всего моего расследования вероятность того, что Элиноор Карлайл действительно виновна, оставалась очень велика. Однако я, как вам и обещал, скрупулезно все проанализировал и обнаружил, что есть довольно серьезные основания, чтобы выдвинуть обвинение против другого лица.

– То есть против сестры Хопкинс?

– Нет. Первым мое внимание привлек Родерик Уэлман. Он тоже сразу начал со лжи. Сказал, что уехал из Англии девятого июля и вернулся первого августа. Однако сестра Хопкинс случайно упомянула, что Мэри Джерард отказывала ему дважды: в Мейденсфорде и еще раз, когда она виделась с ним в Лондоне. Вы выяснили для меня, что Мэри Джерард уехала в Лондон десятого июля, то есть на следующий же день после отъезда Родерика Уэлмана из Англии. Когда же в таком случае она успела

объясниться с Родериком? Я призвал на помощь знакомого взломщика и, получив благодаря его искусству доступ к паспорту Уэлмана, обнаружил, что с двадцать пятого по двадцать седьмое июля он находился в Англии. Стало быть, он лгал.

Мне не давал покоя тот отрезок времени, в течение которого сандвичи оставались в буфетной без присмотра, – когда Элино́р Карлайл находилась в сторожке. По логике в данном случае жертвой должна была бы стать Элино́р, а не Мэри. Имел ли Родерик Уэлман мотив для убийства Элино́р Карлайл? Да, имел. И весьма существенный. Она написала завещание, по которому ему доставалось все ее состояние. Путем искусных наводящих вопросов мне удалось выяснить, что Родерик Уэлман вполне мог узнать об этом факте.

– Так почему же вы решили, что он невиновен? – спросил Питер Лорд.

– Потому что мне снова солгали! И тоже очень неумно, по сути выдав себя ерундой! Сестра Хопкинс сказала, что уколола руку о розовый куст и в ранке остался шип. Я, конечно же, осмотрел этот куст – шипов на нем не было и в помине... Стало очевидно, что сестра Хопкинс лжет... и так глупо, так вроде бы бессмысленно... Я, естественно, сразу же взял это обстоятельство на заметку и стал выяснять, что она за личность. До этого момента сестра Хопкинс представлялась мне вполне надежной свидетельницей, с четкой позицией. Она была решительно настроена против обвиняемой, что вполне естественно, учитывая ее привязанность к покойной девушке. Но после этого ни с чем не сообразного заявления я более тщательно проанализировал ее поведение и показания и понял то, что раньше от меня ускользало. А именно: сестра Хопкинс что-то знала о Мэри Джерард и страстно желала, чтобы эти сведения выплыли наружу.

– А разве не наоборот? – удивился Питер Лорд.

– Это была только видимость! Она великолепно сыграла роль человека, который что-то знает и стремится это скрыть! Но, хорошенько пораскинув мозгами, я сообразил, что каждое произнесенное ею слово преследовало диаметрально противоположную цель. Моя беседа с сестрой О'Брайен утвердила меня в моей догадке. Хопкинс весьма ловко использовала ее в своих целях, а та об этом даже не подозревала.

Мне стало ясно, что сестра Хопкинс ведет свою собственную игру. Я сопоставил два этих ложных заявления – ее и Родерика Уэлмана. Возможно, ложь кого-то из них была вызвана, в сущности, чем-то совершенно невинным?

Относительно Родерика... я тут же сказал себе: да, тут ничего серьезного. Родерик Уэлман – натура легко уязвимая. Признаться в том, что

у него не хватило воли – ведь он собирался пробыть за границей довольно долго! – в том, что он все-таки не утерпел и вернулся ради этой девушки. И мало того! Эта девушка вновь отвергла его! Нет, это слишком бы ранило его гордость. Поскольку все знали, что его не было в тот роковой день в Англии и, стало быть, он никоим образом не причастен к преступлению, он пошел по линии наименьшего сопротивления – чтобы избавить себя от лишних неприятностей (очень для него характерно!). Он попросту умолчал о своем двухдневном визите в Англию и сказал, что вернулся домой только первого августа – сразу же, как только узнал об убийстве.

Ну а чем была вызвана ложь сестры Хопкинс? И так ли уж она была невинна? Чем больше я размышлял, тем более странным мне казалось ее поведение. Почему сестра Хопкинс сочла необходимым солгать по поводу отметины на запястье? Что она хотела скрыть?

Я стал задавать себе вопросы. Кому принадлежал похищенный морфин? Сестре Хопкинс. Кто мог ввести его старой миссис Уэлман? Сестра Хопкинс. Но зачем тогда было привлекать внимание к его исчезновению? На это мог быть лишь один ответ (разумеется, в случае вины Хопкинс!) – потому что ею уже замышлялось другое убийство, убийство Мэри Джерард. Причем явно была уже подыскана жертва, на которую можно было потом все свалить. И очень важно было показать, что у этой будущей жертвы имелась возможность завладеть морфином.

Эти выводы позволяли объяснить и другие факты. Например, полученное Элино́р анонимное письмо. Автор письма явно старался вызвать неприязнь по отношению к Мэри Джерард. Расчет был сделан, несомненно, на то, что Элино́р тут же помчится в Хантербери, чтобы противостоять влиянию Мэри Джерард на миссис Уэлман. То, что Родерик Уэлман страстно влюбится в Мэри, конечно, предугадать было невозможно, но сестра Хопкинс тут же сообразила, как этим воспользоваться. Теперь у так называемой «убийцы», то бишь у Элино́р, появился очень убедительный мотив для убийства.

С какой целью были совершены эти убийства? Зачем сестре Хопкинс потребовалось избавляться от Мэри Джерард? Передо мной в какой-то момент забрезжил свет – о, пока еще очень слабый, почти неразличимый в тумане. Я знал, что сестра Хопкинс имела довольно большое влияние на Мэри Джерард. В частности, именно она убедила девушку написать завещание. Однако завещание было не в пользу Хопкинс. Оно было написано в пользу Мэри Райли, проживавшей в Новой Зеландии. И тут я вспомнил случайную фразу одного из деревенских жителей – о том, что тетка Мэри работала больничной медсестрой.

Туман начал рассеиваться, свет становился ярче. Передо мной все отчетливей вырисовывалась схема задуманного преступления. Теперь можно было двинуться дальше. Я еще раз посетил сестру Хопкинс. И она и я блестяще разыграли друг перед другом комедию. В конце концов она позволила уговорить себя рассказать то, что жаждала выложить с самого начала! И все же она, пожалуй, слишком поторопилась! Но уж больно удобный случай подвернулся, и она не хотела его упускать. К тому же истина рано или поздно все равно должна была выплыть на свет божий. С весьма талантливо разыгранным сомнением она извлекла письмо. И тогда, друг мой, догадки перестали быть догадками... теперь я знал наверняка! Письмо выдавало ее с головой.

Питер Лорд недоуменно сдвинул брови:

– Каким образом?

– Mon cher, надпись на конверте гласила: «Для Мэри. Переслать ей после моей смерти». Но из содержания письма становилось совершенно ясно, что Мэри Джерард не должна узнать правду. Да и слово «переслать» (а не «передать»), написанное на конверте, кое-что проясняло. А именно: письмо предназначалось не Мэри Джерард, а другой Мэри. Элиза Райли хотела сообщить правду своей сестре Мэри Райли, живущей в Новой Зеландии.

Сестра Хопкинс обнаружила это письмо совсем не в сторожке и совсем не после смерти Мэри Джерард. Оно хранилось у нее уже много лет. Она получила его еще в Новой Зеландии, куда его послали после смерти сестры. – Он сделал паузу. – Когда видишь истину глазами разума, остальное уже проще. Благодаря скорости современных самолетов в суде появилась свидетельница, которая хорошо знала Мэри Дрейпер в Новой Зеландии.

– Ну а если бы вы ошиблись и сестра Хопкинс и Мэри Дрейпер не оказались бы одним и тем же лицом, что тогда? – поинтересовался Питер Лорд.

– Я никогда не ошибаюсь! – холодно возразил Пуаро.

Питер Лорд рассмеялся.

– Мой друг, теперь мы кое-что знаем об этой женщине, – продолжил Пуаро. – Итак, Мэри Райли, она же Дрейпер. Полиция Новой Зеландии не смогла собрать достаточно улик для того, чтобы предъявить ей обвинение, но она уже некоторое время находилась под наблюдением – до того как внезапно покинула страну. У нее в Зеландии была пациентка, старая леди, которая завещала «дорогой сестре Райли» порядочную сумму, и смерть этой леди весьма озадачила ее врача. Муж Мэри Дрейпер застраховал свою

жизнь на значительную сумму, которая в случае его смерти была бы выплачена ей, и тоже вскоре умер – совершенно неожиданно. Однако тут ей не повезло: муж действительно выписал чек на страховую компанию, но забыл его отправить. Возможно, на ее совести не только эти известные нам случаи. Вне всякого сомнения, это беспощадная и не брезгующая ничем женщина.

Вы представьте, какую пищу ее предприимчивому уму и какие перспективы давало письмо сестры. Когда земля Новой Зеландии, как говорится, стала гореть у нее под ногами, она вернулась в Англию и нанялась на работу под фамилией Хопкинс (это фамилия одной из ее покойных коллег, с которой она когда-то работала в больнице). Ее конечной целью был Мейденсфорд. Видимо, она собиралась прибегнуть к шантажу. Однако миссис Уэлман была не такой женщиной, которая позволила бы себя шантажировать, и сестра Райли, или Хопкинс, весьма разумно отказалась от этой затеи. Несомненно, она навела справки и обнаружила, что миссис Уэлман очень богатая женщина, а по каким-то обмолвкам старой леди поняла, что та не составила завещания. Так что в тот июньский вечер, когда сестра О'Брайен сообщила своей коллеге, что миссис Уэлман просила пригласить к ней поверенного, Хопкинс действовала без колебаний. Миссис Уэлман должна была умереть, не составив завещания, чтобы ее незаконная дочь могла бы унаследовать все состояние. К тому времени Хопкинс успела подружиться с Мэри Джерард и приобрела довольно большое влияние на девушку. На первом этапе главное было сделано, оставалось лишь убедить Мэри Джерард написать завещание в пользу сестры своей матери; Хопкинс сама тщательно проследила за формулировкой завещания. В нем не было никакого упоминания о том, кем приходится Мэри Джерард Элиза Райли. «Мэри Райли, сестре покойной Элизы Райли», и все. Как только Мэри подписала завещание, она была обречена. Хопкинс выжидала лишь подходящего случая. Полагаю, что она заранее наметила такой способ убийства, в котором важное место отводилось апоморфину, – чтобы обеспечить себе алиби. Вероятно, она собиралась каким-то образом залучить Элинора и Мэри в свой коттедж. Когда же Элинора пришла в сторожку и пригласила их обеих на сэндвичи, Хопкинс мгновенно сообразила, что ей представилась исключительная возможность. Обстоятельства складывались таким образом, что Элинора должны были неизбежно осудить.

– Не будь вас, ее бы признали виновной, – медленно проговорил Питер Лорд.

– Ничего подобного, мой друг, – быстро сказал Пуаро, – это вас она

должна благодарить за свое спасение.

– Меня? Но я же ничего не сделал. Я старался...

Он не договорил. Легкая улыбка тронула губы Пуаро.

– Mais oui, вы старались изо всех сил, не так ли? Вы были нетерпеливы, вам казалось, что я топчусь на месте. К тому же вы опасались, что она может все-таки оказаться виновной, и потому осмелились лгать мне, Эркюлю Пуаро! Но, mon cher, вы не слишком преуспели в этом. Мой вам совет: продолжайте лечить корь и коклюш, а расследование преступлений предоставьте другим.

Питер Лорд вспыхнул.

– Вы знали... все это время? – пробормотал он.

– Вы приводите меня за руку к просвету в кустах и помогаете найти спичечный коробок, который сами же только что туда подбросили! C'est l'enfantillage!^[38]

Питер Лорд растерянно заморгал.

– Не напоминайте мне об этом! – простонал он.

– Вы вступаете в разговор с садовником, – продолжал Пуаро, – и буквально заставляете его сказать, что он видел на дороге вашу машину. И тут же пугаетесь и начинаете уверять, что машина была не ваша. И смотрите на меня выразительным взглядом, пытаясь мне внушить, что в Хантербери в то утро приезжал какой-то неизвестный.

– Я, конечно, жуткий болван!

– Кстати, а что вы делали в Хантербери в то утро?

Питер Лорд опять покраснел.

– Чистейший идиотизм... Я... я услышал, что она приехала, и пошел к дому в надежде ее увидеть. Я не собирался с ней говорить. Я... просто хотел... ну... увидеть ее. С тропинки, обсаженной кустами, я видел, как она в буфетной резала хлеб и мазала его маслом...

– Ну просто Шарлотта и Вертер^[39]. Продолжайте, мой друг.

– Мне больше не о чем говорить. Я просто спрятался в кустах и наблюдал за ней, пока она не ушла.

– Вы полюбили Элинор Карлайл с первого взгляда? – мягко спросил Пуаро.

– Думаю, да.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Питер Лорд проговорил:

– Полагаю, у них с Родериком Уэлманом впереди долгая и счастливая жизнь.

– Дорогой мой друг, ничего такого вы не полагаете! – возразил Пуаро.

– Почему нет? Она простит ему историю с Мэри Джерард. В конце концов, это было всего лишь наваждение.

– Нет, тут все не так просто... Иногда между прошлым и будущим разверзается глубокая пропасть. Когда человек, лишь чудом не угодивший в долину смерти, выбирается потом на солнечный свет, для него начинается новая жизнь, *mon cher*... И прошлое для него уже ничего не стоит... – И, немного помолчав, он повторил: – Новая жизнь... Она начинается теперь для Элинон Карлайл... И именно вы подарили ей эту жизнь.

– Нет.

– Да. Именно ваша решительность, ваша самонадеянная настойчивость побудили меня сделать то, о чем вы просили. Признайтесь, ведь именно вас она благодарила, разве не так?

– Да, она очень благодарна... сейчас. Она просила почаще ее навещать.

– Естественно... вы ей нужны...

– Но не так, как нужен он! – в отчаянии воскликнул Питер Лорд.

Эркюль Пуаро покачал головой.

– Она никогда не нуждалась в Родерике Уэлмане. Она любила его, да, безответно... отчаянно.

Лицо Питера Лорда помрачнело.

– Меня она никогда не будет так любить, – вдруг охрипшим голосом проговорил он.

– Возможно, – согласился Пуаро. – Но она нуждается в вас, друг мой, потому что только с вами она сможет обрести новую жизнь.

Питер Лорд промолчал.

И тогда Эркюль Пуаро мягко добавил:

– Почему бы вам не принимать факты такими, какие они есть? Она любила Родерика Уэлмана. Ну и что? Зато с вами она сможет быть счастливой...

Примечания

1

Песня шута из пьесы «Двенадцатая ночь».

Библейская аллюзия – Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 28: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут».

Ривьера (Лазурный Берег) – полоса гористого побережья Франции на Средиземном море, международный курорт.

«Тэтлер» – ежемесячный иллюстрированный журнал, выходящий с 1901 года и публикующий материалы из области спорта, развлечений, светской жизни, искусства.

Ньюмаркет – город в графстве Кембриджшир, известный своим ипподромом; здесь начиная с XVII века ежегодно устраиваются скачки, на которые устремляются массы зрителей.

Норлендское училище – медицинское училище в городке Саммер-Хилл (графство Кент).

Люмбаго (прострел) – стреляющие боли в поясничной области при заболевании мышц или нервов.

Аталанта – в древнегреческой мифологии прекрасная девушка, прославившаяся своим мастерством в стрельбе из лука и беге и обещавшая выйти замуж за того, кто победит ее в состязании.

Гарбо Грета (1905–1990) – американская киноактриса шведского происхождения.

Здесь имеется в виду фильм «Дама с камелиями» по одноименному роману А. Дюма-сына. Опера «Травиата» на сюжет романа Дюма-сына написана итальянским композитором Дж. Верди.

Гейбл Кларк (1901–1961) – американский киноактер.

Саркома – злокачественная опухоль.

Морфин – сильное болеутоляющее средство, белый кристаллический порошок, растворимый в воде и спирте.

Шарабан – экскурсионный автобус (от фр. повозка с сиденьями).

Лой Мирна (род. 1905) – американская киноактриса, работавшая также на телевидении и в театре.

«Добрая земля» – кинофильм по роману американской писательницы и журналистки, лауреата Нобелевской премии Перл Бак (1892-1973).

Галеон – большое и тяжелое испанское судно, использовавшееся в XVI–XVIII веках для торговли с Америкой.

Здесь обыгрывается начальная строка поэмы «Эндимион» английского поэта-романтика Джона Китса (1795–1821).

Стиль мебели эпохи правления королевы Виктории (1837–1901) – тяжелая, часто из красного дерева, с множеством резных украшений.

Война Алой и Белой розы – междоусобная феодальная война в 1455–1485 годах, вылившаяся в борьбу за английский престол между династиями Ланкастеров (в гербе которых была алая роза) и Йорков (в гербе которых была белая роза).

Атропин – ядовитый алкалоид, содержащийся в белладонне, белене и др., в малых дозах применяемый в медицине, но в больших дозах способный вызвать судороги и смерть.

Эксгумация – извлечение из земли тела умершего для более точного установления причин смерти с помощью судебно-медицинской экспертизы.

Бог мой! (*фр.*)

Диспепсия – нарушение пищеварения, выражающееся вздутием живота, отрыжкой, поносом, болями.

Сандрингем – одна из загородных резиденций английских королей в графстве Норфолк.

«*Придворный циркуляр*» – ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях, рассылаемый редакциям газет и журналов. Учрежден королем Георгом III в 1803 году.

Строки из стихотворения «Она жила среди нехоженных троп» (1801) английского поэта Уильяма Вордсворта (1770–1850).

Сагиб (англо-инд.) – господин, европеец, здесь: джентльмен.

Сэр Галаад – персонаж средневековых легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, воплощение рыцарских добродетелей.

Так? ($\phi p.$)

Элеонора Аквитанская (1122–1204) – жена английского короля Генриха II. Согласно легенде отравила фаворитку своего мужа Прекрасную Розамунду, предложив ей на выбор смерть от кинжала или от яда.

Гран – мера веса, равная 64,8 мг.

Районная медицинская сестра – приходящая медсестра в системе государственной службы здравоохранения Англии. Оказывает по предписанию врача помощь на дому.

Итон – одна из старейших и наиболее престижных мужских привилегированных средних школ.

Беркшир – графство в южной Англии, западнее Лондона.

Окленд – город и порт в Новой Зеландии на Северном острове.

Дептфорд – район Большого Лондона, расположенный на южном берегу реки Темзы.

Это же ребячество! (*фр.*)

Персонажи романа (в письмах) «Страдания молодого Вертера» великого немецкого поэта, философа и государственного деятеля Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832). Имеется в виду эпизод, где Шарлотта режет хлеб и раздает его своим младшим братьям и сестрам, а Вертер с восхищением наблюдает за этой сценкой.